

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

8 (20) 2007
Октябрь

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№8'2007

Общество

■ ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

И. Шмерлина

Свободное время – навязанное пространство жизни? 5

■ ДЕМОГРАФИЯ

Е. Вовк

Лучше позже? Возраст рождения первенца
и неявные концепции родительства 32

■ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

С. Климова

Лидер сельского кредитного кооператива
как социальный новатор 37

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев 47

Форум

■ СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО

Г. Елисеев, О. Елисеева

Ответственный класс в России 57

■ БИБЛИОТЕКА

Б. Фирсов

Возвращаясь на круги своя
О В.Э. Шляпентохе, его эпохе и его новой книге 75

Главный редактор
Александр Ослон
Зам. главного редактора
Елена Петренко

Ведущие разделов и рубрик
"Общество"

Григорий Кертман
"Форум"

Леонид Блехер
Георгий Любарский

"Мастерская"
Иван Климов
"Цифры"

Людмила Преснякова
"Между прочим"
Анатолий Черняков

Арт-директор
Анна Данилова
Ответственный секретарь
Мария Каневская
Маркет-менеджер
Светлана Басманова

Редакторы выпуска
Анастасия Егорова
Мария Каневская

Корректор
Наталья Шарова

Оригинал-макет
Любовь Софейчук

Рисунки
Александр Галицкий
Андрей Мирзоян

Учредитель и издатель
Фонд "Общественное мнение"

Президент
Александр Ослон
Директор по исследованиям
Елена Петренко
Директор по технологиям
Алексей Чуриков
Финансовый директор
Марианна Кононова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № **ФС77-21257** от **28.06.2005**

Поддержка издания:
Фонд Ельцина

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4
Тираж 700 экз.
Цена свободная

Номер подписан в печать
07.11.2007 г.

Адрес редакции журнала:
119421, Москва,
ул. Обручева, 26, корп. 2
тел.: (495) 745-87-65
факс: (495) 745-89-03
e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:
<http://socreal.fom.ru>

© "Социальная реальность"

Отпечатано в типографии
ООО "Группа Море"
101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

■ СОЦИОЛОГИЯ: ЗАПАС ЗНАНИЯ

С. Садмен, Н. Брэдбери, Н. Шварц

**Когнитивные и коммуникативные особенности
ответа на вопрос81**

■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...31

И. Шмерлина

"Охота к перемене мест..."55

Е. Вовк

Дети и подростки – пользователи Интернета79

И. Шмерлина

Свободное время – навязанное пространство жизни?

Время – не деньги

Для большинства россиян время не является остродефицитным ресурсом. Отвечая на вопрос: “Лично Вам чего больше не хватает – времени или денег?”, половина респондентов (50%) сказали, что им больше не хватает денег, и лишь один из девяти (11%) расставил приоритеты противоположным образом¹ (график 1).

Что касается свободного времени, которым человек может распоряжаться по своему усмотрению, то, судя по данным опроса, абсолютный дефицит этого ресурса характеризует жизнь примерно десятой части россиян (12%) – такова доля респондентов, сказавших, что у них вообще не бывает свободного времени. Большая часть наших сограждан живут в менее напряженном ритме: по утверждению 63% респондентов, какое-то количество свободного времени – хотя бы пара часов – у них обычно есть каждый день, а у пятой части опрошенных (21%) оно есть по крайней мере в выходные и праздничные дни.

Чем заполнено свободное время россиян? Их самый любимый вид времяпрепровождения – “у телевизора”. Подобный ответ чаще всего давали люди, отвечая на открытый вопрос: “Скажите, пожалуйста, как Вы обычно проводите свое свободное время?»: “смотрю любимые передачи”; “большую часть уделяю телевизору”; “сидим с бабушкой, телевизор смотрим” (28% респондентов)².

¹ К счастливчикам, не испытывающим недостатка ни в деньгах, ни во времени, отнесли себя 10% опрошенных, а 27% пожаловались, что им в равной степени остро не хватает и того, и другого (Общероссийский опрос населения 9–10 июня 2007 года 100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов. Далее по умолчанию приводятся данные этого опроса).

² Полную тематическую структуру ответов на этот и другие открытые вопросы о свободном времени респондентов см. на с. 16–17.

Люди часто жалуются, что им не хватает времени и денег. Скажите, пожалуйста, а лично Вам чего больше не хватает – времени или денег? Или, может быть, Вам хватает и времени, и денег?

График 1

Впрочем, как известно, открытый вопрос позволяет не столько оценить распространенность явления, сколько раскрыть его содержательные особенности. Для оценки количественной стороны дела лучше обратиться к данным, полученным с помощью закрытых вопросов. Определенными ориентирами здесь могут служить опросы ФОМа, проведенные в конце 90-х годов. Судя по этим материалам, в осенне-зимний период доля граждан, которые коротают свой досуг “у телевизора”, находится в диапазоне от двух третей до трех четвертей, а в летний период она снижается примерно до половины³.

Конечно, за это время показатели могли несколько измениться, тем не менее и сегодня, как и десять лет назад, когда речь заходит о досуге, люди прежде всего говорят о телевизоре. При том что они часто демонстрируют пренебрежительное отношение к “ящику”, последний по-прежнему организует свободное время основной массы населения.

Любопытно, что пренебрежительная оценка “телевизионного” способа времяпрепровождения – явление почти столь же распространенное, как и сам этот способ. К “телеку” *принято* относиться иронично, и поддерживая эту иронию, люди создают необходимую оправдательную дистанцию между собой, своими культурными запросами – которые, разумеется, не сводятся к “тупому сидению перед ящиком”, – и фактическим поведением, которое зачастую именно этой формулой и описывается.

Если принять во внимание весь этот достаточно сложный и вместе с тем легко узнаваемый комплекс предубеждений и предпочтений, сложившийся “вокруг телевизора”, нетрудно будет расшифровать те мнимые парадоксы, которые возникают при сопоставлении данных, полученных “открытым” и “закрытым” способами. Так, отвечая на открытый вопрос: “Если бы у Вас было столько свободного времени, сколько Вам необходимо, как бы Вы им распорядились? Чем бы Вы стали заниматься?”⁴, мало кто сказал, что хотел бы проводить свободные часы “у телевизора” (1% респондентов). В то же время, когда в 1994 году социологи Фонда “Общественное мнение” предложили респондентам карточку с перечнем различных вариантов проведения досуга, попросив при этом указать, что из перечисленного доставляет им особое удовольствие⁵, и мужчины, и женщины чаще всего выбирали просмотр телепередач⁶.

Можно было выбрать несколько занятий из списка, включавшего 21 позицию. Как распределились первые десять мест, показано в *табл. 1*.

При сопоставлении этих данных, помимо временного интервала между опросами, необходимо учитывать и содержа-

³ Опросы населения от 2 сентября 1998 года и 10 февраля 1999 года.

⁴ Вопрос задавался в том числе и тем, у кого, по их словам, вообще нет свободного времени.

⁵ Заметим, что подобный способ – выявление того, что доставляет человеку наибольшее удовольствие, – считается более адекватным инструментом изучения ценностных установок личности, нежели прямые вопросы на соответствующую тему.

⁶ Всероссийский опрос городского и сельского населения. Март 1994 года. 2468 респондентов.

Табл. 1

Мужчины	Место	Женщины
Смотреть телевизор	1	Смотреть телевизор
Просто отдыхать	2	Просто отдыхать
Общаться со знакомыми и друзьями	3	Общаться со знакомыми и друзьями
Читать газеты, книги, журналы	4	Наводить порядок, создавать уют в доме
Сытно поесть	5	Читать газеты, книги, журналы
Слушать музыку	6	Принимать гостей
Носить качественную, удобную одежду, обувь	7	Носить качественную, удобную одежду, обувь
Заниматься своим хобби	8	Готовить пищу
Принимать гостей	9	Заниматься с детьми
Заниматься своим профессиональным делом	10	Слушать музыку

тельное несовпадение вопросов. Одно дело, когда респонденту предлагают выбрать любимую форму досуга из тех, что ему реально доступны, и совсем другое, когда ему задают проективный вопрос: «если бы...» (*«Если бы у Вас было столько свободного времени, сколько Вам необходимо, как бы Вы им распорядились? Чем бы Вы стали заниматься?»*). В последнем случае человек должен продемонстрировать свои культурные запросы и жизненные притязания, фактически – обозначить нереализованный потенциал своей личности: сам вопрос, заданный в проективной форме, требует того, чтобы респондент несколько приподнялся над реальностью. И странно было бы ожидать, что, отвечая на него, человек в своих мечтах и планах вновь с удовольствием плюхнется в кресло перед телевизором.

Вернемся к разным способам проведения свободного времени, упоминавшимся респондентами в ответах на открытый вопрос. Для 14% опрошенных обычным, по их словам, занятием на досуге является чтение (*«газеты читаю»; «читаю литературу»; «читаем книги»; «читаю классику и периодику»*). Среди людей с высшим образованием любителей чтения несколько больше, но в целом тоже не так уж много – 22%.

По утверждению 14% респондентов, свое свободное время они отдают общению с родными, чаще всего – с детьми и внуками (*«все свободное время посвящаю своему ребенку»; «к родителям уезжаю»; «с женой общаюсь...»; «на семью трачу свое время»; «играю с внуками»*).

Примерно каждый восьмой участник опроса говорил, что в свободное время выходит на свежий воздух, гуляет (*«на скамеечке люблю посидеть»; «гуляю в парке...»; «бываю на улице»* – 12%), столько же отдаются, по их словам, «дачной страсти» (*«все время провожу на даче»; «на даче люблю сажать»; «в огороде возжусь»* – 12%), такая же доля респондентов предпочитают, как они утверждают, активный отдых *«на природе»* (*«в лес хожу по ягоды, грибы, на рыбалку»; «выезжаю на природу»; «на Байкал езжу»* – 12%), а для 11% лучший вид свободного времяпрепровождения – это отдых *«на диване»* (*«отсытаюсь»; «на койке лежу»*).

Примерно для каждого десятого респондента (9%) понятие свободного времени ассоциируется с дружеским общением (*«навещаю друзей...»; «музыку слушаю с друзьями»; «с друзьями собираемся, пиво пьем вечером»*), а для 6% –

с домашними хлопотами (“на кухне”, “за домашними делами”, “готовлю, стираю дома”; “ремонтирую квартиру”).

Для 4% опрошенных свободное время – это культурный досуг, развлечения (“театры, музеи, кино”; “культурная программа, концерты...”; “в клуб”; “хожу на дискотеку”; “хожу на выставки, в музей”); столько же сказали, что проводят его в спортзалах, на кортах, на лыжне и пр. (“спортом занимаюсь”; “тренировка, спорт”; “лыжи...”; “играю в теннис”); еще для 4% обычным занятием в свободные часы, по их словам, является рукоделие (“вышиваю крестиком...”; “занимаюсь вязкой”; “тапочки шью”).

3% опрошенных сказали, что в свободное время предпочитают ходить в гости. “За компьютером” проводят свободное время 2% респондентов; “в гараже...” – 1%; столько же коротают досуг за разгадыванием кроссвордов и сканвордов. Некоторые респонденты упоминали другие занятия и хобби, перечень которых оказался весьма широк: “занимаюсь цветоводством”; “слушаю музыку”; “хожу в хор...”; “рисую”; “столярничаю”; “занимаюсь наукой”; “пишу книги”; “...полеты на воздушных шарах” (3%).

Об “антикультурных” способах своего времяпрепровождения говорили единицы (“водку пью”; “если есть деньги, могу позволить выпить”), что, впрочем, еще не означает, что подобные занятия нетипичны для досуга наших сограждан. Напомним, что все вышеперечисленное – это **самоотчет** респондентов, но не объективные (внешние) данные об их фактическом поведении.

Такова структура свободного времени россиян, выявленная в ходе последнего исследования. Любопытно посмотреть, насколько она отвечает теоретическим представлениям о содержании данного концепта.

Свободное время должно быть свободно

Возьмем в качестве ориентира обстоятельную статью в Большой советской энциклопедии, посвященную этой теме⁷.

Согласно названному источнику, свободное время может быть описано через следующие виды деятельности:

- 1) активная творческая (в т. ч. общественная) деятельность;
- 2) учёба, самообразование;
- 3) культурное (духовное) потребление, имеющее индивидуальный (чтение газет, книг и т. п.) и публично-зрелищный (посещение кино, театров, музеев и т. д.) характер;
- 4) физические занятия (спорт и т. п.);
- 5) любительские занятия типа хобби;
- 6) занятия, игры с детьми;
- 7) товарищеские встречи, общение с другими людьми;
- 8) пассивный отдых;

а также затраты времени, совпадающие с явлениями антикультуры (например, злоупотребление алкоголем) [БСЭ. Том 23. 1976. С. 87–88.]

⁷ Классификация, представленная ниже, разумеется, не является единственной попыткой концептуализации проблемы свободного времени и досуга. Библиографический обзор на эту тему см.: [Черкасов].

Многие позиции этого списка и того, что был выявлен на основе самоотчета респондентов, совпадают, однако имеются и расхождения. Так, никто из опрошенных не упоминал занятий, которые попадали бы под категорию “активная... общественная... деятельность”⁸. Современным аналогом такого социального анахронизма будет, очевидно, участие в деятельности политических партий и движений. По данным других исследований мы знаем, что в такого рода деятельность вовлечены сегодня лишь немногие⁹, причем далеко не очевидно, что они рассматривают ее в качестве свободного времяпрепровождения.

С другой стороны, далеко не все занятия, которые были названы в ходе опроса, однозначно идентифицируются с определенной позицией представленного списка. Например, неясно, к какой рубрике следует отнести “просмотр телепередач”. Одна из форм “культурного потребления”? Однако легче согласиться со второй составляющей данного концепта (“потребление”), нежели с первой (“культурное”). По-видимому, “телеповедение” стоит квалифицировать как формальную категорию, содержание которой определяется контекстуально: в одних случаях оно “поднимается” до средства духовного самообогащения личности, в других – сводится к пассивному отдыху и даже своеобразному способу релаксации (механическое “прощелкивание” телеканалов – занятие, которому часто бездумно предаются многие люди, – это фактически простой прием расфокусирования внимания), в-третьих – просто создает комфортный бытовой фон.

“Я очень люблю посмотреть телевизор, потому что сейчас насколько диапазон каналов увеличился: есть всегда что выбрать, – то, что тебя интересует. Очень много стало наших фильмов студийных, которые снимаются, довольно-таки интересных” (ДФГ, Санкт-Петербург)¹⁰.

“...Если уже так упахаться <на работе>, то никакого отдыха потом такого активного не захочется. Включить сериал, тупо в него смотреть, причем ничего не видя...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Ну, фонит... включаешь... и слушаешь одним ухом” (ДФГ, Москва).

“Иногда телевизор... знаете, называется «спиной смотреть» – вот что делаешь, а он вроде работает” (ДФГ, Москва).

Далее, не очень понятно, в какую рубрику следует отнести ответы типа “занимаюсь собой”. В представлении советских теоретиков, уход за собой располагался

⁸ Что касается “активной творческой... деятельности” как таковой (разновидностью которой выступила в данной классификации общественная деятельность), то ее проявления можно увидеть в таких ответах респондентов, как “пишу книги”; “занимаюсь наукой”; “рисую”. Здесь, однако, плохо различима грань между профессиональным творчеством и хобби, поэтому при рубрицировании приведенных ответов они были помещены в категорию “занимаюсь любимым делом, хобби”, вобравшую в себя 3% высказываний (вместе с такими, как “слушаю музыку”; “плановые полеты на воздушных шарах”; “столярничая”; “занимаюсь цветоводством”; “хожу в хор...” и т. п.).

⁹ Так, по результатам опроса, проведенного Фондом “Общественное мнение” 28–29 мая 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов), в какой-либо политической партии или организации состоят, по их словам, 2% респондентов, состояли прежде – 17%, хотели бы состоять – 9%.

¹⁰ Фокус-группы по теме “Свободное время” проводились 29 мая 2007 года в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже. Материалы этих фокус-групп приводятся далее по умолчанию.

где-то поблизости с удовлетворением физиологических потребностей¹¹. Это не вызывает возражений, если понимать под уходом за собой гигиенические процедуры вроде чистки зубов и умывания. Однако самозабвенное занятие маникюром вряд ли можно рассматривать как удовлетворение физиологических потребностей. Между тем, гламурный стиль современной жизни культивирует

подобные занятия в качестве одного из обязательных способов свободного времяпрепровождения; на это активно работает вся косметологическая индустрия, предлагающая разнообразные и изысканные способы ухода за собой, эстетически-развлекательная составляющая которых, по-видимому, намного превосходит по своему значению меди-

цинско-косметологическую. Неслучайно и на наших фокус-группах девушки вспоминали о модных спа-салонах.

“Модератор: ...Чему еще человек должен посвящать свое свободное время?”

1-я участница: ...Заниматься собой, поддерживать свое физическое состояние в норме.

2-я участница: *В спа-салон сходить*” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Как, наконец, быть с едой, которая для всей человеческой культуры и для отдельно взятого человека обычно значит гораздо больше, нежели просто удовлетворение элементарной физиологической потребности?

“Модератор: *От чего <в свободное время вы> не можете отказаться? Вот от чего – никак?*”

Участник: *Покушать.*

Модератор: *Покушать?*

Участник: *Покушать, правильно.*

Модератор: *Но, подождите, Иван, покушать – это вещь такая... Это, ну, это инстинкт... это физиологические потребности...*

Участник: *Ну, это эмоциональное, радует. Это радость.*

Модератор: *А, вкусно покушать?*

Участник: *Да, покушаешь – и радуешься*” (ДФГ, Москва).

И наконец, совершенно непонятно, почему наши граждане, когда их спрашивают о свободном времени, начинают говорить о ремонте и уборке.

“Участница: *Нет, я всегда в это [свободное] время всех выгоняю из дома, если чем-то я занимаюсь, я тогда делаю все, что я хочу.*”

Модератор: *А что Вы делаете?*

Участница: *Уборка*” (ДФГ, Москва).

“Ремонтирую квартиру”; “занимаюсь домашним хозяйством”; “готовлю, стираю дома” (из ответов на открытый вопрос: “Скажите, пожалуйста, как Вы обычно проводите свое свободное время?”; 7% от числа тех, кто отвечал на данный вопрос).

“Занялся бы строительством в деревне”; “дома бы что-нибудь подремонтировал”; “ремонт дома сделал бы”; “больше времени уделяла бы домаш-

¹¹ Так, в статье “Бюджет времени”, помещенной в БСЭ, “уход за собой” рассматривается как затраты времени, рядоположенные с домашним трудом, передвижением на работу и удовлетворением физиологических потребностей [БСЭ. Том 4. 1971. С. 196], а в статье “Внерабочее время” этот вид занятий вообще не выделяется [БСЭ. Том 5. 1971. С. 156].

Для большинства россиян время не является остродефицитным ресурсом

ним делам”; “уборка в доме” (из ответов на открытый вопрос: “Если бы у Вас было столько свободного времени, сколько Вам необходимо, как бы Вы им распорядились? Чем бы Вы стали заниматься?”; 3% от числа тех, кто отвечал на данный вопрос).

Давая такие ответы, люди фактически деформировали критерий, предложенный исследователем: “Под свободным временем мы будем понимать время, которое остается у Вас после работы или учебы (если Вы работаете или учитесь) и выполнения домашних дел. Иначе говоря, свободное время – это время, которое полностью принадлежит Вам, которым Вы можете распоряжаться по своему усмотрению”. Любопытно, однако, что когда во время групповой дискуссии модератор попытался заставить ее участников соблюдать “чистоту” концепта, это вызвало у них сопротивление и привело к девальвации обсуждаемой категории.

“Модератор: ...На какие дела не хватает свободного времени? На какие дела, какие развлечения? <...>

1-й участник: Мне элементарного времени по дому сделать что-нибудь не хватает...”

“Модератор: Вот мы уже говорили, что свободное время – это то время, которое мы не тратим на работу по дому, а тратим лично на себя. Вот вам хотелось бы, чтобы такого времени было больше?.. На что вам не хватает его, на какие дела, на какие развлечения? На что вам нужно свободное время, что же вы с ним делать-то будете? <...>

2-й участник: Мне на ремонт не хватает времени, недавно просто переехал, одну комнату сделал, а вот вторую...

Модератор: А делать ремонт – это свободное время?

2-й участник: Ну а как, рабочее, что ли?

Модератор: Ну, если исходить из того, что мы говорили, что это время после работы, после учебы, после выполнения необходимых домашних дел. Лично ваше свободное время, которое вы тратите по собственному усмотрению.

2-й участник: У каждого по-своему.

3-й участник: Тогда ремонт – это другая работа.

Модератор: Вот я и пытаюсь выяснить: ремонт – это проведение свободного времени или нет?

2-й участник: Вот, на самом деле, выясняется, что свободного времени у человека вообще нет, потому что он ходит в туалет, чистит зубы...

4-й участник: Ну, это физиологическое уже.

2-й участник: Занимается бытом по квартире.

Модератор: Ну почему, например, Ира ездит в путешествия на природу, она не занимается уборкой квартиры.

2-й участник: Это тоже как бы свойства работы. То есть это надо собрать себя, поехать на электричке, выбраться за город, закупить себе определенные продукты.

Модератор: Это ее личный выбор – она распоряжается своим личным временем по своему собственному выбору.

Десятая часть россиян живут, не имея, по их словам, свободного времени

2-й участник: *Вот я и говорю, что мне не хватает своего времени свободного, чтобы сделать ремонт*” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В итоге дискуссии ее несколько раздраженные участники пришли к выводу:

“Да выясняется в итоге, что все, по большому счету, – работа” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В подобный тупик попали участники и другой фокус-группы:

Модератор: *А вот отпуск – это свободное время?*

1-я участница: *Конечно, свободное. <...>*

2-й участник: *Когда отпуск, думаешь что-то сделать.*

Модератор: *Ну например?*

2-й участник: *Поездку запланируешь.*

3-й участник: *Если фазенда есть, то какой это отпуск?*

Модератор: *А фазенда – это не свободное время?*

3-й участник: *Ну, от чего свободное?*

Модератор: *А в ваше личное время фазенда – свободное время?*

2-й участник: *В общем-то, свободного времени нет у человека”* (Воронеж).

Понятийный протей

Часто, когда людям приходится задумываться о простых вещах, эти вещи перестают быть простыми. Именно так и происходит с концептом свободного времени. Принимаясь рассуждать на эту тему, люди попадали в обширное и плохо структурированное понятийное пространство, верхняя граница которого совпадает с категорией “внерабочего времени”¹² (*“Ну, то, что не занято работой, – то и свободное время”*; *“свободное от принудительного труда, от зарабатывания денег”* – ДФГ, Воронеж), а нижняя – со временем физиологического отдыха.

Выстроив всю совокупность суждений, прозвучавших в ходе исследования, можно увидеть, что, рассказывая о своем свободном времени, респонденты работали с четырьмя разными, отчасти пересекающимися, отчасти конкурирующими между собой интерпретациями данного понятия:

- время, которым человек может распоряжаться свободно, по своему усмотрению;
- время любимых занятий;
- досуг;
- отдых.

(1) Первая из этих интерпретаций – **время, которым человек может распоряжаться по своему усмотрению**, – предполагает, что человек сам структурирует свое временное пространство, самостоятельно определяя свои занятия. Это время можно использовать как угодно – можно поехать в Бразилию, а мож-

¹² “Внерабочее время, время, не занятое общественно необходимым трудом на производстве... Количественно равно разнице между календарным и рабочим временем. Составляет преобладающую часть календарного времени. Состоит из времени, связанного с работой на производстве (дорога на работу и обратно и пр.); времени, затраченного на ведение домашнего хозяйства; времени на удовлетворение физиологических потребностей (сон, еда); свободного времени (досуга)” [БСЭ. Том 5. 1971. С. 156].

но “посвятить себя, допустим, домашним делам и решениям каких-то проблем” (ДФГ, Москва).

“Ну, лично для меня свободное время – это то, которым я сама распоряжаюсь... это то время, которое ни от кого не зависимое, которое я распределяю сама” (ДФГ, Москва).

(2) Свободное время – это **время любимых занятий**.

“Свободное время – это возможность заняться любимым делом” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Вот у каждого человека есть какое-то хобби, и вот наступает свободное время, и он занимается этим любимым занятием или спортом” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Для меня время свободное – это когда я могу посвятить себя своим занятиям, то, что мне нравится. То есть сейчас я пенсионерка, у меня уже нет работы, у меня домашняя работа, которая практически на мне, и это много времени занимает” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Когда можно чем-то посторонним заняться... Любимым делом” (ДФГ, Воронеж).

Если понимать свободное время таким образом, становится понятным, почему для людей, увлеченных любимой работой, категория “свободное время” утрачивает свою определенность. Вот как пытается сформулировать эту мысль участница дискуссии:

“Для кого-то, может быть, любимая работа... ему и отдыха никакого не нужно, он занимается...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

(3) Свободное время, понимаемое как **досуг**, – это **время, отданное развлечениям**¹³.

“...У нас суббота-воскресенье – это святые дни. Мы отработали, мы зарабатывали деньги, то есть у нас суббота-воскресенье – это боулинг, кино и вот всякие другие...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Разные компании, разные развлечения. С одними взять посидеть где-то там на набережной, а с другими – это... поездка за город. С другой компанией – это отдых типа клуб, не знаю, там дискотека, кинотеатр...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

(4) Свободное время – это **время “чистого” отдыха** – расслабления, отключения, порой физиологической релаксации.

“Ну, свободное время... ассоциируется с отдыхом” (ДФГ, Москва).

“Когда все дела переделаны, нечем заняться и человек хочет отдохнуть... Свободное время – это время, свободное от работы и каких бы то ни было обязанностей... вот когда ты чувствуешь, что не надо тебе ничем заниматься и ты можешь отдохнуть... и ты можешь себе это позволить – вот это свободное время” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Вот завалился на диван и считай мух” (ДФГ, Воронеж).

В сознании российского человека понятие свободного времени сильно связано с вопросами бытового обустройства

¹³ “Досуг – ...свободное, незанятое время, гулянки, гулячая пора, простор от дела... забава, занятия для отдыха... безделье” [Даль. 1955. С. 481].

“В моем понимании свободное время – это когда можно... не думать, а расслабиться, отдохнуть, в этом вот свободное время и заключается” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Свободное время я трачу иногда просто для того, чтобы поспать, организм отдыхает, и таким образом свободное время” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В этой последней трактовке концепт свободного времени подходит к своей нижней границе – времени физиологического отдыха. Почувствовав опасность подобной редукции, участница замечает:

“...Мне кажется, мы сейчас немножечко путаем понятия «свободное время» и «время перевести дух», ну как бы минуточка...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Каждая из этих интерпретаций в той или иной степени отвечает концепту “свободное время”, но ни одна из них не схватывает его содержание целиком, без остатка. Взятые в своей совокупности, эти интерпретации образуют своего рода “пирамидку” понятий, сужающихся по объему, – как “физическому” (измеряемому в единицах физического времени), так и содержательному. Примечательно, что в ходе групповых дискуссий была сделана попытка выстроить концептуальную иерархию “свободного времени”, исходя примерно из той же логики, что эксплицирована в нашей схеме:

“У меня свободного времени гораздо больше, чем времени, занятого работой, но свое свободное время я также разграничиваю на время, которое я уделяю именно себе любимой...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Наличие содержательных разрывов, существующих внутри концепта “свободное время”, хорошо индицирует такой критерий, как деньги. Люди часто говорят о том, что для полноценного проведения свободного времени им не хватает денег.

“Я бы еще что-нибудь хотела, но это должно быть еще материально подкреплено. ...Тут деньги еще должны быть тоже” (ДФГ, Москва).

“...Чем больше у человека денег, тем больше он может организовать себе свободного времени” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Глупо отдыхать, если нет денег” (ДФГ, Санкт-Петербург).

1-й участник: ...Были бы материальные возможности, можно было бы куда-то поехать.

Модератор: То есть Вы по-другому проводили бы время?

1-й участник: Конечно.

Модератор: А каким образом?

2-й участник: Диван променял бы.

1-й участник: Да, диван променял бы... На самолетное кресло или на полку в вагоне.

2-й участник: На гамак между пальмами?

1-й участник: Да. На гамак между пальмами” (ДФГ, Воронеж).

В ходе массового опроса на вопрос: “Почему Вы недовольны тем, как

Рис. 1

проводите свое свободное время?»¹⁴ – также чаще всего звучал ответ “нет денег” (26% от числа тех, кто отвечал на данный вопрос)¹⁵.

Деньги – тот ресурс, который позволяет многим людям осваивать “руду” свободного времени, переводить ее в полноценный, культурно обработанный “продукт”. Между тем финансовое подкрепление требуется главным образом в том случае, когда свободное время понимается как досуг. Во всех прочих случаях – идет ли речь о свободном распоряжении своим временем, о любимых занятиях или даже об отдыхе – деньги не так уж и нужны или по крайней мере отступают на второй план. Так, если человек всерьез интересуется иными странами и культурами, он может удовлетворять свои интересы и менее затратным способом, нежели регулярные поездки за границу.

Подобные разрывы, нестыковки проступают и тогда, когда мы задаем парадоксальный по сути своей вопрос о том, не страдает ли человек от избытка свободного времени. Данный вопрос выглядит вполне осмысленным, если под пространством свободного времени понимается продавленный диван, однако во всех остальных случаях он может вызвать недоумение.

Простой, легко доступный на уровне здравого смысла концепт свободного времени становится неким понятийным протеем, ускользающим от любой попытки его однозначного терминологического оформления. Между тем в ходе групповых дискуссий их участникам, кажется, удалось найти “всеобщий эквивалент”, который позволил “уловить неуловимое” или по крайней мере свести все его текущие версии в одну понятийную область – ту, которую мы интуитивно и имеем в виду, говоря о “свободном времени”.

Удовольствие как всеобщий ценностный эквивалент

К “формуле” свободного времени участники ДФГ пришли после того, как убедились в бесперспективности любой попытки определить его через выявление тех конкретных видов деятельности (или безделья), которые можно квалифицировать как “свободные”. Для одних свободное время ассоциируется с блаженным ничегонеделаньем, другие заполняют его активными и полезными занятиями. Один посвящает свободное время обустройству дома, другой – “только себе”. Для кого-то это возможность заняться спортом, в представлении другого спорт требует слишком много усилий, чтобы назвать такое времяпрепровождение “свободным”. Один при упоминании о свободном времени тут же начинают говорить о даче, для другого это несовместимые понятия. Для кого-то это время, проведенное в уединении, когда человек остается один, “сам по себе”, другие не мыслят его без общения с близкими людьми.

¹⁴ Вопрос задавался тем респондентам, которые сказали, что они недовольны тем, как проводят свое свободное время (19% от выборки).

¹⁵ Приведем примеры конкретных формулировок: “чтобы хорошо проводить свободное время, нужны деньги, а их не хватает из-за маленькой пенсии”; “хватало бы денег, не так бы проводили свое свободное время”; “хотелось бы ходить в театр, а денег нет”; “в музей хочу, но на пенсию это не сделаешь”; “не хватает денег на полноценный отдых”; “не хватает денег куда-то поехать, попутешествовать, подлечиться в санаторий”.

Примерно каждый десятый россиянин зачастую не знает, куда себя деть в свободное время

“1-я участница: ...Отпуск надо посвятить только себе.

2-й участник: Ремонт сделать.

1-я участница: Ни за что. Ремонт надо делать, когда работаете. А когда есть свободное время – это для себя” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Модератор: ...А выходные – это можно считать свободным временем? Или нельзя? Для вас лично.

Участница: Для меня – не свободное.

Модератор: Почему?

Участница: Потому что мы на даче” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Модератор: А дачу Вы считаете свободным временем, да?

Участница: Да, это мое личное.

Модератор: Это для удовольствия?

Участница: Да” (ДФГ, Воронеж).

“Модератор: ...Чему, на ваш взгляд, следует человеку посвящать свое свободное время? Чем должен человек заниматься?

1-я участница: Ходить по магазинам – я как женщина говорю... Нет, на самом деле, я получаю обалденное удовольствие от приобретения новых вещей: украшения, одежда, покушать – это на каждый день.

2-я участница: Мне вот магазины – кажется, это самая тяжелая работа, я если даже на час выхожу в магазин, у меня начинает болеть голова, я стараюсь сократить до минимума” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Я больше люблю активный отдых... Катаюсь на роликах, велосипеде, плаваю” (ДФГ, Воронеж).

“Модератор: Хорошо, скажите, пожалуйста, никто из вас не произнес никаких слов, так или иначе связанных со спортом, ну, с физкультурой, – что, нет таких совсем?

Участник: Так это работа же” (ДФГ, Москва).

“...Обычно стараюсь побыть один, отдохнуть от всех” (ДФГ, Воронеж).

“<Свободное время нужно,> чтобы самого себя ощутить... Чтобы самому с собой хоть немножко побыть дома. В тишине и покое. Чтобы никто не видел и не слышал, один просто” (ДФГ, Воронеж).

“Модератор: ...Скажите, что ни в коем случае Вы не можете исключить <из своего свободного времени>?

Участница: Общение с близкими, родными, друзьями” (ДФГ, Воронеж).

“Участница: Я тоже стараюсь общаться с людьми, но так как все друзья – занятые люди, то приходится совмещать приятное с полезным. То есть обычно мы идем вместе по каким-то делам. Либо моим, либо их делам, либо я еду к ним на работу, то есть так чисто, чтобы получилось, что у меня свободное время и у них свободное время, такого практически нет.

Модератор: Нет, ну а вы в свое свободное время...

Участница: Помогаю людям что-то необходимое. Сходить, скажем, в магазин, съездить документы отвезти, то есть мы вместе идем.

Модератор: То есть это и есть лично для вас...

Участница: Да, это и есть лично для меня. Я вот отдыхаю так. Это вот свободное время” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Деньги – ресурс, который позволяет многим людям осваивать “руды” свободного времени, переводить ее в полноценный, культурно обработанный “продукт”

**Скажите, пожалуйста, как Вы обычно проводите свое свободное время?
(Открытый вопрос. Ответы всех, кроме заявивших, что у них не бывает
свободного времени, – 88% от всех опрошенных)**

(в % от числа опрошенных)

Смотрю телевизор	28
<i>“Просмотр телепередач”; “за телевизором”; “дома, перед телевизором”; “смотрю любимые передачи”; “смотрю кино”; “смотрю сериал”; “сидим с бабушкой телевизор смотрим”; “большую часть уделяю телевизору”.</i>	
Читаю	14
<i>“Читаю прессу...”; “читаю литературу”; “читаем книги”; “трачу на чтение книг...”; “читаю классику и периодику”; “читаю газеты и журналы”; “газеты читаю”.</i>	
Провожу время с семьей, занимаюсь детьми, внуками	14
<i>“Все свободное время посвящаю своему ребенку”; “занимаюсь дочерью”; “к родителям уезжаю”; “посвящаю детям”; “воспитанием ребенка”; “общение с семьей”; “к маме проведать езжу”; “нянчусь”; “детьми занимаюсь”; “с женой общаюсь...”; “на семью трачу свое время”; “отдыхаю с ребенком”; “играю с внуками”.</i>	
Гуляю	12
<i>“На скамеечке люблю посидеть”; “гуляю в парке...”; “бываю на улице”; “на лавочке сижу”; “гуляю вечером”; “на улице гуляю – пенсионер”; “гуляю на улице”.</i>	
Езжу на дачу, занимаюсь огородом, посадками	12
<i>“В личном хозяйстве”; “на даче работаю”; “все время провожу на даче”; “занимаюсь дачей”; “на даче отдыхаю”; “на даче люблю сажать”; “в огороде вожусь”; “в саду на даче”; “занимаюсь огородом в летнее время”.</i>	
Отдыхаю дома, лежу на диване, сплю	11
<i>“Лежу на диване”; “отсыпаюсь”; “пытаюсь отдохнуть”; “отдохну, полежу”; “дома”; “лежу, отдыхаю”; “сидю дома”; “дома на диване”; “отдыхаю в постели...”; “на койке лежу”.</i>	
Отдыхаю на природе, езжу на охоту, рыбалку	10
<i>“Рыбалка”; “на свежем воздухе”; “на природе”; “отдыхаю на речке...”; “летом люблю ездить на рыбалку”; “на природу хожу”; “прогулка в лес...”; “на рыбалке и охоте”; “в лес хожу по ягоды, грибы, на рыбалку”; “выезжаю на природу”; “на Байкал езжу”; “речка”; “природа”; “на шашлык хожу...”.</i>	
Провожу время с друзьями, знакомыми	9
<i>“Навещаю друзей...”; “провожаю время с друзьями”; “общаюсь с девушкой...”; “музыку слушаю с друзьями”; “встреча с друзьями...”; “в компании с друзьями”; “общаюсь с друзьями”; “с друзьями собираемся, пиво пьем вечером”.</i>	
Занимаюсь домашними делами, хозяйством	6
<i>“На кухне”; “за домашними делами”; “ремонтирую квартиру”; “занимаюсь домашним хозяйством”; “готовлю, стираю дома”; “его практически нет, все время в домашних заботах”; “работаю по домашнему хозяйству”; “по дому дел хватает”; “дома, уборка”.</i>	
Хожу в театр, в кино, на выставки, концерты, в клубы	4
<i>“Хожу в театр”; “театры, музеи, кино”; “театр, кино”; “культурная программа, концерты...”; “хожу в театр, в развлекательный центр”; “в клуб”; “хожу на дискотеку”; “хожу на выставки, в музей”.</i>	

Занимаюсь спортом, активно отдыхаю	4
<i>“Спортом занимаюсь”; “тренировка, спорт”; “лыжи...”; “играю в теннис”; “активный отдых”; “занимаюсь спортом, играю в футбол”.</i>	
Вяжу, вышиваю, шью	4
<i>“Вяжу, шью”; “шью, вяжу...”; “вышиваю крестиком...”; “занимаюсь вязкой”; “вышиваю”; “тапочки шью”.</i>	
Хожу в гости, принимаю гостей	3
<i>“Ходил по гостям”; “езжу в гости...”; “в гости хожу”; “с семьей ходим в гости или принимаем гостей у себя”.</i>	
Занимаюсь любимым делом, хобби	3
<i>“Слушаю музыку”; “плановые полеты на воздушных шарах”; “занимаюсь цветоводством”; “занимаюсь своим хобби”; “пишу книги”; “занимаюсь наукой”; “хожу в хор...”; “рисую”.</i>	
Сажу за компьютером	2
<i>“За компьютером”; “компьютер...”; “увлекаюсь компьютерными играми”; “играю в компьютер”; “занимаюсь компьютером”.</i>	
Слушаю радио	1
<i>“Радио слушаем”, “радио”.</i>	
Занимаюсь ремонтом машины	1
<i>“Вожусь с машинами...”; “увлекаюсь техникой, особенно машинами...”; “ремонтирую свою машину”; “гараж...”; “пропадаю в гараже...”; “занимаюсь автомобилями”.</i>	
Разгадываю кроссворды, сканворды	1
<i>“Сканворды разгадываю...”; “...кроссворды решаю”; “отгадываю кроссворды”.</i>	
Другое	1
<i>“Водку пью”; “в церковь хожу”; “люблю по магазинам ходить”; “люблю в кафе посидеть”; “в зависимости от времени года”; “в поисках доходов”; “вождение автомобиля”; “если есть деньги, могу позволить выпить”; “занимаюсь собой”.</i>	
Затрудняюсь ответить, нет ответа	4

Почему Вы недовольны тем, как проводите свободное время?

(Открытый вопрос. Ответы заявивших, что они недовольны тем, как проводят свое свободное время, – 19% от всех опрошенных)

(в % от числа опрошенных)

Нет денег, чтобы проводить время так, как хотелось бы	5
<i>“В музеи хочу, но на пенсию это не сделаешь”; “денег не хватает”; “безденежье, позволить ничего себе не могу”; “не хватает денег куда-то поехать, попутешествовать, подлечиться в санаторий”; “чтобы хорошо проводить свободное время, нужны деньги, а их не хватает из-за маленькой пенсии”; “материально плохо обеспечена”; “хватало бы денег, не так бы проводили свое свободное время”; “на другие увлечения не хватает денег”; “хотелось бы ходить в театр, а денег нет”; “не хватает денег на полноценный отдых”.</i>	
Не хватает свободного времени, много работаю, устаю, нет сил	4
<i>“Хотелось бы проводить его в бодрствовании”; “не хватает сил куда-то сходить”; “много работаю”; “сильно устаешь”; “это не свободное время, а то, что постоянно – работа”; “времени мало свободного”; “не люблю сидеть дома, а поехать никуда не могу – некогда”; “свободное время слишком короткое, на что-то большое не хватает времени”; “свободное время бывает поздно вечером”.</i>	

Провожу время скучно, однообразно, веду пассивный образ жизни 3

“Пассивно живу”; “много сижу перед телевизором”; “одиноко”; “однообразие, рутина”; “все время дома”; “быт заел”; “непродуманно провожу”; “не самоорганизованный”; “настроения нет”.

Хотелось бы проводить свободное время по-другому, но не получается 2

“Нет возможности сходить куда хочется”; “хотелось бы по-другому проводить”; “хотелось сходить в театр, куда-то уехать, а такой возможности нет”; “люблю рыбалку, а средства передвижения личного нет”; “хотелось бы лучше”; “нет возможности сходить на какие-то мероприятия, концерты”; “хотелось бы посещать развлекательные места”; “не могу ничем заняться – нет дачи”; “нет возможности выехать подальше”.

Там, где я живу, нет мест для проведения досуга, некуда пойти 2

“Нет театра, кинотеатра”; “в городе нет мест для культурного отдыха”; “нет мест для отдыха”; “некуда пойти в свободное время”; “в деревне некуда сходить”; “нет развлечений в городе”; “нет клуба, кинотеатра”; “ничем в городе заняться, негде отдохнуть”.

Болею, возраст не позволяет проводить время так, как хотелось бы 1

“Болен”; “нет здоровья”; “здоровье не позволяет”; “в силу своего возраста”; “из-за болезни”; “болят ноги”.

Другое 1

“Ремонт”; “у меня семья в другом городе”; “редко выбираюсь на природу”; “жены нет рядом”.

Затрудняюсь ответить, нет ответа 2

Если бы у Вас было столько свободного времени, сколько Вам необходимо, как бы Вы им распорядились? Чем бы Вы стали заниматься?
(Открытый вопрос. Задавался заявившим, что им не хватает или у них нет свободного времени, – 26% от всех опрошенных)

(в % от числа опрошенных)

Поехал(-а) бы в отпуск, в путешествие 7

“Поехал бы в путешествие за границу”; “если бы были деньги, путешествовал бы”; “на море поехала бы отдохнуть”; “больше путешествовал бы”; “ездил куда-нибудь отдыхать”; “отдохнула бы где-нибудь без домашних забот”; “море, санаторий”; “поездки, отдых на курорте”; “поездки по путевкам”; “куда-нибудь съездил бы”.

Проводил(-а) бы время с семьей, с близкими, занимался(-ась) бы детьми, внуками 6

“Занималась бы ребенком больше”; “встречи с родными и близкими”; “посвятить семье”; “водила бы старшего ребенка в гимнастику”; “общение с близкими”; “больше бы уделял внимания близким”; “больше уделял времени семье”; “заниматься внуками”.

Отдыхал(-а) бы на природе, ездил(-а) на охоту, рыбалку 4

“Гуляла на природе”; “прогулки по лесу”; “пошел бы по грибы”; “стал бы ездить на рыбалку”; “отдых на природе”; “отдохнула бы, пошла на речку”; “больше на природе был бы”; “сходить на шашлык...”; “на рыбалке”; “охота, рыбалка”; “на речке”.

Отдыхал(-а) бы дома, лежал(-а) на диване, спал(-а) 3

“Спал бы больше”; “побольше бы спал”; “больше отдыхать”; “повалился на диване”; “поспала бы подольше”; “отдохнула бы”; “досыта бы выспалась”.

Занимался(-ась) бы спортом, здоровьем, собой 3

“Спорт”; “занималась здоровьем, фигурой, внешностью”; “посещала бы бассейн, сауну”; “занималась бы собой”; “мотокроссом, спортом занялся бы”; “пошла бы в спортзал, на фитнес”; “физкультурой, бассейном”; “укрепляла бы здоровье”; “занималась бы вплотную здоровьем”; “спортом бы занялся, бегом, лыжами”.

Читал(-а) бы	3
<i>“Читала бы больше Евангелие и житие святых”; “чтением”; “читала бы художественную литературу...”; “заялся чтением книг”; “книги религиозные читал бы, про ислам”; “почитал любимые книги”; “читал бы больше”.</i>	
Ходил(-а) бы в театр, в кино, на выставки, концерты	2
<i>“Больше бы ходила на выставки, в музей”; “в театр, в кино хотела бы”; “театры, концерты”; “посещала бы музеи, театры”; “отдохнула культурно”; “театр, развлечения”; “сходила бы в театр”; “пошла бы в кино”; “больше бы посещал спектаклей, кинофильмов, концертов”.</i>	
Занимался(-ась) бы любимым делом, хобби	2
<i>“Занималась бы любимыми делами”; “хобби”; “играл бы в оркестре...”; “своим любимым хобби”; “написал бы картину”; “стихи писал”; “тем, что нравится”; “каким-нибудь своим личным изобретательством”.</i>	
Проводил(-а) бы время с друзьями, знакомыми	2
<i>“Больше общаться с друзьями, своим молодым человеком”; “ходила к приятельнице”; “встречи с друзьями...”; “с друзьями встречалась бы”; “общалась с приятельницами”; “ходил к женщинам почаще”; “общаться с противоположным полом”; “сходил бы на свидание с девушкой”.</i>	
Занимался(-ась) бы домашними делами, хозяйством	2
<i>“Домашними делами”; “уборка в доме”; “заялся бы строительством в деревне”; “больше занялся нужными по хозяйству делами”; “занимался бы устройством своего дома”; “дома бы что-нибудь подремонтировал”; “что-нибудь строил бы для дома”; “ремонт дома сделал бы”; “больше времени уделяла бы домашним делам”; “хозяйством”.</i>	
Гулял(-а) бы	2
<i>“Гуляла бы”; “больше гулял бы”; “больше прогулок”; “сходить в парк”.</i>	
Смотрел(-а) бы телевизор	1
<i>“Посмотрел бы телевизор больше, чем обычно”; “смотрела телевизор”; “телевизор”.</i>	
Вязала бы, вышивала, шила	1
<i>“Шить стала бы”; “вязала бы”; “вязала, шила”; “я люблю вязать, я бы вязала”; “я не привыкла ничего не делать, так же бы вязала, что-то штопала...”.</i>	
Заялся(-ась) бы своим развитием, учебой	1
<i>“Обучением”; “пошла бы учиться дальше”; “получила бы дополнительное образование”; “самообразованием”; “учиться играть на гитаре”; “посвятил бы время изучению компьютера”; “освоила бы компьютер”; “стал бы учиться”.</i>	
Ездил(-а) бы на дачу, занимался(-ась) огородом, посадками	1
<i>“На дачу бы ездила”; “уехал бы на дачу и жил бы там”; “занимался бы работой на даче”; “огород”; “больше бы был на даче”.</i>	
Нашел(-ла) бы дополнительный заработок	1
<i>“Дополнительной работой”; “приработок”; “искал бы дополнительный заработок”; “я бы больше работал”; “бизнесом”; “на работу бы пошла”.</i>	
Другое	1
<i>“Больше бы Богу служила”; “в зависимости от времени года”; “заялась благотворительностью, помогала бы старым, больным, сиротам”; “еще больше добра сделала бы”; “на борьбу за светлое будущее”; “еще больше всего, что делаю”.</i>	
Затрудняюсь ответить, нет ответа	7

Впрочем, даже отдельно взятый конкретный человек в разные моменты своей жизни воспринимает свободное время по-разному:

“А чем заниматься, тут могут быть разные цели. Свободное время не после очень тяжелого труда, то это может быть какое-то самосовершенствование, какой-нибудь интеллектуальный поход – куда-нибудь там в музей, театр. Если это отдых после тяжелой работы... то здесь совершенно не нужно загружаться умственно, интеллектуально, то есть это какой-то активный отдых, поездка или шары покатасть в том же боулинге” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“...Очень большое значение имеет отдых на природе. А вообще, мне кажется, его нужно чередовать. Иногда действительно организм требует полежать, поспать, когда ты ведешь активный образ жизни, а когда наоборот...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Однако если отвлечься от того разнообразия дел, которыми можно заполнить свободное время, становится очевидным, что это не просто “зонтичный термин”, охватывающий занятия людей в часы или минуты, свободные от работы, быта, сна и прочих обязательных компонентов жизнедеятельности, но категория, имеющая сильное ценностное звучание. Оно привнесено уже словом “свобода” – концептом, столь же неопределенным, сколь и безусловным в своей ценности.

В советском общественном сознании, с присущим ему скачком в нормативную сторону, содержание свободного времени оценивалось как прогрессивное или, что выступало характеристикой-антиподом, антикультурное. “Применительно к условиям социализма” принято было “говорить прежде всего о двух основных функциях свободного времени: функции восстановления сил человека, поглощаемых сферой труда и иных непреложных занятий, и функции духовного (идейного, культурного, эстетического и т. п.) и физического развития человека, приобретающей всё большее значение” [БСЭ. Том 23. 1976. С. 87.].

Однако в ходе групповых дискуссий была названа третья функция свободного времени – получение удовольствия. Воспроизведем фрагмент, в котором сжато, но вполне адекватно артикулированы все три подхода – утилитарно-прагматический, нормативный и гедонистический:

“Модератор: Для чего, зачем нужно <свободное время>?”

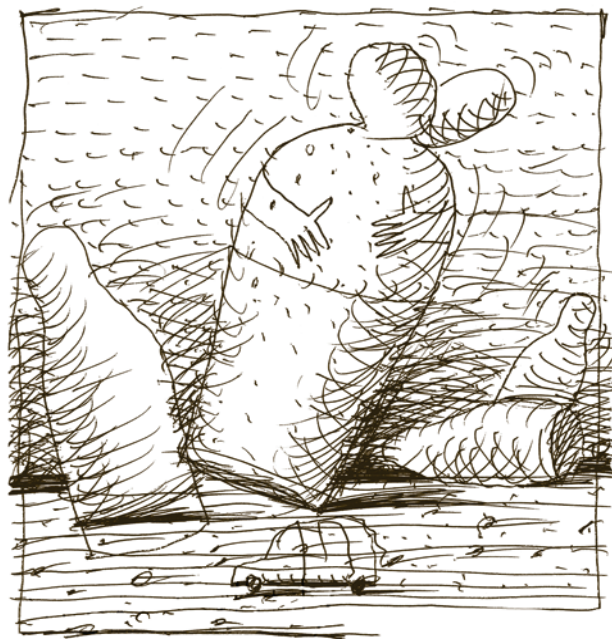
1-й участник: *Силы хотя бы восстановить.*

2-й участник: *Человек должен развиваться, совершенствоваться.*

3-й участник: *Душой отдохнуть”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Свободное время, понятое как удовольствие, измеряется не количеством минут, но качеством жизни. Это не просто физическая категория; это время, от которого человек ждет радости, ради которого он, собственно, и живет.

“Какой смысл в жизни – чтобы только работать, есть и ничего больше не иметь? То есть работа, еда, физиологические какие-то потребности – и ничего больше. Смысл жизни какой тогда, если ты не можешь

посвятить себе там какое-то время, чтобы провести его в кайф?” (ДФГ, Москва).

Это время определяется не видами деятельности, но эмоциональными впечатлениями, которые получает человек. И тогда свободным временем может быть и уборка, и написание книг, и хождение по магазинам...

“Мне... кажется, что в свободное время ты занимаешься тем, что тебе доставляет удовольствие. Удовольствие – магазин, значит свободное время – магазин, удовольствие – поплавать, значит свободное время... Ну, для всех вот оно разное. Это то, чтобы удовольствие доставляло человеку, чтобы ему интересно было жить” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Если исходить из этого критерия, становится очевидным, что когда один человек говорит, что его свободное время проходит *“все в домашних заботах”* (ответ на открытый вопрос), а другой – *“обязательно уборка утром, мне доставляет удовольствие убирать квартиру”* (ДФГ, Санкт-Петербург), они говорят о разных вещах. В первом случае речь идет о *“внерабочем времени”*, отданном работе по дому,

во втором – о занятиях, сопряженных с радостными эмоциями. Неслучайно участница ДФГ настаивает на своей интерпретации такого временипрепровождения именно как свободного времени:

“Участница: Обязательно уборка утром, мне доставляет удовольствие убирать квартиру.

Модератор: Это свободное время?

Участница: Я считаю – да, потому что мне это нравится. Ну вот для меня это свободное время” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Свободное время и радости быта

Предпочтение участницы ДФГ не столь своеобразно, как может показаться на первый взгляд. Как выяснили социологи ФОМа, женщинам действительно нравится убирать и наводить порядок в доме¹⁶.

Вообще в сознании российского человека понятия свободного времени и бытового обустройства очень сильно связаны. Это отличает не только женщин, но и мужчин. Конечно, мужчинам вряд ли доставит удовольствие вытирать пыль и расставлять по своим местам вазочки и статуэтки, однако, как оказалось, некоторым нравится ремонтировать квартиру. Так, 22-летний студент из Петербурга заявляет:

“У меня тоже ремонт, мне доставляет удовольствие делать ремонт, пускай не своими руками, руками... пускай хоть молдаванина, итальян-

¹⁶ Всероссийский опрос городского и сельского населения. Март 1994 года. 2468 респондентов.

ца, не важно, просто для меня это удовольствие, но на это у меня нет ни средств, ни времени, ни денег. Для каждого человека это разное, для одного это может быть работа, а для другого – отдых...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Модератор: Вот на какие конкретно дела или развлечения, на что конкретно его не хватает? Чего бы хотелось такого, на что не хватает времени?”

Участница: На ремонт времени, на здоровье, на развлечения... Можно и интерьером заняться. Ой, все хорошо это, конечно” (ДФГ, Воронеж).

“Модератор: ...Как бы Вы свое свободное время распределили?”

Участница: Новая квартира была бы, не такая старая. Мы живем в доме, которому 53 года. Все разваливается, рушится. Ты тут замазал – там отвалилось. Это тоже очень надоедает” (ДФГ, Воронеж).

“Модератор: И вот Вы купили коттедж, наняли няnek – и вот оно, свободное время. И возможности материальные, и время свободное есть. Чем его заполните?”

1-я участница: Обживать.

2-я участница: Вот именно, обживать. Там и участок будет, и ландшафт... Это все должно обязательно входить. Еще бассейн” (ДФГ, Воронеж).

Для многих людей сказка о свободном времени как времени счастья, жизни в свое удовольствие строится по архетипической модели “жить-поживать и добра наживать”. В этом контексте совершенно неуместно звучит возмущение одной из участниц ДФГ в адрес “жадных и бестолковых” пенсионеров, которые заграничному путешествию предпочтут новый диван:

“1-я участница: ...Любой пенсионер может себе сейчас позволить: 15 тысяч – десятидневный тур по Европе.

Я считаю, что это не вопрос, 15 000 – эконом-класс.

...2-я участница: Попробуйте богатого пенсионера туда отправить. Стереотипы – не поеду, и всё! У меня нет денег, мне нужен диван. Да и стоял бы он у них еще десять лет, а они его купили себе за 40 тысяч. И зачем?” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Участница ДФГ судит, исходя из своих жизненных приоритетов, однако “счастье каждый понимал по-своему...”. Для людей, не избалованных бытовым комфортом, новый диван действительно может быть важнее Парижа, а свободное время и время бытового обустройства – совпадающими понятиями.

Ненужное свободное время

Казалось бы, найден точный критерий – удовольствие, – позволяющий уйти от “инвентарного” определения свободного времени через выявление и категоризацию “релевантных” видов деятельности. Увы, этот колышек не так прочно вбит, как представляется на первый взгляд. Это становится очевидным, как только возникает проблема избыточного свободного времени. Если свободное время – это время удовольствия, положительных эмоций, то как его может быть слишком много?

Свободное время измеряется не количеством минут, но качеством жизни. Это не просто физическая категория; это время, от которого человек ждет радости, ради которого он живет

Некоторые люди часто не знают, чем заняться в свободное время, куда себя деть. Скажите, пожалуйста, среди Ваших знакомых таких людей много или мало? Или таких людей нет совсем?

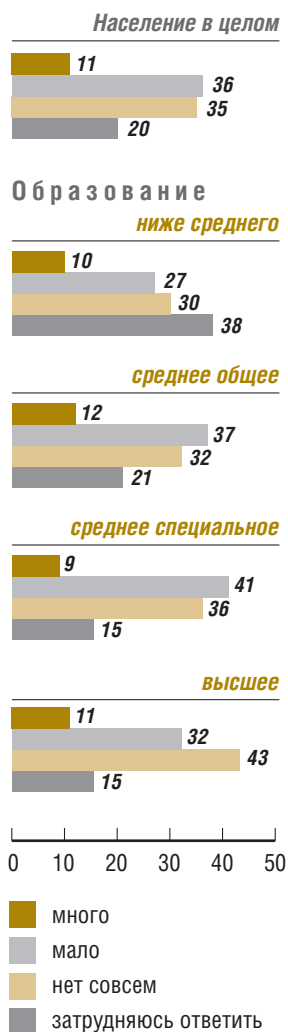

График 2

“Вот я не понимаю саму постановку этого вопроса: все хотят, чтобы у него было много свободного времени” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Я не могу себе представить, чтобы было много свободного времени” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Плохо много свободного времени почему-то еще ни разу не было” (ДФГ, Воронеж).

В то же время это вовсе не надуманная проблема. Некоторые люди буквально не знают, куда себя деть в часы, свободные от принудительного распорядка жизни. Судя по данным опроса, к таким “мученикам свободы” можно отнести не менее 10% наших сограждан (графики 2 и 3).

В объяснение этого парадокса можно предложить три гипотезы, каждая из которых имеет свою область релевантности.

(1) Недостаток “внутренней работы мозга”

То, как человек распоряжается своим свободным временем, характеризует его, пожалуй, больше, чем работа. Выбор последней часто определяется прагматическими и ситуационными обстоятельствами, свободное же время открывает пространство для реализации желаний и проявляет истинные интересы, запросы, потребности личности. Если потребности примитивны, запросы скудны, а материальные возможности ограничены, свобода распоряжаться своим временем из ценности превращается в бремя. В то время, когда человек может проявить себя, ему просто нечего проявлять, и ему становится скучно.

Модератор: ...Вот Иван сказал в течение нашего разговора, что есть такие люди, которым вообще не надо, чтобы у них было свободное время, – что Вы имели в виду?

Участник: Я имею в виду – люди, которые сходят с ума просто... Они не могут себя деть никуда... Люди, которые... у них нет никакой внутренней работы мозга, им самим с собой неинтересно, и они просто сходят с...

Модератор: А что такое внутренняя работа мозга, Иван?

Участник: Внутренняя работа мозга – то есть нет внутреннего диалога, им самим с собой неинтересно, они не выносят одиночества, они не выносят, когда им нечем заняться, и просто начинают сходить с ума типа... Страшная вещь” (ДФГ, Москва).

“Я слышу слово «скучно» от даже взрослых людей. Мне скучно. Ну понимаете? ...и это в Москве...” (ДФГ, Москва).

Понятно, что реже всего от вынужденного безделья страдают люди образованные и “культурные” – у них шире кругозор, больше интересов и, соответственно, обширнее потенциальное поле деятельности. Неудивительно, что на вопрос, бывают ли у респондента такие ситуации, когда он не знает, куда себя деть, 69% респондентов с высшим образованием ответили отрицательно, в то время как среди тех, кто не окончил среднюю школу, отрицательный ответ дали 46% (график 3).

(2) Свободное время – тоже работа

Вторая модельная ситуация, которая объясняет парадокс лишнего свободного времени, характеризует людей прямо противоположного типа – тех, у которых “внутренняя работа мозга” протекает настолько напряженно, что не позволя-

ет им бездумно отвлекаться на что-то иное. Такие люди полагают, что все имеющееся время надо проводить “с пользой”.

“С пользой для себя. Вот так. Чтобы было полезно” (ДФГ, Воронеж).

Когда “полезная отдача” от свободного времени падает, оно превращается в обузу. Вот как рассуждает об этом молодая учительница из Санкт-Петербурга:

“Модератор: Что является большей проблемой – отсутствие или наличие большого количества свободного времени?”

Участница: *Наличие.*

Модератор: *Это проблема?*

Участница: *Да, это проблема. Потому что его нужно проводить с пользой, а когда его много, так уже не получается, и тогда оно становится обузой. Начинает грузить само свободное время, потому что ты всегда находишься в раздумьях: а что же мне делать, чем мне себя занять, – и дело здесь будет не в финансах, а дело будет именно в пресыщении. Мне надоело это, я не хочу этого, и пора бы уже поработать”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

С подобными, нормативно окрашенными, представлениями о свободном времени часто сопрягается чувство неудовлетворенности им:

“Ну, я не доволен часто тем, как я даже отдых провожу из-за того, что есть такое понятие, как лень, она часто мешает отдых провести. [Все смеются] ...Вот, например, хотел поехать за город, вот успеваешь на электричку, надо вот поднажать – и успеешь, а так думаешь: «А, да ну её!», – и сидишь в городе, а так был бы отдых разнообразнее, поэтому я часто недоволен собой, своим отдыхом” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Если принять во внимание нормативный аспект, то критерием хорошо проведенного времени будет скорее не удовольствие (этот концепт ассоциируется прежде всего с пассивным получением положительных эмоций), а чувство удовлетворения от того, что оно было проведено осмысленно, полноценно, не растрачено впустую.

“По-разному тоже, по-разному, по-разному. Бывает, чудно проведешь время, а бывает – просто жалко, день потрачен впустую” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Хотелось бы больше, чтобы жизнь интересней протекала, а для этого опять же нужно финансы и желание, направление и цель какую-то выбрать. Пирамиды посмотреть” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Неудовлетворенность своим свободным времяпрепровождением чаще всего испытывают люди с повышенным уровнем жизненных притязаний, что случайным образом связано с уровнем их образования. Неудивительно, что среди тех, кто на вопрос “Вы в целом довольны или недовольны тем, как проводите свое свободное время?” дал ответ “недоволен” (всего таких ответов получено 22% – *график 4*), оказалось относительно много людей с высшим образованием (27%, в то время как в целом среди отвечавших на данный вопрос их доля составляет 20%). Люди с низким уровнем образования реже проблематизируют эту ситуацию. Так, среди респондентов, которых названный вопрос поставил в тупик, довольно много тех, чье образование не выше среднего общего (*график 5*).

Скажите, пожалуйста, а у Вас бывают такие ситуации, когда Вы не знаете, чем заняться в свободное время, куда себя деть? И если бывают, то часто или редко?

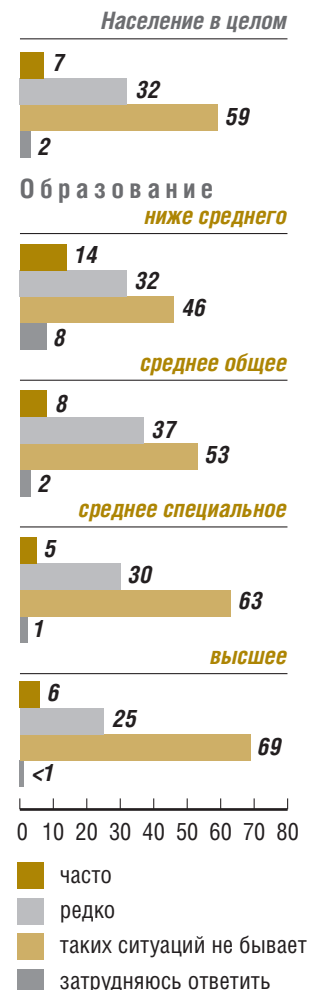
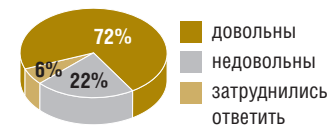

График 3

Вы в целом довольны или не довольны тем, как проводите свое свободное время?*

* Вопрос не задавался тем, кто сказал, что у них вообще не бывает свободного времени. В выборочной совокупности доля таких ответов составляет 12%, в группе лиц с высшим образованием – 11%.

График 4

Удовлетворенность проведением свободного времени и уровень образования респондентов

* Все, кому был задан вопрос: "Вы в целом довольны или недовольны тем, как проводите свое свободное время?"

График 5

(3) свободное время как фактор дезорганизации жизни

Свободное время (если не сводить его к времени, проведенному в полудреме перед телевизором) требует от человека специфического навыка самоорганизации, умения выстроить свою жизнь. "Слишком много свободного времени" – это плохо организованное временное пространство. Нашими согражданами данная проблема плохо осознается – в силу того, что фактически она еще не стала для них проблемой. "Средний человек" большую часть своей жизни живет по навязанному расписанию, ему не приходится задумываться над структурированием своего времени – его для него структурирует сама жизнь¹⁷.

Участники фокус-групп были почти единодушны в том, что проблема свободного времени – это проблема трудовой занятости (точнее, незанятости) человека.

Модератор: *...Вот для вас проблемой является именно отсутствие большого количества свободного времени. Почему это является для вас проблемой?*

1-я участница: *Потому что человек работает. Когда человек не работает, у него много свободного времени, и ему нечем заняться. Потому что это он уже сделал, это... ему уже надоело.*

2-я участница: *Так тогда проблема – это наличие свободного времени.*

1-я участница: *Ну так надо пойти и устроиться на работу"* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Модератор: *Но всегда вы знаете, чем занять свое свободное время, или нет?*

Участник: *Запросто. Да.... Потому что его мало, и ты уже знаешь... По-спал – поднимайся, и ты знаешь то, что уже надо. То-то надо, то-то надо"* (ДФГ, Воронеж).

"...Работающий человек – как раз и как бы такой проблемы-то не стоит, потому что когда появляется свободная минутка, всегда есть, чем ее занять" (ДФГ, Москва).

"Пока человек работает, он же не имеет свободного времени практически" (ДФГ, Воронеж).

"Мы живем на работе" (ДФГ, Москва).

"Ходить на работу легче, чем сидеть дома" (ДФГ, Москва).

Свободное время оказывается не временем подлинной жизни, а лишь приятным обрамлением "общественно полезной" деятельности человека.

Сама по себе потребность в деятельности заложена, по-видимому, на очень глубоком органическом уровне¹⁸. Неслучайно, как отмечал знаменитый "зверолюб" Дж. Даррелл, "в любом зоопарке одно из главных зол для животных – скука..." [Даррелл. 1980. С. 33.]. В дикой природе жизнь организована жестко и рационально. Аналогом свободного времени человека здесь будет время,

¹⁷ Неслучайно вопрос, умеет ли человек организовать свое время, чаще вызывал недоумение у сельских жителей, для которых время расписано естественным образом (14% неопределенных ответов против 9% по выборке в целом – график 6).

¹⁸ Как минимум – на физиологическом, где деятельность корректно понимать как движение. Любой организм "сам по себе" есть постоянно движущийся организм: "...все наследственные координации имеют тенденцию протекать непрерывно. Первая функция, ради которой в центральной нервной системе возникли высшие и централизованные инстанции, состоит в торможении центрально координированных движений" [Лоренц. 1998. С. 341].

оставшееся от забот о выживании. Оно отдано преимущественно релаксации, восстановлению сил. Когда “свободного времени” становится *слишком много*, животные начинают играть (для взрослых особей это в целом нехарактерно) или осваивают какие-либо иные виды деятельности, не свойственные им в обычных условиях¹⁹.

Однако для дикой природы ситуации переизбытка “свободного времени” в целом не характерны. Только у человека и только на достаточно высокой ступени его цивилизационного развития возникает специфическая проблема организации жизни, освоения ее временного ресурса. Эта проблема проступает на повседневный уровень и становится хорошо видна в тех ситуациях, когда резко нарушается привычный жизненный ритм “работа – быт – релаксация – развлечения для тела и души”. Ближайшим примером такой ситуации являются навязанные людям новогодние каникулы.

1-й участник: *Вот две недели выходных было – люди просто уже...*

2-й участник: *Сходят с ума, ну конечно.*

1-й участник: *Люди просто уже сходят с ума и говорят: давайте уже работать начинать*” (ДФГ, Москва).

“Кто не имел много свободного времени, тот не знает, что это такое, им кажется, что его не хватает. Дайте им дополнительно два-три дня. Давайте посмотрим, те же новогодние праздники, когда нам дают с 1 по 10, и как народ уже мается: и зачем они нам нужны? Ведь это большинство так” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“<Новогодние каникулы> – это каторга” (ДФГ, Москва).

Люди оказываются просто неподготовленными к такому переизбытку свободного времени (как они бывают подготовлены, например, к отпуску). Как выразилась одна из участниц, *“лишнего <свободного времени> я не хочу”*.

“Делу время, потехе час” – именно так, согласно народной мудрости, организована “правильная жизнь”. На одной из групповых дискуссий прозвучала яркая иллюстрация этой житейской максимы:

1-й участник: *Надо жить, а не проживать. Работать – работать, отдыхать – отдыхать, копать – копать, разделять... Вот, например, у меня брат, он постоянно там: работа, работа... он просыпается – у него в голове работа, он идет на работу – у него работа, он с работы приходит – у него работа... Я говорю: расслабься, но все равно он...*

Модератор: *Может, он так любит свою работу, что она для него и есть его жизнь, просто так совпало, бывает же.*

1-й участник: *Да не знаю, я считаю, что человек, у него... он должен жить нормально.*

Модератор: *А что такое нормально жить?*

1-й участник: *На работе он должен работать.*

2-й участник: *Все хорошо в меру.*

¹⁹ Например, в результате наблюдений за популяцией песцов о-ва Медный (Командорские острова), изобилующего пищей и не имеющего среди своих обитателей других наземных хищников, было зафиксировано игровое поведение взрослых особей, а также отцовское и помощническое поведение, не свойственные этому виду как облигатный (видоспецифический) признак [Гольцман. 2002]. По свидетельству Е. П. Крученковой, резкое возрастание случаев отцовского и помощнического поведения наблюдается также в зоопарках [Крученкова. 2002].

Одни люди умеют организовать свое время. Другим это плохо удается. Скажите, пожалуйста, а Вы лично скорее относитесь к первым или ко вторым?”

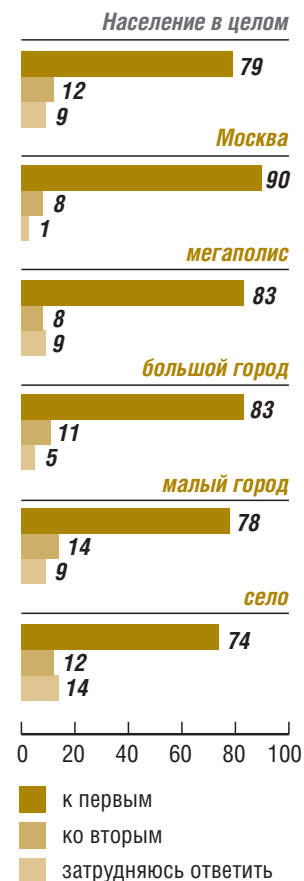

График 6

1-й участник: *Да, после работы он должен... чем он собирается заняться... Собираешься заняться детьми, там куда-то их вести, в бассейн там, я не знаю, там на хореографию, там еще куда-нибудь, еще куда-нибудь – значит, веди.*

3-я участница: *То есть свою деятельность надо разнообразить?*

1-й участник: *Да. Отвел, например – там еще что-то собираешься, там, не знаю, плов приготовить. Ты готовь плов, а не сиди...* (ДФГ, Москва).

Если часов для “потехи” становится слишком много, человек ищет, чем их заполнить. Для многих людей это непростая задача.

“1-й участник: *Ну а чем-то ж нужно заниматься всё равно. Это так кажется, но целый день не будешь, допустим, на том же диване лежать.*

2-й участник: *Можно найти кучу занятий, кроме лежания на диване. Была б такая возможность лично у меня работать или делать то, что нравится, я бы, конечно...*

* 1-й участник: *Ну а что, например, нравится? Вот я, допустим, на лыжах катаюсь. Я не могу целую неделю на лыжах кататься, не выходя с них. Ну а что можно вот, чем заняться в свободное время?”* (ДФГ, Новосибирск)²⁰.

Вот как пытается увидеть себя в гипотетической ситуации изобилия свободного времени один из участников дискуссии:

“*Ну, я бы занимался спортом, наверное, больше бы читал там, что еще, ходил бы по музеям, по дискотекам*” (ДФГ, Москва).

Из этого лихорадочного перечисления видно, что в реальной жизненной ситуации данный человек, скорее всего, столкнулся бы с проблемой поиска альтернативных видов деятельности, как сталкиваются с ней люди, выходящие на пенсию, молодые мамы, те, кто долго жил в режиме авральной работы.

“Модератор: *...Скажите, пожалуйста, вы всегда знаете, чем заполнить свое свободное время? Есть кто-то, кто не всегда знает?*

Участник: *У меня бывает, но это когда много-много дел, а вот потом их решил – и не знаешь, чем заняться.*

Модератор: *А часто бывает так?*

Участник: *Редко. Например, у студентов это после сессии*” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Долг день до вечера, коли делать нечего”. Наиболее доступный способ решить проблему свободного времени – резко сократить его. Как предложила одна из участниц дискуссии, чьи слова уже были процитированы выше, “*надо пойти и устроиться на работу*”. Многие так и поступают.

“*..Когда идет переизбыток свободного времени, человек настолько мается, человек не знает сам, куда себя деть. И он начинает искать себе дела*” (ДФГ, Воронеж).

При этом человек уже не ищет работу по душе (во всяком случае, это перестает быть определяющим фактором выбора); он идет работать вахтером, сторожем, кем угодно – важен сам факт занятости. Много и убедительно говорили об этом

²⁰ Звездочкой отмечены реплики участников фокус-групп по теме “Работа в жизни современного человека”, которые прошли 23 января 2007 года в Москве, Новосибирске и Самаре.

Культура самоорганизации у человека, который большую часть своей жизни живет по навязанному расписанию, развита плохо

участники фокус-групп, обсуждавшие упомянутую выше смежную тему – “Работа в жизни современного человека”. Работа, подчеркивали они, создает некое чувство устойчивости в жизни, необходимое для душевного комфорта.

* *“Когда у человека работу отнимают, он вообще не знает, чем... теряется вообще”* (ДФГ, Самара).

* *“Сами знаете, если человек уходит на пенсию, бросает резко работу почему-то, у него и жизнь резко заканчивается или начинает болеть... А человек, кто работает, работает, работает, он втянут в колею какую-то определенную. Он втянут в какую-то определенную колею, какие-то нормы определенные поведения, и тому подобное. Поэтому даже без работы себя не представляю, честно говоря”* (ДФГ, Самара).

* *“Ну, пусть даже у меня бы миллион каждый день в кармане лежал на карманные расходы. А что, я должен в потолок плевать? Я должен чем-то заниматься... Я должен во Францию ехать и балдеть там, да? Нет, не подходит к моему характеру. Я просто приучен жизнью работать, понимаете? Меня не суть в принципе деньги волнуют, а главное, чтобы я был занят”* (ДФГ, Самара).

* *“Представьте: просто сидеть целый день в потолок плевать. Это ж невозможно. ...Представьте себя – вы утром встали, и вам некуда идти. У вас денег много...”* (ДФГ, Самара).

Работа в данном случае нужна не для денег, общественного признания или самореализации; речь идет о чисто формальном моменте – создании “матрицы жизни”, структурировании временного пространства, возведении в нем необходимых рамок, перегородок, прокладывании “рельсов” повседневного существования.

* *“У нормального человека все налажено, тот, кто делает свою работу, у него есть рабочий день, те же выходные, те же отпуска. Пришел домой – семья, жена, которая занимается больше домом, пришел – готовый ужин, подогретье тапочки”* (ДФГ, Москва).

Когда не удастся организовать жизнь естественным образом, путем чередования труда и отдыха, могут помочь искусственные меры – например, строгий распорядок дня, ценность которого состоит в самом факте неукоснительного ему следования. Благодаря этому, чисто формальному, решению жизнь обретает не только форму, но отчасти – и смысл²¹.

²¹ “Время (дело известное) летит иногда птицей, иногда ползет червяком; но человеку бывает особенно хорошо тогда, когда он даже не замечает – скоро ли, тихо ли оно проходит. Аркадий и Базаров именно таким образом провели дней пятнадцать у Одинцовой. Этому отчасти способствовал порядок, который она завела у себя в доме и в жизни. Она строго его придерживалась и заставляла других ему покоряться. Все в течение дня совершалось в известную пору. Утром, ровно в восемь часов, все общество собиралось к чаю; от чая до завтрака всякий делал что хотел, сама хозяйка занималась с приказчиком (имение было на оброке), с дворецким, с главной ключницей. Перед обедом общество опять сходилось для беседы или для чтения; вечер посвящался прогулке, картам, музыке; в половине одиннадцатого Анна Сергеевна уходила к себе в комнату, отдавала приказания на следующий день и ложилась спать. Базарову не нравилась эта размеренная, несколько торжественная правильность ежедневной жизни; «как по рельсам катиться», – уверял он... Он однажды объяснился об этом с Анной Сергеевной... Она выслушала его и промолвила: «С вашей точки зрения, вы правы – и, может быть, в этом случае, я – барыня; но в деревне нельзя жить беспорядочно, скука одолеет», – и продолжала делать по-своему. Базаров ворчал, но и ему и Аркадию оттого и жилось так легко у Одинцовой, что все в ее доме «катилось как по рельсам» [Тургенев. 1981. С. 85–86].

* * *

Однако есть люди, которые видят проблему свободного времени совсем в другой перспективе. Они говорят не о досуге, не о коротких передышках в плотных трудовых буднях, но о праве распоряжаться всем пространством своей жизни, самостоятельно определять ее содержание, устраивать жизнь так, чтобы свободное и рабочее время перетекали друг в друга, стали малоразличимыми категориями. Вот как формулируют эту мысль участники петербургской фокус-группы:

“Ну, тогда я скажу, что я не хочу больше свободного времени, потому что вот в таком узком понятии мне его хватает, а если брать расширенное понятие, не сейчас, а вообще в принципе, – да, я хотела бы посвятить время тому, чтобы узнать свое генеалогическое древо, не до второго колена, а повыше, сидеть в архивах, это достаточно дорогостоящая информация. Этим надо заниматься, на это нужно время и деньги, у меня для этого сейчас нету возможностей, а если в узком смысле – да, меня сейчас все устраивает” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Я бы хотела, чтобы <свободного> времени было больше, но уже с той целью, чтобы повысить свой уровень образо-

вания. Причем профессионального образования, практически какие-то навыки. Но я сейчас не могу пойти на курсы усовершенствования, потому что это надо как бы отрываться от работы полностью и с утра до вечера мне вот заниматься” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“...У меня несколько примеров, когда у тебя перед глазами люди совмещают хобби и любимую работу, то есть когда есть любимая работа, она перерастает в хобби, и это есть твоё самосовершенствование. То есть и работать можно разнообразно, и добиться и там поехать, не знаю, в командировку там, да, и будет там путешествие...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Свободное время, этот понятийный протей, вновь проявил свою изменчивую сущность. Из пространства “времени, свободного от работы”, он незаметно перетек в пространство жизни как таковой и превратился здесь в терминальную ценность, смысл и объем которой далеко превосходит плоский критерий удовольствия.

* * *

Мы пытались “поймать” свободное время через противопоставление его рабочему. Однако оказалось, что эта крепкая, на первый взгляд, понятийная ось не удерживает напряжения интересующей нас проблемы. Оказалось, что настоящая дилемма существует не между свободным и несвободным временем, а между временем, которое человек способен полноценно освоить, и временем, которое для него организует “окружающая среда”. От того, как складывается эта пропорция, и зависит, чем станет свободное время для человека – временем исполнения планов и желаний или временем, выматывающим нервы своей пустотой и бессмысленностью. ■

Литература

- Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Том 4. М.: Советская энциклопедия, 1971.
- Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Том 5. М.: Советская энциклопедия, 1971.
- Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Том 23. М.: Советская энциклопедия, 1976.
- Гольцман М. Я. Социальное поведение медновских (командорских) песцов // Выступление на семинаре сектора социологии знания Института социологии РАН 14.02.2002.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
- Даррелл Дж. Ковчег на острове. М.: “Мир”, 1980.
- Крученкова Е. П. Сообщение на семинаре сектора социологии знания Института социологии РАН 14.02.2002.
- Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998.
- Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения в 12 томах. Изд. 2, испр. и доп. Т. 7. М.: “Наука”, 1981.
- Черкасов С. Городские массовые мероприятия как институционализируемая форма досуга (статья готовится к печати в журнале “Человек”).

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...

– Почему Вам кажется, что Вы могли бы стать хорошим учителем?

– Я много читала Макаренко и воспитала внучку, хотя своих детей не было.

– Почему Вы не обменяли бы свою квартиру на частный дом с городскими удобствами в пригороде?

– Я, конечно, люблю природу, но не в таких количествах.

– Почему Вы предпочли положить деньги на счет в Сбербанке?

– Пока доверяю ему, хотя все мои сбережения исчезли со счета без моего ведома.

– Скажите, пожалуйста, что такое, по Вашему мнению, гуманитарное образование? Как Вы это понимаете?

– Обучение восстановлению личности.

– Поделитесь, пожалуйста, Вашими планами на ближайшие год-два.

– Мечтаю найти дипломат с деньгами.

– На какие еще цели следовало бы разрешить использовать “материнский капитал”?

– На покупку скота для нужд семьи.

– Как Вы понимаете слово “коррупция”? Что оно, по Вашему мнению, означает?

– Коррупция – это такое дело... Но Вам еще рано знать... Хотя нет, а сколько Вам лет? А, так уже давно пора... Вымогательство это все.

(Из опросов ФОМа)

Е. Вовк

Лучше позже?

Возраст рождения первенца и неявные концепции родительства

Культурные концепции родительства – что значит быть матерью или отцом и как следует это делать – довольно сложно обсуждать (а потому – и исследовать) напрямую: изнутри своей культуры эти вещи кажутся самоочевидными, непроблематичными. Однако контуры таких концепций проступают за каждым вопросом, так или иначе касающимся рождения и воспитания детей. Возьмем, в частности, вопрос о возрасте, подходящем для обзаведения первым ребенком, – каковой задавался в одном из еженедельных опросов ФОМа¹. Вопрос этот не столь тривиален и односложен, как может показаться с первого взгляда. За представлениями людей о том, в каком возрасте и на каком этапе жизненного пути сегодня лучше всего задумываться о первенце, можно обнаружить множество неявных допущений о родительских ролях и обязанностях. Например, о месте родительства в ряду других жизненных ценностей и задач индивида и о том, кем и чем должен быть родитель для своего ребенка, о том, требует ли рождение и воспитание ребенка каких-либо особых условий и человеческих качеств, нужно ли “дорастать” до родительства и т. д. Попробуем нащупать контуры некоторых из этих идей и представлений.

Начнем с того, что сегодня в российской культуре нормой считаются скорее отложенные, чем ранние, реализуемые при первой возможности, рождения. Вот некоторые данные.

Во-первых, с мнением, что если оба супруга моложе 20 лет, то им, как правило, рано обзаводиться детьми, согласились 60% опрошенных, не согласились – 23%. При этом, надо заметить, респонденты молодого и среднего возрастов заняли сходные позиции по данному вопросу. Мнения пожилых хотя и несколько выбиваются из этого ряда, но не противоречат общей установке: пусть они реже остальных готовы утверждать, что столь молодым супругам не стоит становиться родителями (50%), однако противоположную точку зрения поддерживают отнюдь не чаще (25%).

Во-вторых, рассуждая о том, раньше или позже семьи сегодня обзаводятся первым ребенком, чем лет тридцать назад (37% считают, что раньше, 22% – что позже), респонденты одобряли сдвиг рождений скорее к более поздним, чем к более ранним возрастам. Так, среди тех, кто полагает, что обзаводиться первым ребенком сейчас стали *раньше*, негативное отношение к такой динамике безус-

¹ Общероссийский опрос населения 14–15 апреля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Далее по умолчанию приводятся данные этого опроса.

ловно преобладает над позитивным (24% и 7% от всех опрошенных соответственно). Среди полагающих, что тенденция противоположна – рождения сдвигаются на *более поздний* срок, оценки не столь однозначны: около половины одобряют такую тенденцию, чуть меньшая доля – не одобряют (10% и 8% по выборке соответственно). Но в целом, как несложно заметить, в пользу более ранних рождений выступают в сумме 15% опрошенных, в пользу более поздних – вдвое большая доля, 34%.

В-третьих, оптимальным возрастом для обзаведения первым ребенком сегодня считается 22–25 лет для женщин и 24–27 лет для мужчин – такие возрастные интервалы назвали соответственно 58% и 49% опрошенных (пожилые участники опроса опять-таки склоняются к более ранним срокам, но в целом различия не принципиальны).

Уже только эти данные говорят, что, согласно преобладающему сегодня мнению, для деторождения мало созреть физически и к выполнению родительских функций нужно предварительно готовиться (а может, даже доказывать, будь то обществу или партнеру, что достоин быть родителем). Альтернативное мнение, согласно которому обзаводиться детьми следует пораньше, ничего не дожидаясь, насчитывает не так уж много сторонников. Так, мнения, что женщинам лучше становиться мамами, а мужчинам – папами еще до достижения двадцати лет, высказывают совсем немногие – 4% и 1% опрошенных соответственно.

Попробуем понять, какие требования общественное мнение выдвигает к потенциальным родителям. В частности, об этом можно судить по ответам респондентов на открытый вопрос, почему им кажется, что семьям, в которых обоим супругам нет двадцати лет, еще рано обзаводиться детьми.

Каждый второй из отвечавших на вопрос (или 28% в целом по выборке) говорил, что если обоим супругам нет двадцати, еще нет хорошей работы и достаточной материальной базы; между тем, по мнению этих респондентов, необходимо сначала “утвердиться”, “приобрести благосостояние”, а потом думать о детях.

“Надо сначала приобрести благосостояние, а потом обзаводиться детьми”; “надо устроиться в жизни при нынешних условиях”; “нет материального достатка, хорошего мало – без денег детей заводит”; “нужно найти хорошую работу, а затем думать о детях”; “пусть на ноги встанут и работу найдут”; “туго будет с деньгами”; “утвердиться в жизни” (ответы на открытый вопрос).

К вариациям высказываний о материально-финансовой несостоятельности восемнадцати-девятнадцатилетних родителей можно отнести еще две группы суждений.

Во-первых, это реплики, касающиеся жилищных проблем молодых, – респонденты говорили, что прежде чем обзаводиться детьми, стоило бы обзавестись собственной жилплощадью (5% по выборке). Обратим внимание на то, что вариант воспитания ребенка в расширенной семье – в ситуации проживания вместе со старшим поколением – этими респондентами, по всей видимости, активно отвергается².

² Вообще, согласно данным другого опроса, мнения, что пожилым людям лучше жить отдельно от детей и внуков, придерживаются около 40% россиян, а мнения, что старикам лучше жить вместе с молодыми, – около 30%. (Общероссийский опрос от 18–19 июня 2005 года. 100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов.)

“Жилищная проблема”; “надо иметь квартиру”; “не с чего начать жить: нет квартиры, съем квартиры дорогой”; “нет жилья у наших молодых, почти все живут у родителей”; “сначала надо обзавестись жилплощадью” (ответы на открытый вопрос).

Во-вторых, часть респондентов подчеркивали, что столь юные супруги еще не самостоятельны и зависят от собственных родителей – на которых, если у молодых появятся дети, ляжет большая материальная и воспитательная нагрузка (4%).

“Без родителей не смогут воспитывать детей”; “будут висеть на шее у своих родителей”; “мало самостоятельности”; “они еще живут за счет родителей, сами еще иждивенцы”; “удар по родителям”; “чтобы не тянули деньги со своих родителей” (ответы на открытый вопрос).

Кроме того, некоторые говорили, что прежде чем заводить детей, следует получить образование (эту точку зрения высказали 5% участников опроса).

“В это время еще учатся”; “выучиться надо сначала”; “не закончили учиться”; “образование надо получить в первую очередь”; “они скорее учатся, куда им еще детей?”; “сначала нужно получить образование, специальность” (ответы на открытый вопрос).

О том, что люди моложе двадцати лет еще психологически и морально не готовы быть родителями, сказал примерно каждый третий из отвечавших на вопрос (или 19% по выборке в целом). По мнению таких респондентов, в этом возрасте обычно еще недостает зрелости, ответственности и серьезного отношения к жизни.

“Глупые они еще, какие из них родители? Что они могут?”; “еще не готовы морально”; “молодые еще, незрелые”; “неответственно относятся к рождению детей”; “несерьезные в этом вопросе”; “они дети, еще не наигрались”; “они еще не готовы психологически иметь детей”; “сами они только недавно молоко на пиво поменяли, им нельзя доверять воспитание детей” (ответы на открытый вопрос).

С определенными оговорками к этой же группе можно отнести и те высказывания, в которых отмечается нестабильность браков между столь молодыми людьми (2%).

“Браки быстро распадаются”; “не умеют строить семью”; “одноразовый брак, который сразу распадается”; “они через год разводятся”; “очень много разводов – и страдают дети”; “такие семьи часто распадаются, дети растут без отцов” (ответы на открытый вопрос).

Наконец, часть опрошенных высказали соображение, согласно которому, прежде чем становиться родителями, людям стоит “пожить для себя” – пообщаться вдвоем, посмотреть мир, “нагуляться” (2%).

“Еще погулять надо, до 23–24 лет”; “люди должны сначала пожить вдвоем, привыкнуть друг к другу”; “надо для себя пожить, нагуляться, а потом уж о детях думать”; “нужно нагуляться, мир посмотреть”; “они еще не нагулялись” (ответы на открытый вопрос).

На наш взгляд, все приведенные выше точки зрения можно подвести под две формулы, согласно которым в означенном возрасте молодые еще: а) не утвердились в материальном, житейском плане, б) морально и психологически не готовы быть родителями. Кстати, те респонденты, которые считают, что обзаво-

Согласно преобладающему сегодня мнению, для деторождения мало созреть физически – к выполнению родительских функций нужно предварительно готовиться

даться детьми можно и не дожидаясь двадцатилетия (их также попросили пояснить свою позицию), подчеркивали, что дело не в возрасте, а в материальном достатке и личностной готовности к родительству (по 2%).

“Если есть доход, пусть заводят детей, пока молодые”; “если есть заработок, пусть заводят, чем больше детей, тем лучше”; “если есть материальная возможность, работа, то почему бы и нет?”; “если они могут обеспечить своего ребенка, то почему им не иметь детей?” (ответы на открытый вопрос).

“Если люди готовы к рождению ребенка до 20 лет, то зачем им ждать?”; “если люди готовы ухаживать и растить ребенка, они знают, на что они идут, – пусть рожают”; “если это по-настоящему, то почему бы и нет?”; “могут, если серьезно настроены” (ответы на открытый вопрос).

Вообще в принципиальном плане максимум, согласно которой молодым людям следует “сначала встать на ноги, а уже потом обзаводиться ребенком”, разделяют 75% опрошенных, отвергают – 18%; и даже те, кто считает, что супругам моложе двадцати лет уже можно становиться родителями, чаще соглашались с ней, чем оспаривают (52% против 37% соответственно).

Сложно сказать однозначно, что за смыслы и установки стоят за этой максимумой – то ли, что хорошие родители обязаны обеспечить своим детям материально комфортные условия для жизни и взросления; то ли, что хорошие родители должны самостоятельно воспитывать и поднимать детей, не вовлекая в этот процесс бабушек с дедушками и не нагружая последних своими проблемами; то ли, что прежде чем обзаводиться отпрысками, человеку следует реализовать себя, достичь определенной социальной зрелости, доказать свою состоятельность. Судя по приведенным выше репликам респондентов, в тех или иных пропорциях в рассмотренных представлениях присутствуют все эти установки; не исключено также, что в представлениях каждого отдельно взятого респондента эти смыслы особо и не разведены – просто каждый фокусируется на той стороне проблемы, которая ему ближе.

Возможен, кстати, и еще один, не столь очевидный смысл рассуждений о важности материального благополучия потенциальных родителей – тот, что, родив детей, родители должны иметь возможность побольше времени уделять общению с ними, а не бороться за выживание; по крайней мере, некоторые из участников опроса говорили именно об этом: *“сама родила так <рано>, и ребенок фактически воспитывался без меня – работала”*.

Итак, согласно преобладающей сегодня точке зрения, будущие родители должны психологически дозреть до рождения детей, а также успеть занять определенное место в жизни и обеспечить достаточную материальную устойчивость собственной семье.

Но эта точка зрения, как мы говорили, не единственна. Те, кто считает, что вопрос с потомством не следует откладывать в долгий ящик, судя по всему, придерживаются несколько иных взглядов на суть родительского предназначения. В частности, те участники опроса, кто не согласен, что супругам моложе двадцати лет еще рано обзаводиться детьми, объясняли свою позицию, акцентируя внимание на состоянии здоровья потенциальных родителей. С их точки зрения,

Считается, что только став матерью, женщина может быть полноценным членом общества, и только заняв определенное общественное положение, мужчина может быть хорошим отцом

в восемнадцать-двадцать лет у людей еще есть силы и здоровье, позднее же могут возникнуть проблемы (такое мнение высказал каждый четвертый из отвечавших на вопрос, или 6% по выборке).

“Возраст – самый детородный”; “детей надо успеть вырастить, после 40 уже болячек много, хороша ложка к обеду”; “могут остаться вообще бездетными”; “пока есть силы, то легче воспитать, а в 35 уже не берут на работу”; “в более зрелом возрасте могут быть проблемы со здоровьем”; “потом может не получиться”; “это правильно физиологически для женщины” (ответы на открытый вопрос).

Кроме того, некоторые (1% по выборке) говорили, что молодые родители быстрее взрослеют и остепеняются, реже становятся на дурную дорожку.

“Быстрее у них ум повысится, меньше будут думать о другом”; “кто раньше женится, то жизнь лучше налаживается”; “не будут бегать где попало”; “семья – это защита для молодых от наркомании, пьянки, разврата”; “чем раньше создадут семью, тем больше не разболтается народ”; “чтобы не спились после армии” (ответы на открытый вопрос).

Что касается финансовых обстоятельств к моменту рождения детей, то, по всей вероятности, этим респондентам они не кажутся проблемой первостепенной важности – или, по меньшей мере, с их точки зрения, финансовые трудности не должны рассматриваться как препятствие на пути деторождения. Некоторые полагают, что, даже став родителями, молодые могут продолжать рассчитывать на поддержку со стороны своих родителей (1% ответов по выборке).

“Пусть заводят детей – дедушки, бабушки помогут вырастить”; “пусть рожают, родители помогут поднять” (ответы на открытый вопрос).

Как видим, в рамках одной концепции родительства внимание фокусируется на социальной и личностной зрелости человека, в рамках второй – на зрелости биологической. На наш взгляд, не сильно погрешив против истины, можно сказать, что, согласно первой точке зрения, следует становиться родителем, только став взрослым, тогда как согласно второй точке зрения, только сделавшись родителем, молодой человек обретает взрослость.

Интересно, что женщинам, как считают многие, следует становиться матерями в более раннем возрасте, чем мужчинам – отцами. Оптимальным возрастом деторождения для женщины, как мы говорили выше, большинство полагают 22–25 лет; остальные, как правило, называют еще более ранний возраст – 20–21 и даже 18–19 лет. А вот для мужчины возрастом готовности к родительству большинство называют 24–27 лет; те же, кто придерживается иной точки зрения, указывают еще более старший возраст – 28–29 лет и даже 30–31 год.

Итак, можно сделать два вывода. Первый: согласно нынешним установкам, главная обязанность будущей матери – позаботиться о своем здоровье, чтобы обеспечить детям хорошую наследственность, а будущего отца – укрепить свое социальное положение, чтобы предоставить им хорошие стартовые условия. Второй: хотя об этом и не говорится явно, считается, что только став матерью, женщина может быть полноценным членом общества, и только заняв определенное общественное положение, мужчина может быть хорошим отцом. Как заметила участница одной из фокус-групп (тема последней в данном случае не важна), на встречах выпускников мужчину обычно спрашивают, где и кем он работает, а женщину – сколько у нее детей. ■

С. Климова

Лидер сельского кредитного кооператива как социальный новатор

Мы продолжаем публикацию результатов исследования деятельности двух сельских кредитных кооперативов. В статье, опубликованной в предыдущем номере журнала, рассказывалось о том, как новые экономические условия, заданные национальным проектом “Развитие агропромышленного комплекса”, стимулируют укрепление сетевой солидарности в деревне посредством создания разных форм кооперативов (кредитных, снабженческо-сбытовых, перерабатывающих)¹. Такие кооперативы, по нашим наблюдениям, нужны в первую очередь мелким и средним сельхозпроизводителям – фермерам и хозяевам товарных личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Мы подчеркивали, что для успеха новых кооперативов недостаточно мероприятий организационно-экономического характера. Базовыми условиями являются наличие у сообщества сельхозпроизводителей материальных ресурсов и ресурсов солидарности, позволяющих противостоять давлению других акторов в сфере аграрного бизнеса (крупных хозяйств, местных властей, рейдеров, скупщиков и др.). Такие ресурсы появляются, если есть ядро кооператива – сравнительно хорошо образованные, материально обеспеченные, социально активные крестьяне, – а также если есть лидер. Именно о лидерах обследованных кооперативов пойдет речь в данной статье.

Кто такие социальные новаторы

В любом обществе существует категория людей, которые отличаются от основной массы населения своими жизненными установками, притязаниями и самое главное – активностью, направленной на достижение успеха. Эти люди либо обладают социальными ресурсами, либо стараются расширить их спектр; одновременно они стремятся инвестировать эти ресурсы в социальную деятельность. Однако именно в *профессиональной* сфере жизненная активность и притязания таких “социальных новаторов” наиболее заметны и проявляются в первую очередь. Это могут быть, например, те, кого метафорически называют “ударниками капиталистического труда”, либо основатели каких-то общественных

¹ Климова С. Сельские кредитные кооперативы – между общиной и корпорацией // Социальная реальность. 2007. № 7.

инициатив (партий, общественных организаций, движений), ученые, открывающие новые направления в науке, изобретатели, деятели культуры.

Социальные новаторы – категория людей, чье стремление к карьере, профессиональному развитию, жизненному успеху, самореализации открывает обществу новые возможности и перспективы – как в развитии определенной сферы деятельности, так и в социальном развитии в целом.

Необходимо отметить, что социальные новаторы – это не реальная социальная группа, имеющая свои границы и четкую локализацию. Это *типологическая группа*, формируемая на основе эмпирически значимых критериев. Конкретному человеку какие-то отдельные характеристики могут быть и не присущи, но они типичны (являются типологическим признаком) для данной группы.

Социальные новаторы не только умеют добиваться успеха, реализуя индивидуальные стратегии деятельности, но также способны влиять на других, увлекать их своими идеями. Они формируют новые социальные сети вокруг какого-либо дела и сами вырабатывают правила взаимодействия в этих сетях. Новаторы создают правила и потому могут стать образцами поведения, мыслей, оценок для более широкой группы людей, чем та, в которую они непосредственно включены. Так происходит, например, с популярными писателями, актерами, спортсменами или же с учеными, предпринимателями, использующими опыт, знания, наличные возможности не только для индивидуального успеха, но и для выстраивания “социального контекста” – создания производственных предприятий, научных, актерских школ, спортивных, общественных организаций и т. д.

Лидер кредитного кооператива: личность и функция

Жизнеспособность двух обследованных кооперативов во многом обеспечивается деятельностью их лидеров. Они знакомы между собой: встречаются на съездах АККОР, обмениваются мнениями по поводу проблем фермеров и кооперативов; в чем-то придерживаются одной точки зрения, в чем-то – разных. Оба – незаурядные личности и потому непохожие, но тем не менее они имеют некоторые общие черты в биографических траекториях и стиле поведения.

В биографиях обоих лидеров обращает на себя внимание тот факт, что они связаны с местом, где живут и работают, всей историей семьи. Родительские семьи обоих – средние по материальному достатку, но благополучные в смысле внутрисемейных отношений и уважаемые окружающими.

У обоих наших героев – выраженное и в целом вполне реализованное стремление к профессиональной карьере: успешная учеба в школе, вузе, быстрый профессиональный и должностной рост, заграничные стажировки, опыт лидерства.

Лидер кооператива Предгорный (названия кооперативов и имена условны) – женщина средних лет с высшим образованием. Ее биографию нельзя назвать типично женской – такой, которая предполагает отсутствие мобильности, невысокий уровень карьерных притязаний, ограниченность социального взаимодействия семейными связями².

² Социолог Е. Мещеркина на основании анализа репрезентативной выборки биографий россиянок сделала вывод, что успешно совместить семью и работу смогла только десятая часть респонденток (Устная история и биография. Женский взгляд. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 12.).

При советской власти ей удалось не только совместить профессиональную карьеру с выполнением “семейной программы”, но и стать успешным руководителем. Основные этапы ее рабочего пути: сельскохозяйственный техникум, институт, была комсоргом, парторгом, руководила отстающим хозяйством, которое смогла сделать эффективным, при том что осознавала общую неэффективность социалистической системы хозяйствования.

“Тамара Александровна: Сюда переезжаю – здесь я агроном, управляющий отделения. Все почвы обследовала, почвенную карту составила. И все увидели, что я могу... И было отсталое 5-е отделение – и меня туда управляющей, на вытягивание. Передо мной штуки три мужчины там сменилось управляющих. А в то время в процентах мерили – вот 34% выполнения плана. И в первый же год у меня – 102%”.

Рыночные реформы привели к резким переменам в биографии нашей героини – и семейной, и профессиональной. Она одной из первых в районе взяла землю и стала фермером; осмелилась взять кредит и получила хорошую прибыль в своем хозяйстве, несмотря на то что почти все приходилось делать своими руками: бывшие совхозные работники могли годами не получать зарплату, но в наем к “кулаку-частнику” не шли, предпочитая его обворовывать.

“Тамара Александровна: Фактически эти земли были – мусорная свалка. И мне вот: «Сможешь – пожалуйста!» И я начала... Мусор повывозила, заказала проект коренного улучшения земель. У меня планировка, дренаж. Первую прибыль получила – 12 миллионов. Это было что-то несусветное! Купила трактора, строю ангар для техники, зерна; и вот последние я привожу деньги – а у меня уже как два дня умер муж. Он как мужчина такой нагрузки не выдержал, потому что это было очень тяжело, это было настолько тяжело – просто страшно. У меня шестеро детей, коровы, уборка. А я же только с детьми, больше никого не было... Утром просыпаешься – нет колеса, сняли то, сняли это, украли. Когда муж умер, старший учился в Москве в МГУ, мне стало настолько тяжело, что он перевелся в наш, сюда.

Интервьюер: *А он сейчас где работает?*

Тамара Александровна: *У меня, у меня в хозяйстве. Мы все вместе – кто чем”.*

Но успех в “своем деле” – пусть даже таком новом и трудном, как фермерство в России, – недостаточен для социального новатора: ему важно, чтобы успешными были и окружающие. В биографии Тамары Александровны – три ярко выраженных слоя, три пласта жизненных практик, которые, казалось бы, должны исключать друг друга, или по крайней мере мешать один другому, но в ее случае оказались успешно реализованы. Тамара Александровна – не только хозяйин и менеджер среднего по масштабам, но успешного аграрного производства.

Она вырастила и дала высшее образование всем детям, и все они сейчас востребованы в профессиональном и социальном отношении. Она – общественный деятель, ее социальный темперамент простирается далеко за пределы района. Она участвует в съездах АККОР; изучает опыт кооперации американских фермеров; предлагает свои законопроекты для того, чтобы усовершенствовать законодательство о крестьянских хозяйствах; у нее есть контакты с Общественной палатой при президенте России и с московскими учеными-аграриями.

“Тамара Александровна: Ко мне домой всегда шли – я ж уже стала председателем АККОР. Мои дети знали, что фермер – первый человек. Пришел фермер – быстренько чай на стол, все ему рассказать. Они ко мне шли и днем, и ночью. И первые вопросы: землю не дают – как ее взять? И второй вопрос: брать или не брать кредит? Я ему объясняла: бери. Боялись. Сумма большая”.

Лидер Приреченского кооператива – сорокалетний мужчина, который при советской власти сельским хозяйством не занимался. Но базовые моменты его биографии, обеспечившие ему стартовые возможности для успеха в аграрном производстве, – те же, что и у нашей первой героини: благополучная родительская семья; успешная учеба; удачная карьера; опыт работы за границей; опыт лидерства. Общим в двух биографиях является и то, что оба лидера ориентируют своих детей на продолжение начатого ими дела. Здесь мы видим ту же связь с местом деятельности – укорененную в прошлом и расчитанную на будущее.

“Виктор Васильевич: Мать была воспитательницей детского сада, отец – учителем в школе. Преподавал сельхозмашины и агрономию. Сейчас они на пенсии. Отец был главой поселкового совета, потом фермером был, председателем ассоциации фермерского совета. Я закончил школу, поступил в военное училище, прослужил пять лет за границей. Потом, когда разваливался Советский Союз, выводили войска, и я уволился по сокращению штатов. Мечтал стать генералом, и карьера у меня хорошо шла, но вот этот вывод войск..

Приехал сюда – а тут как раз началось фермерское движение. Тогда позволялось получить землю – три га себе и три – жене на развитие ЛПХ. Брат первое место на соревновании пахарей еще в школе занимал. Он получил по три га себе и жене, пять га в аренду – и начали свое хозяйство. Вначале отец нас консультировал, но потом технологии другие пошли.

У меня четыре сына. Парням я порекомендовал поступить на факультет государственного муниципального управления. Сказал, что вначале научимся обучаться – потом будем учиться профессии”.

Общим для обоих лидеров является и то, что они находят возможности для самореализации в разных сферах деятельности, стремятся расширить спектр своих социальных ресурсов и инвестировать их в социальную работу – в широком смысле. Это проявляется в способности к освоению новых навыков, стремлении учиться, использовать полученные знания не только в своей работе, “на своей полянке”, но и тиражировать их; в активности, направленной на достижение не просто личного благополучия, но и успеха всего социума, в который они включены; ориентация на долговременные стратегии.

“Виктор Васильевич: Я учился, каждый день учусь. Я езжу на все форумы, семинары. Через Интернет искали, что такое кредитный кооператив. Мы получили грант «Тасис» – кучу денег. Компьютеры купили в консультационном центре.

Я был в Голландии. Хочу для сына взять отпуск на год и послать его в Голландию просто вкалывать: навоз грузить, картошку сажать, английский изучать. Мы хотим, чтобы каждый год по три фермера ездили. Это наши личные взаимоотношения, но я хочу, чтобы это была межгосударственная программа. Будет возможность поучиться, узнать жизнь.

Разговариваю с фермерами, говорю: ребята, не умеете вы работать. Очень опасно слышать, что мы все знаем. Я в прошлом году шесть стран объездил, в этом году поеду. К осени повезу вас в Израиль, в Голландию. Каждый год вы должны где-то бывать. Посмотрите технологию.

Мы столкнулись с проблемой, что мы требуем, как надо, а они хотят – как привыкли.

Сейчас три человека поедут в Египет на конференцию, потом я еду в Данию по информационно-консультационной службе, уже визы получили. Потом два парня поедут в Америку убирать урожай, а мы за это заплатим. Мы организовываем для восьми человек поездку в Америку – смотреть, как выращиваются овощи. Они должны общаться с миром”.

В том, что ориентация на общее благо – в частности, на повышение квалификации и соответственно эффективности труда всех членов данного социума – далеко не универсальная норма, мы убедились, когда беседовали с одним из состоятельных фермеров Предгорного района, который вышел из кооператива из-за несогласия с принципом субсидиарной ответственности. Он демонстрировал прямо противоположные установки: жалуясь на недостаток квалифицированных наемных работников в своем хозяйстве, считал слишком затратным учить их самому и утверждал, что это – функция государства.

“Павел Максимович: У нас две тысячи гектаров. Вот рынок у нас. Мы работаем 16-й год. Развиваемся нормально. Переходим на новейшие технологии, новейшую технику мирового уровня... Я сегодня не могу ни социальные вопросы решать, ни молодежь поддержать. Потому что нет денег. Управление сельского хозяйства вообще не работает. И краевой департамент ничем не занимается”.

И самое главное, что, собственно, делает председателей обоих кооперативов лидерами, – это способность к созданию принципиально новых практик и новых социальных сетей вокруг этих практик.

Они формируют и правила взаимодействия в социальных сетях, причем так, что эти правила не становятся конфронтационными по отношению

к сложившимся в сообществе нормам межличностного общения. Подтверждение этим наблюдениям мы получили из бесед с фермерами – членами кооперативов.

“Леонид Львович: Мы подобрались ребята такие, что друг другу помогаем, хорошие на отдачу, у нас все прозрачно, дефицит друг от друга не скрываем. Друг у друга учимся. Они у меня – я у них. Он [Виктор Васильевич] – очень молодец, и он нас соединил вот так вот”.

В обоих кооперативах фермеры признают, что именно лидер объясняет, как действовать в той или иной ситуации, подбадривает в случае неудач, если требуется – оказывает и юридическую помощь, обращаясь в информационно-консультационный центр.

“Никита Антонович: Она [Тамара Александровна] все время приглашает нас на семинары, на выставки... Она вместе с председателем земельного комитета при Ельцине, когда начали раздавать земли, по ночам ездила, расклеивала листовки: берите земли”.

Получение кредитов и субсидий – совершенно новая для крестьян практика. Сложность правил кредитования и субсидирования приводит к тому, что они часто не только оказываются в убытке, но и становятся объектом внимания правоохранительных органов. И хорошо, когда лидер кооператива – не просто человек, который раздает деньги и следит, чтобы они были вовремя возвращены, но и считает нужным вступить за своих подопечных. Вот, например, история пчеловода, купившего на кредит покрывки для грузовика, на котором он перевозит своих пчел, и в результате ставшего объектом внимания борцов с организованной преступностью.

“Тамара Александровна: В соответствии с национальным проектом получают субсидии, и по ним уже по второму кругу ходят обэпники. Управление сельского хозяйства дает списки: это кооперативчики, проверьте их, это гнездо надо разорить. И он пошел... Человек купил; пришел и проверяет – у кого же он купил. У того. «Когда ты продал?» А тот уже и забыл, когда продал. «Смотрите, вспомните, на три дня вас посадят в кутузку – и вы все вспомните». Тот уже приходит сюда, трясется: «Зачем мне это надо! Не нужны мне ваши ни кредиты, ни субсидии, чтобы мне нервы только не трепали». И вчера я срываюсь. Приходит обэпник и начинает: вот, мол, у вас там взял кредит – купил скат на КАМАЗ. А у него пчелы, он перевозит пчел. И вот этот обэпник приходит, уточняет, купил он скат или нет. А я ему: «Ну, как вам не стыдно, вы же видите, он крестьянин, у него нет работы». Кричала, даже плохо кричала... И все, я сорвалась, и все меня осудили, сказали, что я была невыдержанная. Мужу рассказала – он меня похвалил, что правильно сделала”.

Лидер Приреченского кооператива убеждена, что ее позиция отвечает не только интересам ее односельчан, но и высшим интересам государства. Ориентация последнего на поддержку мелких сельхозпроизводителей, объединенных в кооперативы, продуктивнее и выгоднее, по ее мнению, нежели опора на крупных земельных собственников, “латифундистов”.

“Тамара Александровна: Сочинский форум... И там «круглый стол», ведет Гордеев... Поднимается Батулин, говорит в грубой такой, напористой форме. Гордеев его немножко поправил. И тут же этот Батулин

и говорит: «Не я у вас в гостях, а вы у меня». И поясняют: «Это гостиница моя, и вы тут у меня проводите форум, и я имею право хамить». И мне так жалко вот этого Гордеева, которого оплевали... И вот потом еду и думаю: «Они получили то, что они взрастили. Гордеев еще два года тому назад открыто поддерживал только крупный сельхозбизнес и не видел перспектив мелкого, и только по результатам сельхозпереписи уже не смог отрицать очевидного факта: мелкий агробизнес – весомый игрок на рынке сельхозпродукции. Они этого монстра взрастили – и теперь пожалуйста, поуправляй этим Батуриным. Эти монстры вам диктуют. А если бы ты поддерживал кооперативы, то, наверно, ты бы на кооператив оперся».

Уверенность в том, что подобная государственная поддержка может быть эффективной, равно как и представления о формах, в которых она может оказываться, частично почерпнуты Тамарой Александровной в зарубежных стажировках.

“Тамара Александровна: ...Высокопоставленные представители американских фермеров, ихнего Союза фермеров увидели, что у нас так, и пригласили меня. А программа была «Изучение взаимоотношений треугольника: ассоциация, администрация и сам фермер». Я всего допытывалась, а у меня был переводчик личный, и я в их собраниях принимала участие, и решения слышала, видела. И я поняла – зачем. У них – фермерский союз, и каждый фермер ежемесячно получает пакет, в котором есть информация вся по законодательству: если он клубникой занимается – то что-то там по клубнике, рынок там, маркетинг, где приобрести...”

Социальная компетентность лидера кооператива

Поскольку мы назвали наших героев социальными новаторами, встает вопрос об их социальной компетентности. Этим понятием чаще всего обозначается комплекс характеристик, описывающих взаимодействие личности и среды. Главные из них – это “организаторское чутье” (иногда говорят о “психологической компетентности” – способности почувствовать нового человека и выбрать по отношению к нему оптимальную линию поведения); способность влиять на других, требовательность; устойчивый интерес к организаторской работе.

Опыт командования войсковыми подразделениями сделал из лидера Приреченского кооператива, Виктора Васильевича, талантливого логистика. Он с увлечением рассказывает о сложных схемах взаимодействия разных субъектов с фермерами, выстроенных им так, чтобы весь механизм сотрудничества функционировал без сбоев.

“Виктор Васильевич: Я говорю <потенциальному покупателю сельхозпродукции>, давайте так: у нас есть снабженческо-сбытовой кооператив. Мы заключаем с ним договор. Есть менеджер, который будет заниматься логистикой. Берем 4–5 фермеров – и начинаем реализацию с редиски, потом идет свекла молодая, потом молодой картофель, капуста молодая. Если тебе надо две машины картошки в день, один фермер может тебя подвести, что-то не так сделать. Если тебе нужны стабильные поставки, мы начинаем работать на тебя. Сегодня от одного, завтра от другого, если у кого-то что-то не получилось, менеджер найдет ему замену.

Каждый фермер по отдельности и боится заключать договор, и нужны первоначальные деньги, чтобы начать работу. Деньги будут приходить сюда, а мы будем их раздавать тому, у кого мы взяли эту продукцию”.

Стоит отметить, что такая работа по настройке на потребителя требует значительных ресурсов, которых нет у мелких сельхозпроизводителей. Тот факт, что в опыте Тамары Александровны нет столь масштабных организационно-экономических решений, вовсе не свидетельствует об отсутствии у нее подобных навыков: в кооперативе Предгорный крестьянам тоже помогают сбывать продукцию. Но хозяйства членов этого кооператива – в основном мелкотоварные, и поэтому интеграция затруднена. Бедность крестьян порождает проблему сбыта, а невозможность сбыть продукцию не дает возможности получать прибыль. Именно поэтому лидер Предгорного кооператива предлагает развивать альтернативную систему сбыта и переработки. В частности, она считает необходимым стимулировать создание снабженческо-сбытовых и заготовительных кооперативов, которые контролировались бы крестьянами. Но подобные кооперативные предприятия, которые находились бы в долевой собственности сельхозпроизводителей, невозможно создать без крупных капиталовложений, а значит, эти деньги, во-первых, должно дать государство в виде долгосрочных кредитов, а во-вторых, они должны где-то аккумулироваться. Оба руководителя считают, что естественным было бы аккумулировать их именно в кредитных кооперативах: так удалось бы преодолеть ценовой диктат собственников перерабатывающих предприятий, снижающих цены на сельскохозяйственное сырье. Тамара Александровна предлагает также стимулировать создание продовольственных (оптовых и розничных) рынков, которые принадлежали бы кооперативам сельхозпроизводителей.

“Тамара Александровна: По этой программе мы должны построить свои рынки в Сочи и в Санкт-Петербурге, на которых будут работать продавцы, нанятые фермерами. Проблему стандартов качества в рамках кооператива тоже можно решить. Как? Молочный кооператив первое – купит лабораторию качества; купит машину, которая собирает молоко; купит охладители, пастеризаторы, упаковку”.

Способность влиять на других и требовательность – неперенные качества руководителя кредитного кооператива. Оба наших героя все время помнят, что они взяли у государства деньги – и их надо будет возвращать. Но лидер Приреченского кооператива смог превратить это условие в алгоритм контроля производственной деятельности членов кооператива, взявших кредит, в то время как в Предгорном контроль хотя и существует, но, похоже, носит менее системный характер.

“Виктор Васильевич: Мы решили, что столкнемся лет через пять с проблемой возврата государственных денег. Некоторые фермеры могут не так работать, что-то у них не получится...”

Поехал наш агроном по полям. Мы знаем, кто что посеял, кто когда вспахал, чем поля обработал, какие семена и где берет. Наша задача – чтобы он вовремя все сделал, в лужу в какую-то не сел”.

Лидер Приреченского кооператива уверен, что может быть требовательным не только по отношению к членам кооператива, взявшим кредиты, но и по отношению к представителям местных властей.

“Виктор Васильевич: Если глава поселкового совета и землеустроитель ставят подпись на заявлении какого-то пропойцы – выдать 100 тысяч рублей, я прихожу к главе администрации района и говорю: тот глава поселкового совета и тот землеустроитель не работает, давайте принимать меры. Мне же возвращать деньги – я свое лицо терять не хочу”.

Он подходит к распределению средств внимательно и ответственно. Для него значимы не столько формальные показатели, сколько репутация человека, его социальный статус.

“Виктор Васильевич: В кредитном кооперативе проще, чем в банке. Я если не знаю человека, вообще могу не дать ему денег. В банке они обязаны дать, если документы в порядке...”

Приходит фермер, жалуется везде на всех. Я сажусь, я с низов, с этой же когорты. Я спрашиваю: «У тебя что, нет залога?» Он говорит: «Нет залога, когда наводнение было, все смыло, а я хочу работать». Я говорю: «Хорошо, найди трех поручителей, которые могут за тебя поручиться, что ты отдашь деньги». Он: «Нет, у меня таких нет». Я говорю: «Погоди, дружок, если у тебя никого нет – ни друзей, ни знакомых, – как же я тебе деньги дам? Ты завтра с ними сбежишь, и все». Да не дам я ему денег. Если он не имеет уважения у соседей, друзей... это его последний шанс. Да, есть такие люди, которые говорят: ребята, дайте денег, чтобы оторваться, я нормальный человек. Но если за него никто не может поручиться?.. Я дам деньги, но кто их будет возвращать?”

Весьма примечательным выглядит рассказ лидера Приреченского кооператива о том, как он научился превращать репутацию в деньги; о пользе известности и пиар-кампаний. В этом рассказе виден не только талантливый менеджер, ориентированный на материальный успех своего дела, но и человек, который получает удовольствие от общественного признания.

“Виктор Васильевич: Мы несколько лет назад провели семинар овощеводов на базе моего хозяйства. Получилось такое шоу, местный глава вначале отнесся так... А потом заерепенился: замгубернатора приедет по сельскому хозяйству. Давай, что вам надо... Приехала куча народа. После этого у всех сложилось впечатление, что картофель растет только в нашем районе. И технику тут можно современную заказать, и семена здесь... и специалисты. Теперь на нашей базе другие фирмы проводят свои семинары. Говорят: «Мы даем вам на 20 тысяч бесплатно средства защиты, чтобы вы поставили таблички, что это наши средства». Это американская фирма, которая производит средства защиты. Нам привозят с Воронежской области семена и говорят: «Мы посадим у вас свои семена, и когда к вам кто-то приедет, скажите, что это наши семена». Я говорю: «Да вопросов нет».

Я участвую в общественной жизни, и мне это нравится. Чем больше к нам народу ездит, тем лучше... Сейчас к нам очередь выстроится за овощами”.

* * *

Тот факт, что крестьянам не всегда удастся создать дееспособные кредитные кооперативы даже в одних и тех же социально-экономических условиях,

свидетельствует о важной роли личностного фактора, и в первую очередь – роли лидера. Знакомство с двумя главами кредитных кооперативов убедило нас в том, что для успеха этого сложного дела нужен комплекс качеств, который мы обозначили как “социальное новаторство”.

В поведении двух лидеров есть общие черты. Люди, которых можно назвать социальными новаторами, воспринимают перемены в первую очередь как ситуацию, открывающую новые возможности, а не как источник опасностей и неопределенности. Они не рассматривают государство в качестве главного ресурса в их жизни, в качестве первоочередного фактора их успеха. Они строят планы не только на ближайшее будущее, но и на отдаленную перспективу, к ним в меньшей степени относится выражение “живут сегодняшним днем”. Они демонстрируют уверенность в том, что смогут добиться благополучия не только для себя, но и для социума, в который они включены. Их стремление к карьере, профессиональному развитию, жизненному успеху, к самореализации открывает новые возможности не только для них самих, но и для их окружения – как ближайшего, так и более широкого.

Оба руководителя отличаются коммуникативными навыками. Они способны влиять на других, увлекать их своими идеями. Они создают новые социальные сети вокруг своего дела и соответственно вырабатывают правила взаимодействия.

Перечисленные свойства могут быть приметами социальных новаторов не только в исследуемой, но и в других сферах деятельности. Но вот что непременно нужно социальному новатору, работающему в сельском хозяйстве, – это нормативная и биографическая укорененность в социуме; твердая уверенность окружающих в том, что с этим местом связана его биография – и не только собственная, но и биография его детей.

Мы старались увидеть общее в личностном стиле двух лидеров кредитных кооперативов. Но лидер – это не только личностный, но и структурный статус. И здесь между двумя нашими героями обнаруживается существенная разница. У нас создалось впечатление, что власти района, где находится Предгорный кооператив, относятся к крупным сельхозпроизводителям с большим вниманием, чем к средним и мелким. Поэтому Тамара Александровна, действуя за рамками властных сетей, вынуждена постоянно защищать своих подопечных, бороться за их права, отстаивать перед властями их интересы. В районе же, где расположен Приреченский, малые формы хозяйствования приоритетны, являются предметом повседневной заботы властей, и там лидер кредитного кооператива – необходимый элемент структуры взаимодействия в повседневно работающей цепочке: власть – кооператив – фермер (хозяин ЛПХ). ■

Электоральные рейтинги

Данные в % от населения

Политики

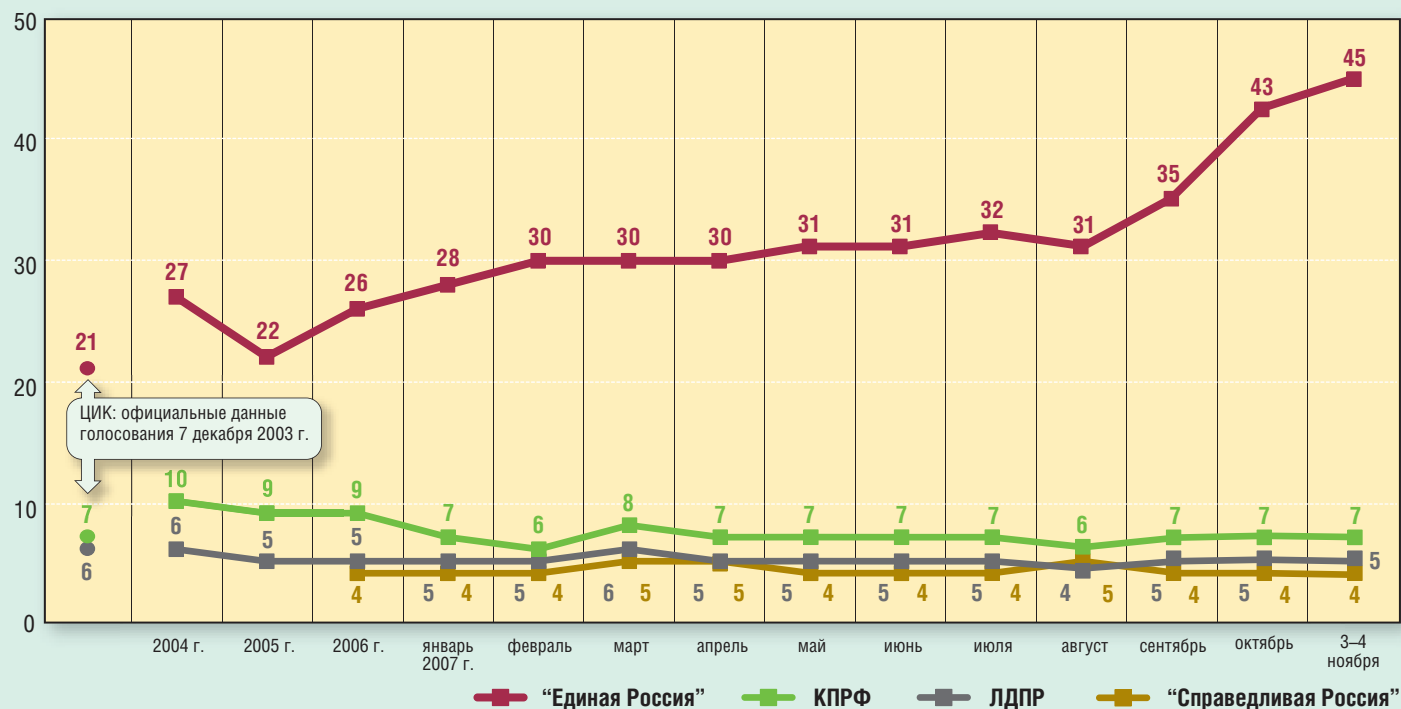
Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоится выборы президента с участием перечисленных политиков. За кого из этих политиков Вы бы проголосовали?* (Карточка, один ответ)

* Приведены рейтинги политиков, составляющие не меньше 2%

Политические партии

Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную думу, то за какую из перечисленных партий Вы бы скорее всего проголосовали?*** (Карточка, один ответ)

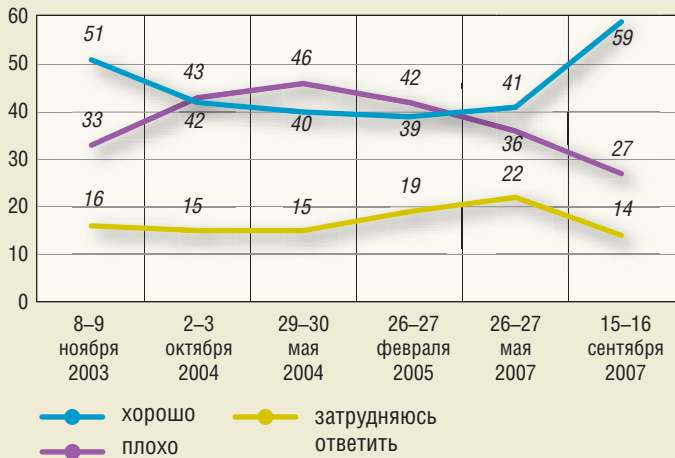

*** Приведены рейтинги партий, составляющие не меньше 2%

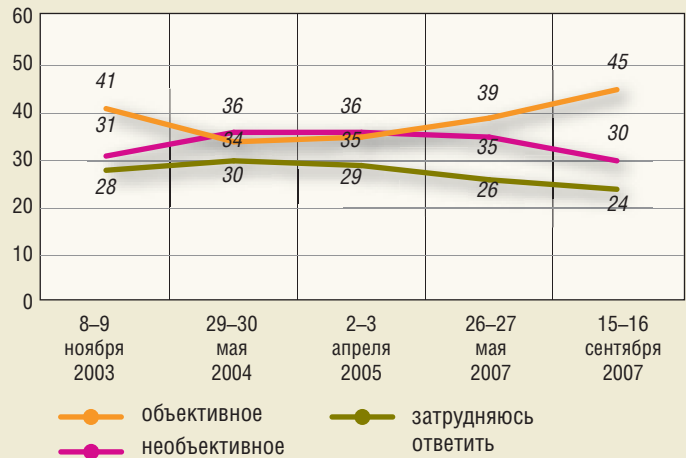
Роль и место России в мире

Данные в % от населения

Если говорить в целом, как, по Вашему мнению, сегодня относятся к России в мире - хорошо или плохо?

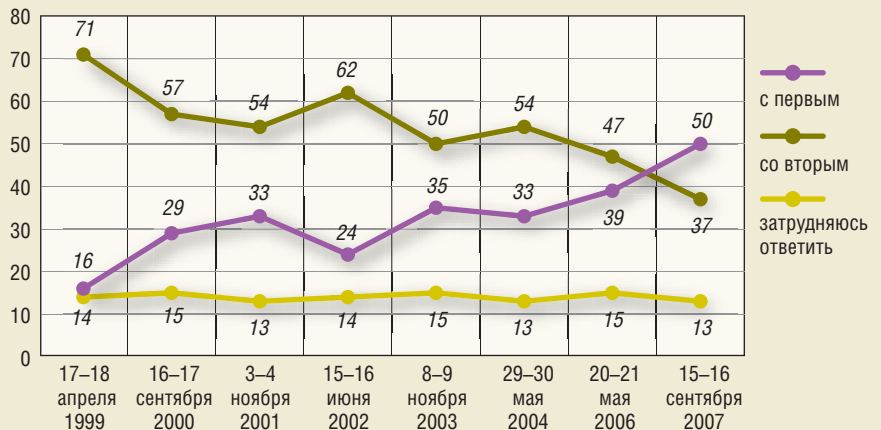
Как Вы считаете, отношение к России в мире в целом объективное или необъективное?

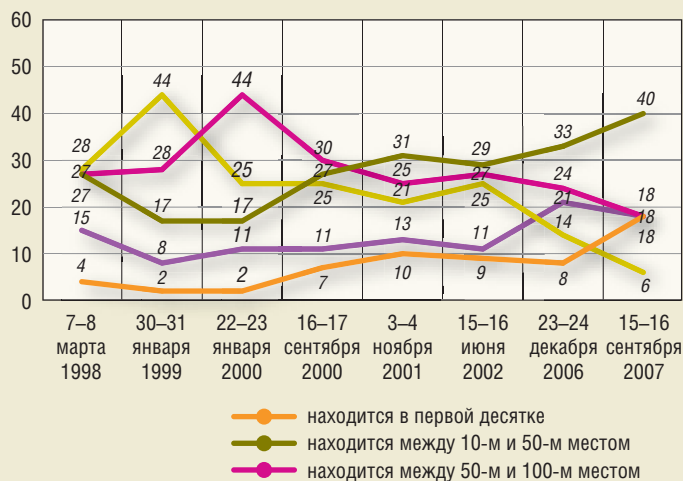
С каким из этих утверждений Вы склонны согласиться? (Карточка, один ответ)

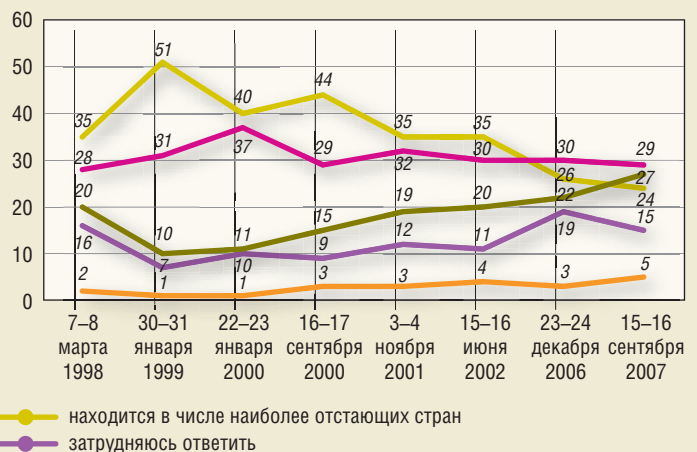
Одни считают, что Россия в своих решениях и действиях в целом самостоятельна и не зависит от ведущих западных стран. Другие полагают, что Россия в своих решениях и действиях в целом несамостоятельна и зависит от ведущих западных стран. С каким из двух мнений - с первым или вторым - Вы согласны?

Как Вы думаете, какое место по уровню экономического развития занимает сегодня Россия среди других стран мира?

Как Вы думаете, какое место по материальному положению населения занимает сегодня Россия среди других стран мира?

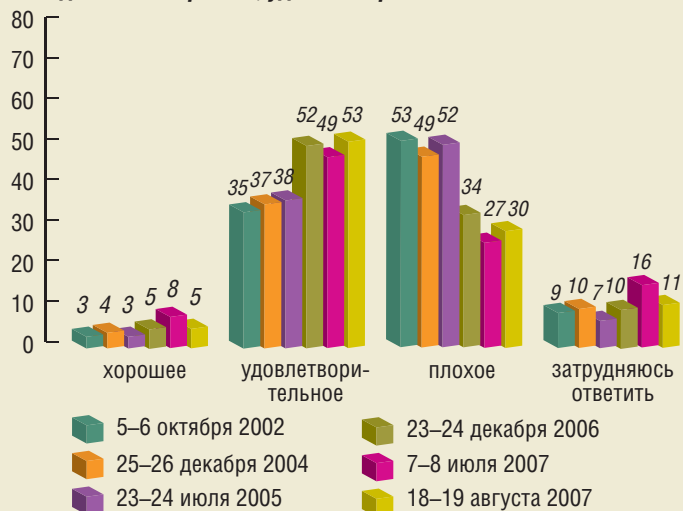

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 15-16 сентября 2007 года. Выборка: 1500 человек

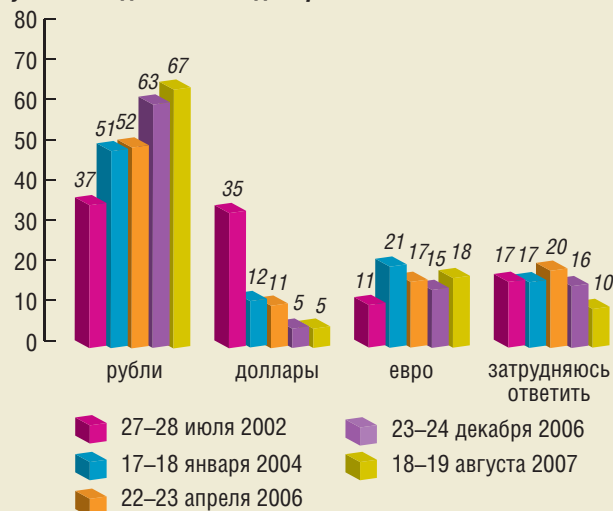
Мировая и российская экономика: оценки и прогнозы

Данные в % от населения

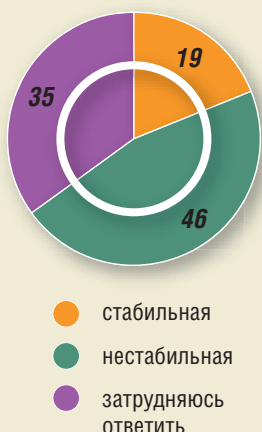
Как бы Вы оценили состояние российской экономики сегодня – как хорошее, удовлетворительное или плохое?

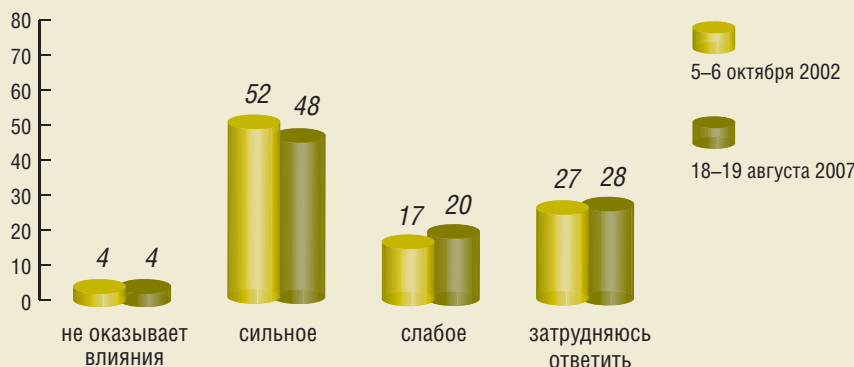
Какая валюта – рубли, доллары или евро – вызывает у Вас сегодня больше доверия?

Как Вам кажется, сейчас ситуация в мировой экономике стабильная или нестабильная?

Как Вы считаете, ситуация в мировой экономике оказывает или не оказывает влияние на российскую экономику? И если оказывает, то это влияние сильное или слабое?

Скажите, пожалуйста, Вы интересуетесь или не интересуетесь сообщениями о том, что происходит сегодня в мировой экономике?

Экономика США оказалась на грани финансового кризиса из-за проблем на рынке жилья. Знаете ли Вы, что-то слышали или слышите сейчас впервые о том, что экономика США оказалась на грани кризиса?

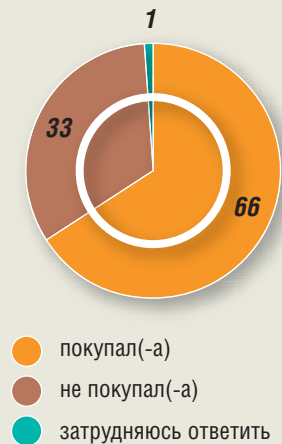
Вы опасаетесь или не опасаетесь, что экономика России может пострадать из-за проблем в экономике США? (Ответы осведомленных о том, что экономика США оказалась на грани финансового кризиса, – 39% от всех опрошенных)

Закон “О розничных рынках”: что изменилось?

Данные в % от населения

За последний месяц Вы (члены Вашей семьи) покупали или не покупали продукты питания на продовольственном рынке?

Если говорить в целом, за последний месяц ситуация на продовольственных рынках там, где Вы живете, изменилась к лучшему или к худшему? Или никаких изменений не произошло? (Ответы заявивших, что за последний месяц они покупали продукты питания на продовольственном рынке, – 66% от всех опрошенных)

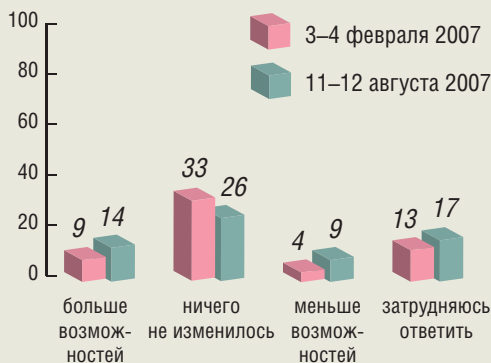

Выбор продуктов на продовольственном рынке за последний месяц расширился, сократился или остался прежним?

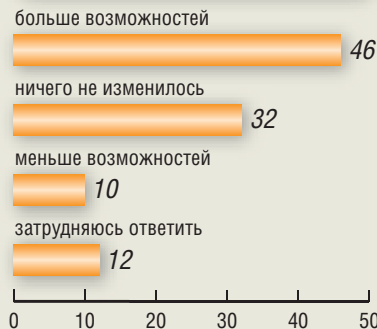
(Ответы заявивших, что за последний месяц они покупали продукты питания на продовольственном рынке, – 66% от всех опрошенных)

По Вашим впечатлениям, у жителей вашего региона (области, края) стало больше или меньше возможностей продать на продовольственном рынке продукты, произведенные в личном подсобном хозяйстве? Или в этом отношении ничего не изменилось? (Ответы заявивших, что за последний месяц они покупали продукты питания на продовольственном рынке, – 66% от всех опрошенных)

Ответы тех, кто считает, что ситуация на рынках изменилась к лучшему

Ответы тех, кто считает, что ситуация на рынках изменилась к худшему

Первого августа 2007 года вступил в силу Закон “О розничных рынках”, который, в частности, меняет порядок работы продовольственных рынков. Знаете ли Вы, что-то слышали или слышите сейчас впервые об этом законе?

Если говорить в целом, Вы одобряете или не одобряете принятие Закона “О розничных рынках”?

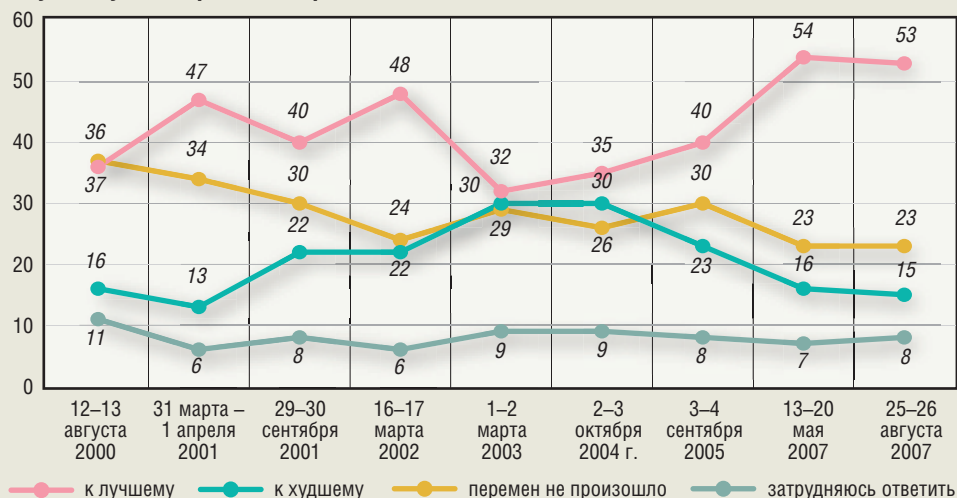
(Ответы заявивших, что им известно о Законе “О розничных рынках”, – 26% от всех опрошенных)

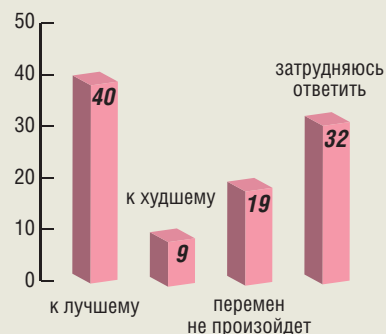
Страна и люди: планы и перемены

Данные в % от населения

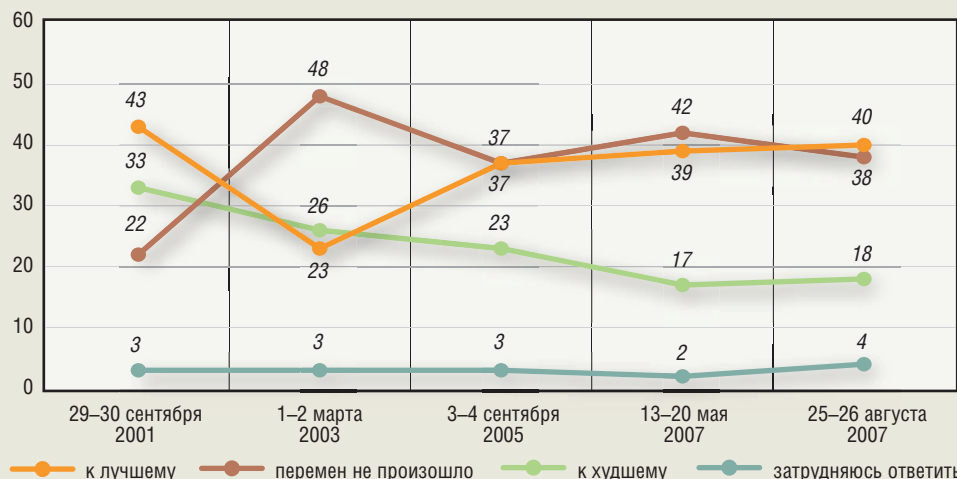
Как Вам кажется, за последний год в жизни России произошли перемены к лучшему, к худшему или перемен не произошло?

Как Вы полагаете, в течение ближайшего года в России произойдут перемены к лучшему, к худшему или перемен не произойдет?

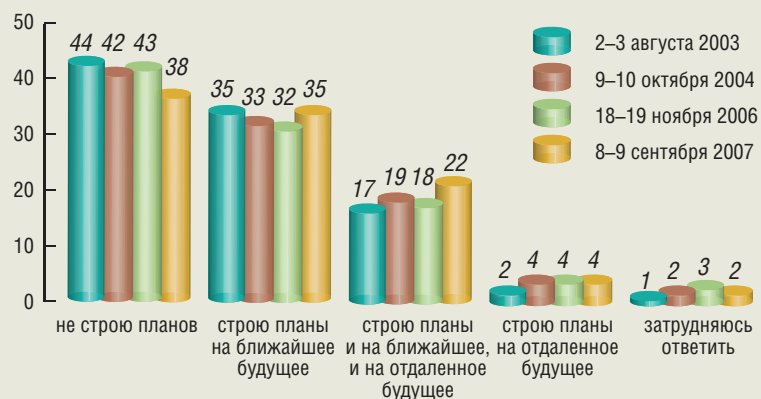
Скажите, пожалуйста, а в Вашей жизни за последний год произошли перемены к лучшему, к худшему или перемен не произошло?

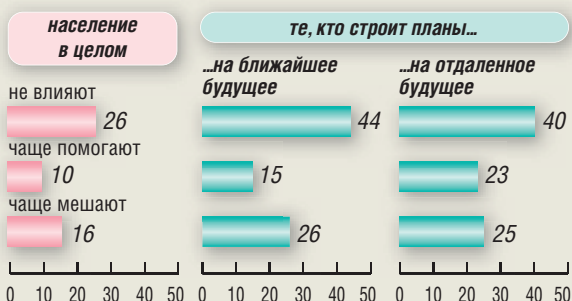
А в Вашей жизни в течение ближайшего года произойдут перемены к лучшему, к худшему или перемен не произойдет?

Вы строите или не строите планы на будущее? И если строите планы, то только на ближайшее будущее, только на отдаленное будущее или и на ближайшее, и на отдаленное будущее?

Скажите, сегодня государство, власти влияют или не влияют на осуществление Ваших жизненных планов? И если влияют, то чаще помогают или мешают их осуществлению? (Задавался всем заявившим, что они строят планы на будущее, – 62% от числа опрошенных)

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 25–26 августа 2007 года. Выборка: 1500 человек

Успех как ценность

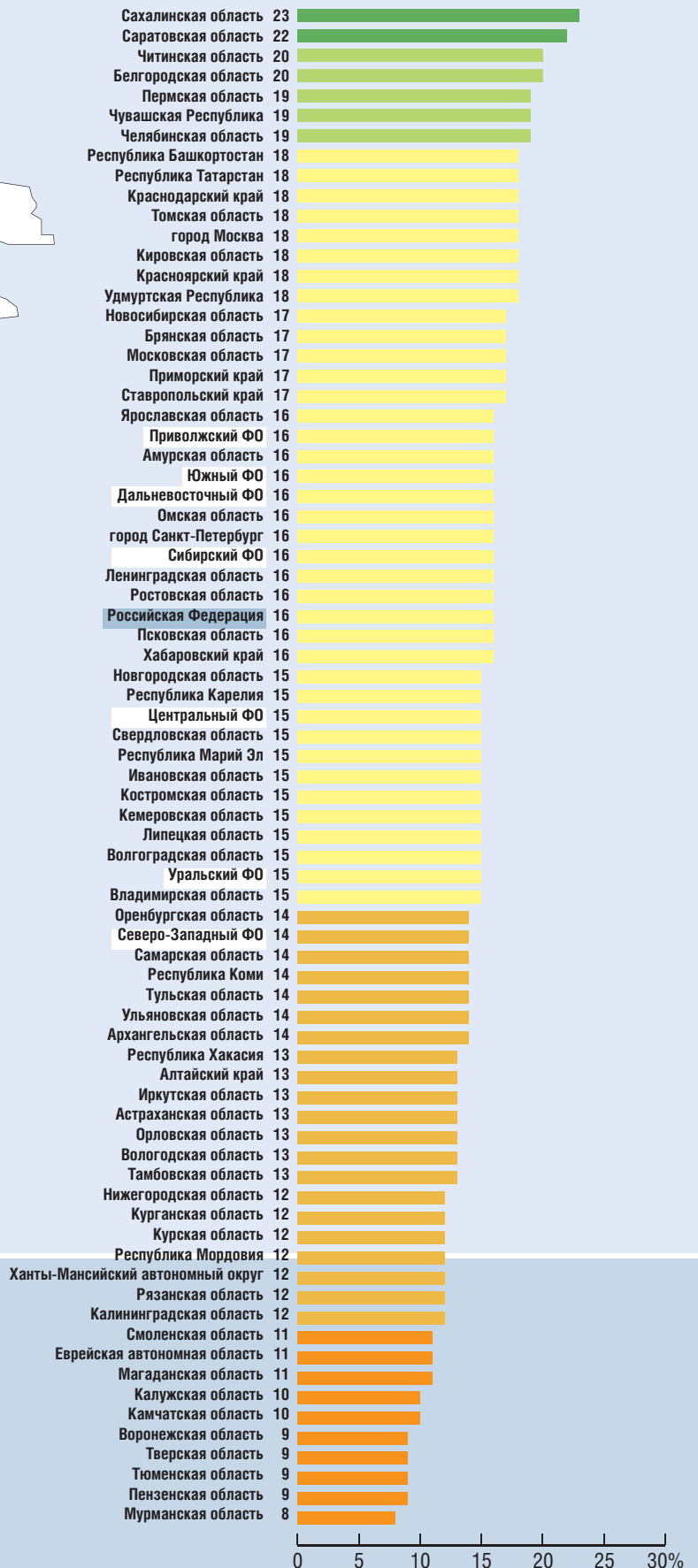
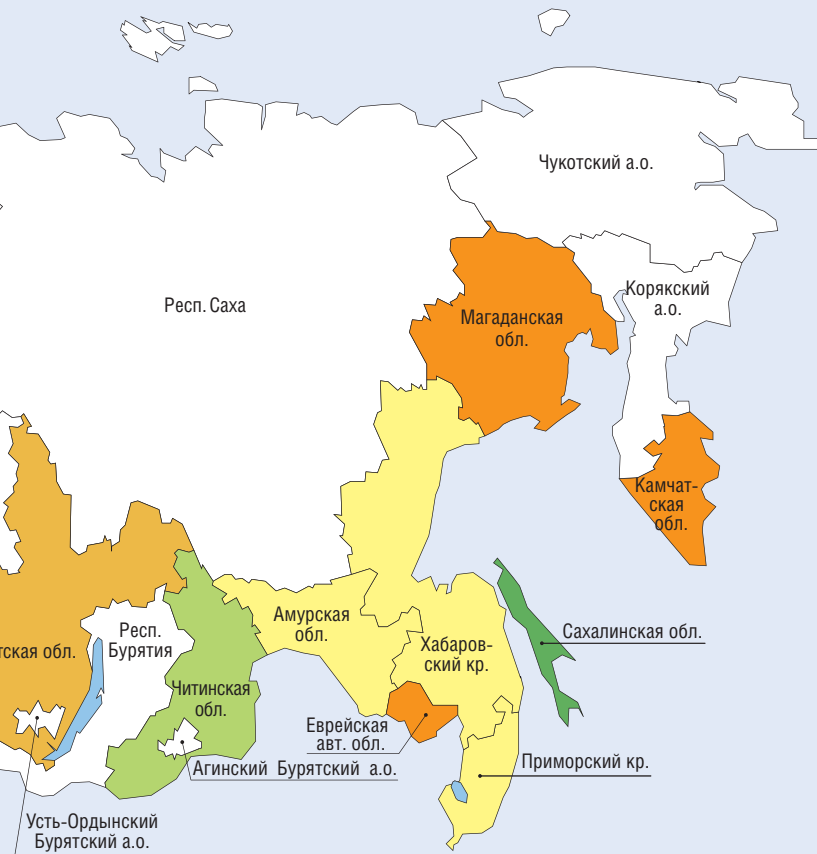
Те, для кого “успех” – одно из пяти наиболее важных понятий

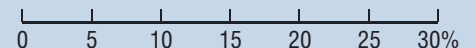
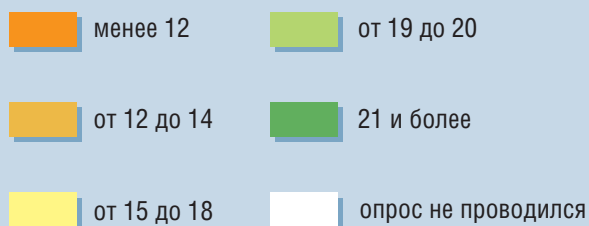
Скажите, пожалуйста, какие из перечисленных на карточке слов означают наиболее важные лично для Вас понятия? (Карточка. Не более пяти ответов)

Опрос 15—30 мая 2007 года. Выборка: 34 000 человек

Доля от числа опрошенных, %

Как добиться успеха в жизни?

Данные в % от населения

Как Вам кажется, сегодня среди россиян больше тех, кто стремится, или тех, кто не стремится к успеху в жизни?

Одни считают, что успех – это скорее результат усилий человека. Другие считают, что успех – это скорее результат стечения обстоятельств, удачи. Какое мнение – первое или второе – Вам ближе?

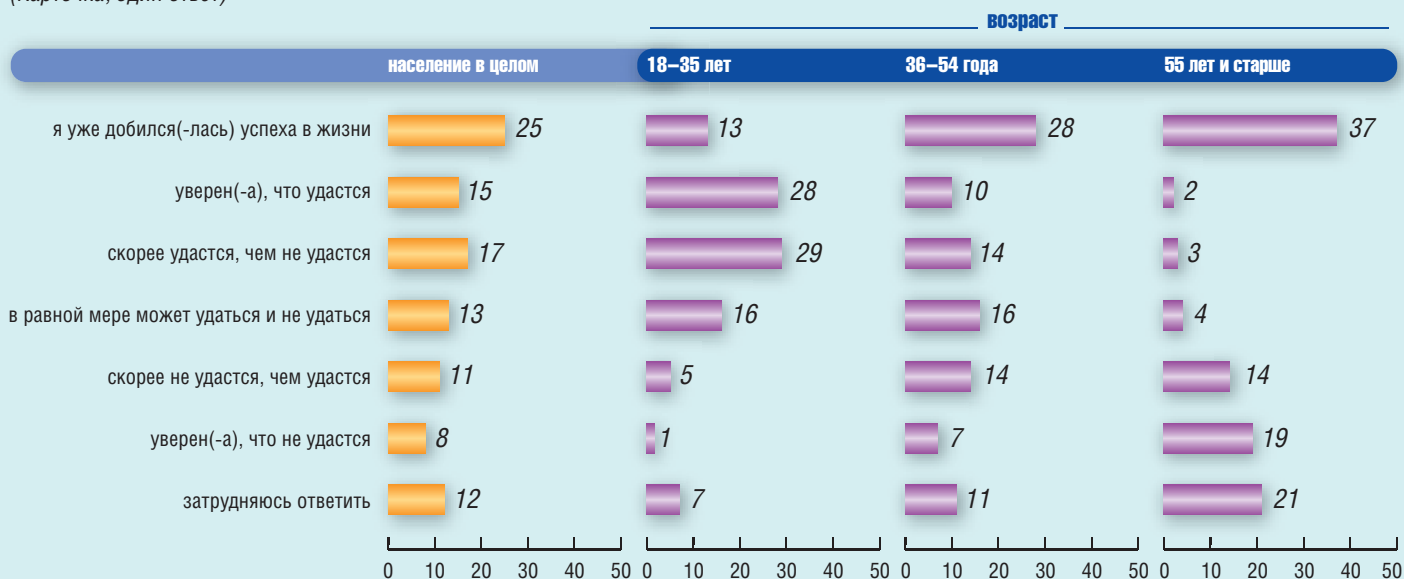
Вам, таким людям, как Вы, сегодня в России легко или трудно добиться успеха?

На Ваш взгляд, в России среди успешных людей больше тех, кто достиг успеха своими силами, или тех, кому повезло, кто достиг успеха, потому что так сложились обстоятельства?

Вы уже добились или еще не добились успеха в жизни? И если нет, то как Вы оцениваете свои шансы добиться успеха? (Карточка, один ответ)

На графиках представлены данные опроса от 15–16 сентября 2007 года. Выборка: 1500 человек

“Охота к перемене мест...”

Половина российских граждан (48%) в настоящее время проживают там, где они родились. Наибольшая укорененность отличает москвичей, 68% которых, судя по ответам, полученным в ходе опроса, живут в столице с рождения. В мегаполисах, малых городах и селах коренные жители составляют соответственно 52, 48 и 47% населения. Реже других могут назвать родиной место своего теперешнего проживания жители больших городов (в 39% случаев).

Каждый четвертый россиянин (24%) хотел бы сменить место жительства. Это желание свойственно прежде всего молодым людям (респонденты в возрасте от 18 до 35 лет) – 36%, особенно тем из них, кто живет в селах (50%).

Две трети наших сограждан (68%) утверждают, что не хотят уезжать из своего города или села. Чаще других отрицательно относятся к идее переезда люди пенсионного и предпенсионного возраста (80%), а также жители Москвы (77%), мегаполисов и больших городов (по 75%). Пожилые люди из больших городов заявляли о своем нежелании менять место жительства чаще респондентов всех других категорий (87%).

Обосновывая (в форме ответа на открытый вопрос), почему они не хотят менять место жительства, респонденты говорили прежде всего о том, что им нравится жить там,

Общероссийский опрос населения от 28–29 октября 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

где они живут (“были везде, но здесь лучше”; “все устраивает здесь”; “здесь нормально жить” – 19%), о своей укорененности в родном городе или селе (“от могил своих родных не уезжают” – 13%), о том, что они привыкли жить на этом месте (“куда уже уезжать, прижились”; “осели здесь, привыкли” – 10%), о родственных связях, друзьях (8%). Для 8% препятствием к перемене места жительства служит возраст. Некоторые респонденты с грустью констатировали, что они никуда не хотят уезжать, потому что их нигде не ждут (“где нас ждут и кому мы нужны?”; “куда ехать-то?” – 4%). Другие указывали на занятия (работу, учебу), которые связывают их с данным городом или поселком, и на налаженный быт (по 3%).

Причины, по которым люди хотели бы сменить место жительства (о них говорилось в ответах на другой открытый вопрос), чаще всего сводятся к двум основным: это безработица (5%) и убогость материального существования. Заметим, что, судя по ответам респондентов, из-за этого уезжают как в более крупный город, так и в деревню: “зарплаты маленькие в городе – надо ехать туда, где платят больше”; “дорого в городе жить”; “не хочу жить как нищая” – всего 3% подобных ответов. Иногда респонденты говорили также об отсутствии в их населенном пункте возможностей для развития, для реализации своих планов, о плохом климате и неблагоприятной экологической обстановке, о том, что здесь

надоело и что в другом месте лучше (по 2% ответов).

Для жителей огромной и не очень хорошо обустроенной страны столица является естественной точкой соизмерения и отсчета. Любопытно, что сравнение родного города или села с Москвой чаще всего делается не в пользу столицы: более половины россиян, живущих за ее пределами (или 51% от всех опрошенных), полагают, что в их населенном пункте жить лучше, чем в Москве. В этом убеждены прежде всего жители мегаполисов (66%) и больших городов (67%); реже других высказывают такое убеждение сельские жители (48%). Среди последних каждый четвертый считает, что в Москве жить лучше (25%).

Та же тема затрагивалась в другом вопросе – о гипотетической возможности переехать в Москву. Этот вопрос: “Скажите, пожалуйста, если бы лично Вам, Вашей семье предложили переехать в Москву, предоставив там жилье и, если необходимо, работу, Вы бы согласились или не согласились переехать?”, – задавался всем, кроме жителей столицы. Несмотря на то, что лишь один из каждых пяти российских жителей (19%) убежден в преимуществах столичной жизни, переехать в столицу на оговоренных условиях согласился бы каждый третий (30%). Около половины россиян (52%) не приняли бы это предложение (в мегаполисах – 64%, на селе – 62%, в больших городах – 59%), а 9% затруднились сделать гипотетический выбор.

И. Шмерлина

MAN OF FIRE

Г. Елисеев, О. Елисеева

Ответственный класс в России

Каждая культура вырабатывает свои формы взаимодействия между различными слоями общества, а также между обществом и государственной властью. Еще недавно советский человек был привычен к тому, чтобы *все за все отвечали* и одновременно – чтобы *кто-то отвечал за всех* (хотя бы формально). Так казалось психологически комфортнее, уютнее, чем в мире, открытом ветрам и неконтролируемым переменам. Без защиты, с одной стороны, и без личной ответственности – с другой, нынешний житель России не чувствует себя уверенно и благополучно. Хотя уже полтора десятилетия как должен был бы привыкнуть, *что никому до него дела нет*.

Ощущение брошенности раздражает людей. Причем не только в повседневных, бытовых ситуациях, но глобально, на цивилизационном уровне. Поиск “ответственных” – любимая русская национальная игра. У нее много форм: от снятия с себя всяких обязательств (“кто виноват?” – явно не тот, кто спрашивает) до принятия полной ответственности за дело и его решение (“кто, если не я?”).

Веками ответственность в России распределялась неравномерно. Одни слои общества брали на себя больше обязательств перед верховной властью и получали от нее привилегии, другие выполняли тяжелую работу, несли малую ответственность и привилегий не имели... Заметим,

речь не о том, как *должно быть*, а о том, как *было*. Однако нельзя упускать из виду одно важное обстоятельство: вместе с земельными пожалованиями, правами и дарами социальные группы сословного общества брали и долю ответственности за страну. Каждый слой – свою. Например, сибирские купцы помимо реализации собственных торговых интересов отвечали за освоение новых земель. Монастыри в Поволжье занимались хозяйственной и проповеднической деятельностью. Казаки на окраинах государства защищали границы. (Это – в идеале. В реальности бывало по-разному.)

Общество старой России походило на слоеный пирог: десятки особых групп населения, каждая из которых на определенных условиях взаимодействовала с государством, была ему чем-то обязана и что-то получала взамен. Эта исключительно сложная система не была застывшей, а постоянно изменялась. Стоило одной из сторон по каким-то причинам не исполнить взятые на себя обязательства – возникал конфликт, иногда вооруженный, вроде казачьих восстаний или городских бунтов XVII века. Если обманутыми оказывались чаяния многих слоев, могла развиться гражданская война (вроде Смуты, восстаний Разина или Пугачева), и тогда выигрывала та сторона, за которую выступал наиболее ответственный слой. Веками таким слоем в России

было дворянство – образованный класс с родовыми навыками управления и ведения войны, со своей социальной психологией, представлениями о службе, чести, благе страны.

Было бы неверно думать, будто государственный аппарат, каким бы простым (князь и дружина) или разветвленным (система высших, центральных и местных учреждений) он ни был, сам по себе способен управлять страной, сопрягать усилия всех слоев общества, поддерживать жизнь и порядок. Любой механизм нуждается в том, чтобы кто-то приводил его в движение, и этот кто-то – не только высшее лицо в государстве, но и тысячи, тысячи способных к управлению, образованных, ответственных людей, являющихся кровью в жилах государственного организма.

Однако все население не может нести всю полноту ответственности за судьбу страны. Мешают недостаток образования, удаленность от власти, реализация интересов в иных экономических и социальных сферах. Например, крестьяне, долгое время составлявшие основную часть населения России, на протяжении почти всей своей истории оставались организуемыми, а не организаторами. Лишь в критические моменты, такие как Смута или Отечественная война, происходила мобилизация всех сословий, но и тогда выделялся некий слой, который брал на себя управленческую функцию.

Было бы заблуждением думать, будто сегодня ответственность распределяется в обществе поровну. Даже при представительной власти, например, умэра в сот-

ни раз больше возможностей решать насущные вопросы, чем у пенсионера, который не в силах проконтролировать даже работу тех, за кого он голосовал на выборах. И дело не только в пропускной способности правовых механизмов (их, конечно, надо отлаживать), но и в социальном устройстве. Ответственный класс – это управляющий класс. Подчеркнем: не отдельные люди, а именно социальная группа.

ЧЕРЕЗ СМУТУ И РАСКОЛ история российского ответственного класса доимперских времен

Когда же дворянство стало ответственным словом? И когда осознало себя им?

Дворянство, сложившееся в удельный период, начало брать на себя ответственность за происходящее в государстве еще в эпоху Московского царства.

Долгое время после удельного периода на Руси существовало общество, гораздо менее дифференцированное по вертикали, чем принято считать. Имелся огромный служилый класс, который воспринимал себя как класс ответственный. В него входила даже верхушка крестьянства – выборные люди, решавшие вопросы жизни отдельной общины. Они уже мыслили себя ответственными за судьбу своего мира, а через него – за общую судьбу государства. В этой структуре *государь* был отдельной системообразующей единицей. Другой важнейшей системообразующей фигурой был сначала митрополит Московский и всея Руси, потом *патриарх*. Падение влияния патриарха произошло только во второй половине XVII века, после раскола – этого драматичнейшего события, которое во многом погубило старое Московское царство, лишив его моральной основы.

Ступенькой ниже монарха в государственной системе стояло *боярство* – наследие домонгольской Руси и Руси удельной, когда существовали обособленные княжества. В соседних государствах – великом княжестве Литовском и Польше – из аналогичных групп наследственной знати выросли магнатские ассоциации. В России же этот цивилизационный осколок

сформировался в боярскую аристократию. Любопытно, но как раз у этого сословия особой ответственности за судьбу страны не сложилось. Его представители свободно переезжали из Литвы на Русь, в Польшу и обратно, не особенно тяготаясь потерей господина, если полученные на новом месте земли были адекватны оставленным.

Духовенство тоже воспринимало себя как часть ответственного служилого класса. На *купечестве* и на *казачестве*, как мы уже отмечали, лежали заботы по колонизации новых земель. Строгановы, например, создали, по сути, целое государство на Урале, но не присвоили его себе, а сделали частью тогдашней Руси, прекрасно понимая, что без помощи царя Московского они не выживут и не обогатятся. Такие купеческие роды являлись и ощущали себя устроителями Русской Земли.

Значимыми частями ответственного класса были служилое *дворянство*, а также *дьячество*. Дьячество впоследствии стало частью административного слоя и слилось с дворянством, но в Московской Руси это отдельная социальная группа, которая тоже несла свою долю ответственности.

Важно подчеркнуть, что все многослойное служилое сословие воспринимало Русь, русское государство как некое *общее дело*, а себя – как единый ответственный класс. Этот класс определял себя по отношению к государю как символу государственной власти и к Руси как к социальному организму, которому каждый служит на своем уровне.

Это мироощущение ясно проявилось во время Смуты начала XVII в. Боярство оказалось никуда не годным, напрочь лишенным государственного чутья, легко переходило то к одному, то к другому самозванцу, искало покровительства и у шведов, и у поляков. Бояре пеклись лишь о том, чтобы не потерять (или приобрести) собственные земельные владения, а не о стране в целом. Ожившие удельные представления потянули страну назад, в пучину раздробленности.

И боярская аристократия, и старые княжеские роды, и торговые города-республики ощущались обществом Московской Руси как что-то

инородное, чужое. По прошествии веков мы видим, что Иван III и Иван IV боролись с остатками других “цивилизаций”, существовавших на Руси до формирования царства. Именно поэтому жестокость, с которой действовал Иван Грозный, да подчас и его знаменитый дед Иван Великий, не вызывали сильного ропота в народе.

А вот в дворянском ополчении времен Смуты были задействованы представители самых разных служилых слоев. Они выступили активным фронтом – как люди, имеющие представление о духовном и государственном единстве Руси. Например, иноки, обороняющие Троице-Сергиев монастырь, переписывались с представителями ополчений, формирующихся в Нижнем Новгороде и Ярославле, то есть и те, и другие осознавали, что они ведут совместную борьбу за общерусское дело.

Громадный служилый класс начинает постепенно складываться с момента централизации Руси, и к началу царствования Ивана III он уже существует. Недаром именно этому государю удалось объединить страну и избавиться в 1480 г. от монгольского ига.

Как формировалась идея ответственности? Сначала возникала личная преданность конкретному государю: варяжскому конунгу, кагану русскому, местному удельному князю. Впоследствии, при создании централизованного Московского государства, ее место заняла преданность великому князю Московскому как символу общегосударственного единства. Отдельные люди, например татарские князья, присягали государю как таковому. Но уже их потомки начинали воспринимать государя именно как символ русской земли – земли, на которой они живут, земли, с которой у них общая судьба, а самое главное – земли, которая приняла конкретную версию христианства – православие.

Перед чем или кем отвечал тогдашний житель нашей страны? Кажется почти непостижимым, что в столь давние времена уже существовала идея ответственности не только перед государем, но и перед Русью как таковой. Она ясно читается, например, в многочисленных сказаниях о Смуте. То, что в конце XVIII – XIX вв.

было либеральной фразой – “я служу не государю как человеку, а государю как принципу, олицетворению России”, – в эпоху Московской Руси было реальным фактором общественного самосознания. Единство Руси определялось православием, духовно скреплявшим народ, и самодержавием, объединявшим его в некое государственное целое. Этому мировосприятию раскол нанес жесточайший удар.

Решение исправить церковные книги и несколько изменить обряд, подогнав его к греческому образцу, большинством населения было воспринято как несправедливость. На глазах у жителей Московского царства сдвигались незыблемые, казалось, основы мира – религиозные. Им предлагался “неправильный” государь и “неправильное” православие. Ответом на происходящее были панические рассуждения: “Мы больше никак не объединены, нет никаких духовных скреп, мы не народ, мы ни за что не отвечаем, ни о чем не печемся”. И более того – становится как бы не перед кем отвечать. Государь отступил от истинной веры. Стало быть, он антихрист, предатель. Желание всё сломать, уйти в бега, запретиться, сжечься охватывает не только простой народ, но и образованные слои.

Именно с периода раскола духовенство выходит из состава ответственного класса. Потому что его представители, в наибольшей степени проникнутые чувством ответственности, не приняли новых обрядов. Они не могли допустить, чтобы православие, которое объединяло Русь, оказалось “неверным”, “искаженным”. Большинство искренних, неконформистски настроенных людей, которых волновала судьба страны и веры, ушли “в оппозицию”. В тот трудный момент согласятся с переменами не столько идейные сторонники исправлений церковных книг по греческим образцам, сколько те, кому, в сущности, все равно. Те, кто внутренне будет готов позднее принять синодальную реформу и прочие изменения церковной жизни XVIII века. Отныне церковь заметно самоустраивается от ответственности за государство.

Другим отколовшимся от старого ответственного класса слоем было казачество. Оно

в массе осталось старообрядческим и превратилось во взрывоопасный материал для разного рода волнений. Лишь в последней четверти XVIII века, после восстания Пугачева, Екатерине II с огромным трудом удалось вновь встроить казачество в государственную систему, наделив его рядом привилегий и вытребовав взамен службу по охране границ. Только война 1812 года показала, что казачество лояльно. Причем часть этого сословия оставалась старообрядческой. Впрочем, благодаря единоверчеству – движению, при котором староверам разрешалось служить по старопечатным книгам, а они взамен принимали к себе рукоположенных священников и подчинялись Синоду, – в отношениях с казаками наступил перелом. Например, донское казачество почти полностью стало православным. Шел процесс вытеснения старообрядчества на Урале и в Сибири.

Та же ситуация сложилась после раскола с купечеством, многие представители которого остались старообрядцами. Крупные торговые и промышленные династии, строившие свое благосостояние на развитии регионов Урала и Сибири, больше не были связаны с остальным государством единством веры. И не несли за него даже малой толики ответственности. Только интерес, выгода заставляли этих людей взаимодействовать с властью и жителями центральных российских земель. Их отношение к стране стало отстраненным: “Здесь власть антихристова, здесь никому помогать нельзя, мы не отвечаем за антихристово государство”.

“ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО” (ответственный класс времен империи)

На престол вззошел Петр I, который был вынужден начинать реформы в ситуации раскола, духовного кризиса. Ему предстояло выстраивать новый ответственный класс на идее личной преданности государю.

Часто можно встретить утверждение, что именно Петр I пропахал глубокую колею, разделившую Московское царство и Российскую империю, но при этом редко упоминается, что Петр пришел уже на пепелище. Внешне мир пока не изменился, но внутренняя наполненность эпо-

хи изменилась значительно, исчез дух прежнего времени. Целостность Руси после раскола сохранилась, но при этом фактически шла тихотелющая, то вспыхивающая, то затихающая гражданская война.

Петр нашел путь выхода из кризиса. Благодаря реформам удалось создать совершенно новую государственную машину и начать широкомасштабную модернизацию страны. И главное – стране удалось избежать участи колонии, она не стала добычей более сильных европейских держав. Ведь известно, что во времена Смуты английский парламент обсуждал вопрос о захвате Архангельска и контроле над территориями, обеспечивающими торговый путь по Волге. Швеция владела Финляндией и несколько раз предпринимала попытки захватить польские и русские земли в виде колоний. Поляки и сами претендовали на Смоленские земли, считая, что Россия должна стать для Польши тем, чем для Англии стал Новый Свет. Военные возможности Речи Посполитой не позволяли осуществить подобные планы, но эти планы свидетельствуют о господствовавших тогда настроениях.

Петровская модернизация превратила Россию из потенциальной колонии в метрополию. Но цена реформ была очень высокой. Предлагавшиеся пути выхода из кризиса подразумевали полную перестройку ответственного класса. Составлявший его слой резко сузился. Теперь в него входили только землевладельцы, наделяемые имениями за службу.

Верхи крестьянства перестали ощущать себя частью ответственного класса, параллельно с этим шел процесс закрепощения крестьян и лишения их прежних прав. Не владея собственностью и не распоряжаясь своей судьбой, частновладельческие (крепостные) крестьяне становились, как выразился А.Н. Радищев, “мертвы в законе”.

Что до городских слоев, то они сложили с себя ответственность еще в период раскола. Вспом-

ним, например, что когда во время восстания Степана Разина войска казаков подступали к поволжским городам, городские жители открывали им ворота. Никакой ответственности перед государем они не ощущали. Когда распалась духовная связь с высшей властью, исчезло и чувство ответственности.

Из общей картины выбиваются стрельцы. Это тоже значительная часть служилого класса. Они не дворяне, а скорее мещане, но вооруженные служилые мещане. Их бунты начала петровского царствования – это тоже, как ни странно, проявление ответственности за страну, которая “повернула не туда”. У стрельцов был реальный шанс стать ответственным классом, альтернативным дворянству, или составить его часть. Недаром стрельцкие бунты так напоминают гвардей-

ские перевороты – в их основе лежит своеобразно понятая ответственность. Не вступив это сословие в противоборство с Петром I, и его верхушка могла бы влиться в состав дворянства. Частично так и произошло с теми стрельцкими головами, которые поддержали молодого царя. Однако слой в целом был уничтожен.

Итак, служилый класс из широчайшего слоя превратился в очень небольшую про-

слойку. В нее теперь входят знать, дьячество, которое после коллегиальной реформы превращается в государственную бюрократию, и, естественно, военные – то есть большая часть дворянства.

И именно в таком виде привилегированный класс на всем протяжении существования империи будет нести ответственность за дальнейшую судьбу страны. Он взял ее на себя в тяжелый момент Северной войны. Дворянские дети на двадцать с лишним лет покидали дом, служили в исключительно тяжелых условиях и возвращались под родной кров, к расстроеным имениям искалеченными пожилыми людьми.

Одновременно изменяется система образования в дворянских семьях – оно все больше

Петр нашел путь выхода из кризиса. Благодаря реформам удалось создать совершенно новую государственную машину и начать широкомасштабную модернизацию страны

соответствует европейскому образцу, становится гораздо более широким, чем раньше. Отпрыски благородного сословия приучались осознавать себя европейцами в европеизирующейся стране – теми, у кого остальные сословия обязаны перенять новый стиль жизни, новую ментальность.

Новое самосознание касалось не только причастности к европейскому образу жизни. Поскольку для того времени была характерна персонификация земли, страны, народа, православия в особе государя, то и понятие службы было адресным. Никто не служил вообще, некой абстрактной идее – служили императору. Причем конкретному. И тут сложилась довольно неприятная для власти ситуация: какому-то государю дворянство служить хочет – а какому-то отказывается... Эта “разборчивость” особенно характерна для эпохи дворцовых переворотов, последовавшей за смертью Петра I и закончившейся со смертью Павла I. Именно в тот момент часть европеизирующегося дворянства, сосредоточенная в гвардейских полках, осознает свою силу и начинает на деле проявлять ответственность за державу. Дворцовые перевороты, которые сегодня многие историки трактуют как проявление полной безответственности, в действительности происходили из-за нежелания дворянства вручать корону и скипетр “кому попало”. В случае с устранением так называемого Брауншвейгского семейства (Анны Леопольдовны и малолетнего Ивана Антоновича), с убийствами Петра III и Павла I срабатывал один и тот же психологический механизм: широкие слои среднего дворянства считали взшедшего на трон монарха предателем национальных интересов, полагали, что нужно действовать, и их “представители” при дворе, гвардейцы, так сказать, восстанавливали справедливость.

Сословное чутье подсказывало дворянам, что блага проистекают непосредственно от носителя верховной власти... Поэтому покушение на полноту императорской власти дворянство воспринимало как покушение на свои кровные интересы, свое кровное дело

При необходимости российское дворянство готово было даже пожертвовать своими привилегиями ради сохранения стабильности и сильной власти монарха.

Вспомним, как, прибыв в Россию в 1731 году, бывшая курляндская герцогиня Анна Иоанновна должна была подписать так называемые кондиции – некоторые исследователи называют их прообразом русской конституции. Вряд ли с таким суждением можно согласиться: это была даже не “Хартия вольности”, а список ограничений для будущей императрицы, решений, которые она не может принимать без одобрения Верховного тайного совета. Например, объявлять войну и заключать мир, жало-

вать чинами выше полковничьих и т. д. Однако в Москве новую монархиню окружила депутация съехавшегося на коронацию среднего дворянства и потребовала отказаться от предложенных ей условий. На первый взгляд, поведение дворян и гвардии кажется странным – они отказываются от права ограничить монарха. Однако если бы планы членов Верховного тайного совета были реализованы, то в России сложилось бы олигархическое правление. Никаких прав и свобод широкие слои дворянства не получили

бы. Власть сосредоточилась бы в руках у восьми – десяти несменяемых членов правительства. Сословное чутье подсказывало дворянам, что блага проистекают непосредственно от носителя верховной власти: он наделяет землями, наградами за службу, раздает чины и ордена, денежные пожалования. Поэтому покушение на полноту императорской власти дворянство воспринимало как покушение на свои кровные интересы, свое кровное дело и видело в подобном развитии событий большое неудобство.

В результате власть императрицы была восстановлена в полном объеме.

Дворцовые перевороты наглядно показывают, как менялось мироощущение ответственного класса, как происходил переход от идеи преданности конкретному монарху к идее верности России, ее интересам. Постепенно, с повышением уровня образования, начинают работать более тонкие структуры классового сознания. В мыслительный обиход вступают абстрактные понятия – такие как “монархия”, “просвещение”, “общество” и т. д. Переворот 1741 года, возведший на престол Елизавету Петровну, сочетал в себе и момент личной преданности “солдатской куме”, дочери Петра Великого (недаром она обратилась к гвардейцам со словами: “Помните ли вы, чья я дочь?”), и жажду видеть величие России. Ведь за образом Петра для людей того времени вставали вполне осязаемые вещи: Полтавская виктория, победа в Северной войне, рост могущества страны и сообразно ему – уважения со стороны соседей. С Петром ассоциировались просвещение и трудный путь в Европу.

В последовавших далее переворотах мотив ответственности за дальнейшую судьбу страны будет только нарастать. Как ни мила была гвардейцам Екатерина II, но сильнее любви к ней была ненависть к ее мужу Петру III.

Здесь мы снова видим, как дворянство действует, казалось бы, в ущерб своим интересам. Ведь за полгода до переворота Петр III дарует благородному сословию право не служить – то самое, которого оно десятилетиями добивалось у прежних императоров. После такого шага можно было быть уверенным в благодарной преданности дворянства – но таковой не последовало. Более того, в тогдашнем обществе существовала оппозиция указу о вольности дворянства. Многие ответственно мыслящие люди, например князь М.М. Щерба-

тов или В.И. Суворов, отец Александра Васильевича, высказывались против разрешения представителям благородного сословия покидать службу. Их страшила мысль, что в таком случае некому будет воевать за отечество и управлять государством.

Ненависть к государю объяснялась не столько его отрицательными личными качествами, сколько неприятием его политических шагов. После выигранной войны с Пруссией он фактически поставил победителей в унижительную зависимость от побежденных. Всем было известно его преклонение перед Фридрихом II, новый прусский посол в Петербурге вел себя как полномочный министр победившей державы. Говорили, что государь втайне держится лютеранства, что хочет вынести иконы из церквей и обрить священников. Подавляющее большинство жителей страны были религиозными людьми, и пренебрежительное отношение Петра III к православию они воспринимали болезненно.

Еще один важный момент – уступленные победы. За годы войны дворянство поиздержалось. Казна Елизаветы Петровны была пуста, жалованья долго не выплачивали. Поэтому сокровенной мечтой каждого офицера и солдата было “ободрать до нитки” Пруссию, которая сделалась русской провинцией. А с Пруссии контрибуции не взяли.

В итоге Петра III начинают считать государем, который ведет страну к гибели и даже потере национальной независимости. Этого представители ответственного слоя, естественно, вынести не могли. Переворот 1762 года – чистый акт заступничества за государство.

ЧИН ЗА СЛУЖБУ ИЛИ СЛУЖБА ЗА ИДЕЮ (система поощрения ответственного класса)

В этой связи нельзя не сказать несколько слов об антагонизме, который существовал между средним дворянством и аристократией. Внутри единого благородного сословия объединялись две противоположные и даже во многом непримиримые группы.

Глядя на тогдашнее дворянство, легко выделить бывшее служилое сословие, состоявшее из помещиков – среднее дворянство, и некие верхи, аристократию, которая окружала престол, то есть была “при дворе”. Причем представители аристократических фамилий далеко не всегда выходили из древних родов. Вспомним, как А.С. Пушкин возмущался чванством современной ему аристократии – людей, часто ведущих свой род от певчих и торговцев блинами, выдвинувшихся при Петре или Елизавете. Сам он, “шестисотлетний дворянин”, чьи предки расписались на грамоте о призвании Романовых на царство, был беден и до пожалования камер-юнкером не мог показываться во дворце. Слой новой аристократии олицетворяется придворными, а эти люди, по убеждению среднего, коренного дворянства, не могут нести ответственности за страну – напротив, они подрывают власть.

Эти две части благородного сословия боролись друг с другом за право предстать царю. Из каких бы чахлах корней ни поднялась новая аристократия и в какие бы глубины мелкопоместности ни опустились прежние знатные роды, их сословная психология определялась не старинными преданиями семьи, а тем местом, которое фамилия занимала теперь.

Здесь следует пояснить, что в России не существовало классической феодальной лестницы, хорошо знакомой читателям по учебнику истории средних веков для шестого класса. Не было и принципа “вассал моего вассала – не мой вассал”. Система была иной. В удельный период дворяне и так называемые дети боярские служили местным князьям. Но как только удельный князь переходил под руку Москвы, те, кто ему служил, переходили на службу московскому государю. Получалось, что их прежний патрон служил теперь наравне с ними, только он был значитель-

но богаче. Тем самым для зарождавшегося дворянства централизация России была способом повысить свой социальный статус. А для отпрысков княжеских семей – наоборот, путь к снижению этого статуса.

Давно отмечено, что централизация произошла по всей Европе, включая Россию, в одно и то же время, однако разница была существенной. Если в западных странах – Англии и Франции – объединение земель фактически инициировала нарождающаяся буржуазия, которой были выгодны уничтожение таможенных барьеров, свободная и безопасная торговля, то в России объединительные усилия московских государей опирались главным образом на дворянство. Служба сильнейшему из князей – великому князю Московскому – была в их глазах делом не только престижным, но и выгодным. У московского государя имелось больше земли, чем у остальных удельных князей, и он щедро раздавал владения за службу. Таким образом, служилый слой удельных княжеств фактически подталкивал своих князей к объединению с Москвой.

Государство разработало целую систему поощрений служилого сословия: от наделения земель и денежных подарков до чинов, орденов и иных пожалований. Ведь ответственность не несет просто так, без вознаграждения за тяжкий труд. Существовала даже пословица: “За Богом – молитва, за государем – служба не пропадают”. Это значит, что дворянин ждал поощрения и надеялся на него. Однако награды раздавались не от случая к случаю и в произвольном порядке, а в строгом соответствии с законом – чтобы и получающему был почет, и другим не было обидно: выслужил, дождался своей очереди – теперь гордись и пользуйся.

С чином, а не с богатством в императорской России были сопряжены многие блага земные. В соответствии с чином человек имел право есть на серебряной или фарфоровой посуде, ездить в карете тройкой или шестерней, являться ко двору и вставать в определенный ряд приглашенных. Чин мужа определял длину шлейфа у жены. Даже блюда на званом обеде носили “по чинам”, то есть генералу доставалось существенно больше, чем коллежскому ассессору.

Благодаря системе чиновничества общество императорской России обладало высокой социальной мобильностью. Начиная с Петра I темпы ее нарастали. «Табель о рангах» теоретически позволяла продвигаться из низов до самого верха – и такие случаи бывали. Можно было выслужиться из солдат до полковничьего и даже до генеральского чина. Эта система служила для укрепления государства, позволяя наиболее толковым и амбициозным подняться. Такой подъем, правда, занимал много лет и был сопряжен с тяжелой службой. Однако «Табель о рангах» для своего времени, в условиях абсолютистского, монархического государства с жесткой сословной структурой была по-настоящему революционной.

До тех пор пока ответственный класс удовлетворен формами и темпами продвижения наверх, власти могут не волноваться. Если же возникает неудовлетворенность, ответственный класс (или его существенная часть) готов вовсе отказаться от ответственности либо поменять ее полюс. Отвернуться от монарха как олицетворения страны и провозгласить в качестве ценностей неперсонифицированные понятия: общество; государство; свобода; равенство; братство...

О том, какую колоссальную роль для поддержания ответственного класса «в форме» играет социальная мобильность, говорит пример нашего ближайшего западного соседа – Польши. Речь Посполитая проиграла конкурентную борьбу с Россией. Между тем у нее было значительно больше шансов стать империей, чем у Московского царства. В нее вошли самые экономически и культурно развитые регионы Древней Руси, отпавшие от остальных земель после монгольского нашествия. Польша знала нападения татар, но не знала ига, с ее территории не вывозились ценности в виде дани. Наконец, непосредственная близость к более развитым европейским странам помогала культурному становлению.

Одной из причин, по которым Речь Посполитая не реализовалась как великая держава, является архаичное устройство ее благородного сословия, при котором шляхта фактически не стала ответственным слоем. Всей полнотой прав и при-

вилегий обладали только представители собственно польского католического меньшинства. Если шляхтич жил в Литве, то его чины, номинально равные чинам жителей коронных земель, все-таки считались ниже польских. Если он был православным, то имел еще меньше прав. Казачья верхушка украинских земель, располагая своими привилегиями, не могла тем не менее равняться с панами. А ведь были еще и немцы-лютеране из городов Померании, и курляндское дворянство, не вписывавшееся в эту схему (последнее предпочитало служить в России, где получало равные с русскими офицерские чины. Удивительно ли, что в конечном счете немецкое дворянство фактически «втянуло» Курляндию в состав России?).

При наличии шляхетского представительства – сеймов и сеймиков отдельных земель – рядовой шляхтич не мог достичь высот управления страной. Не существовало «социальных лифтов», способных поднять его на верхние этажи государственного здания. Там восседали магнаты, игнорировавшие сеймовый «крик» снизу. Повлиять на судьбу отечества шляхта подчас могла,

только устроив конфедерацию и развязав военные действия внутри страны.

Наша система, позаимствованная у монголов, заметно отличалась от польской. Татарские царевичи, мурзы других кочевых народов, казачья старшина, остзейские бароны, грузинские князья – все на равных правах вошли в служилый класс, закрепили свое положение браками, обрусьи и в конечном счете приняли свою долю ответственности. Эта схема оказалась живучей. Когда мы говорим о разделах Польши, нужно понимать, что не просто Речь Посполитая проиграла Российской империи, а более мобильный, энергичный, расширяющийся ответственный класс съел менее живучий, дезорганизованный, дробный слой, в котором круг ответственных персон постоянно сужался.

При этом русское дворянство, в отличие от польского, не имело своего представительства в виде “сеймовой демократии”. Оно могло только служить, но не высказывать солидарного мнения. Но при этом существовали социальные “лифты”, помогавшие дворянину средней руки путем службы попасть к кормилу власти. На определенном этапе наличие таких “лифтов” представлялось дворянству более важным, чем представительство.

Постепенно в сознании дворянства происходит разделение ответственности перед страной и перед государем. Чем образованнее становилось благородное сословие, чем больше впитывало европейские просветительские идеи и масонский эзотеризм, тем чаще у его представителей возникала мысль, что интересы отечества могут расходиться с интересами верховного носителя власти, что нарождающееся в России общество может вступать в конфликт с государством. Это уже отчетливо понимали, например, Н.И. Новиков и нарождавшаяся дворянская интеллигенция его времени. Возникла необычная для предшествующего периода потребность понудить государя отвечать не только перед Богом, но и перед подданными. (Пока под подданными

подразумевались, конечно, дворяне – представители единственного образованного сословия).

Мысль совершенно новая. Крамольная. Ставившая все прежние представления о мире с ног на голову. Прежде была простая вертикаль: подданные отвечают перед монархом, монарх – перед Всевышним. Ломка такой схемы воспринималась крайне болезненно. Например, после венчания на царство Бориса Годунова новый царь в церкви обратился к присутствующим с кратким словом – с чем-то вроде присяги, обещая править справедливо. Его речь произвела на слушателей впечатление, совершенно обратное тому, которое ожидаем мы с вами. Поступок царя посчитали кощунством: уже совершен обряд миропомазания, остальное излишне, и без торжественных слов всем все ясно. И вдруг помазанник Божий пытается принять какие-то обязательства не перед Господом, а перед толпой. Мир перевернулся! Это сочли предзнаменованием несчастий для Русской земли, каковые и не замедлили явиться в виде Смуты.

А через полтора-два века дворянство само созреет до того, что с императора надо спрашивать, по крайней мере, понуждать его отвечать на вопросы, не всегда приятные. Екатерина II умела работать с дворянской оппозицией, встраивая ее в общую систему государственного управления. Новиков, Радищев, Княжнин – это ведь крайние примеры. Настоящие вожди оппозиционных придворных партий либерального толка занимали высокие должности, возглавляя коллегии, заседа в Совете. Н.И. и П.И. Панины, А.Р. и С.Р. Воронцовы, П.В. Завадовский, Д.И. Фонвизин играли важную роль в тогдашней политической жизни. Диалог между верховным носителем власти и теми, в ком проснулось желание говорить, существовал, хоть и не без издержек с обеих сторон. Порой задавались неудобные вопросы. Порой на них получали не ответы, а окрики.

У любой оппозиции имеются конструктивно настроенные представители, готовые на определенных условиях сотрудничать с властью, вопло-

...Возникла необычная для предшествующего периода потребность понудить государя отвечать не только перед Богом, но и перед подданными. Мысль совершенно новая. Крамольная. Ставившая все прежние представления о мире с ног на голову

щая в жизнь свои идеалы и при этом не разрушая системы. Но есть и крайние проявления оппозиционности. “Путешествие из Петербурга в Москву” – это не только рассказ о бедственном положении крестьянства, но и призыв к убийству дворян и свержению власти путем народного восстания. Такая книга была бы запрещена при любом режиме, тем более во время военных действий (шла вторая русско-турецкая война, а одновременно с ней шведская). Сам автор был искренне удивлен своим арестом и утверждал на следствии, что его единственной целью “было показать знакомым”, как он “бойко писать умеет”. Вполне возможно, что в мирное время текст “Путешествия...” не вызвал бы такой бурной реакции. Сам Радищев считал, что лет десять назад его ждала бы награда за такие строки. Что позволяло “первому русскому революционеру” питать подобные надежды? Вполне спокойное сотрудничество власти с оппозиционерами более умеренного толка, например с покровителем Радищева А.Р. Воронцовым, поклонником английского либерализма. Сам автор “Путешествия...” – крупный чиновник таможенного ведомства, не обойденный и наградами, – имел все шансы служить дальше и в повседневной работе воплощать высокие идеалы. Но он пошел на крайний поступок – публикацию крамольной книги. И за это пострадал.

Однако арест “якобински” настроенного писателя не нарушил диалога власти с оппозицией, вернее, с ее отдельными представителями, так как широкая оппозиция в это время еще не сложилась. А вот при Павле I старая система была сломана. Император, человек одаренный, но своевольный, не хотел ни перед кем отчитываться. В науке принято называть этот период нашей истории временем формирования полицейского государства. Режим четырех лет павловского царствования, несмотря на все рыцарственные, благородные порывы императора, очень походил на террор. Специалистами подсчитано, что *ежедневно ссылались порядка трех сотен человек*. Причем аресты касались главным образом армейских и гвардейских офицеров, чиновников столичного аппарата и придворных. Какой уж тут диалог с государем и открытая оппозиция?

Трагическая развязка была неизбежна.

РАЗГОВОР С ГЛУХИМ (попытка смены ответственного класса)

Как уже отмечалось, самые сложные и драматичные изменения в положении ответственного класса произошли в XVIII веке. К концу царствования Павла I противоречия между государем и верхушкой ответственного класса зашли в такой тупик, что разрешить их можно было только с применением силы.

Ситуация еще более осложнилась при сыне Павла – Александре I. Один из самых талантливых русских монархов, человек, без сомнения, представлявший перспективы развития страны и те препятствия, которые на пути этого развития стоят, он видел дальше современных ему оппозиционеров и по своей информированности значительно превосходил их. Его диалог с дворянством трагическим образом не состоялся не потому, что Александр не позволял говорить с собой, а потому что *не слышал*, был глух к собеседникам. Исключительно любезен, мягок – но не восприимчив к чужим суждениям.

У Александра были свои планы реформ, которыми он делился с очень узким кругом людей. И чем более глухой стеной государь отгораживался от ответственного класса, тем тревожнее чувствовало себя дворянство. Возникало желание, чтобы император если не отчитался, то хотя бы пояснил свои действия. Частые визиты к Александру Н.М. Карамзина имели целью донести до государя глас обеспокоенных подданных. Он спрашивал, почему Польше была дарована Конституция, а России – нет. Спрашивал, какие территории государь намерен выделить опять же Польше. Задавал вопросы о военных поселениях... Но ответы получены не были. Потребность говорить с государем постоянно присутствует в дворянском обществе первой четверти XIX века. Кстати, Александр не был труднодоступен – его можно было встретить хотя бы на улице, когда он совершал ежедневную прогулку по набережной, так называемый “царский круг”. Можно было подойти к нему и побеседовать – многие просители именно так решали свои дела.

Но дворянство уже хотело большего. Если достучаться до разума государя нет возможности, то нельзя ли создать некий орган – пусть

совещательный, – который бы донес до верховной власти чаяния с мест? Нельзя ли совокупными усилиями надавить на царя и заставить его все-таки объяснять свои решения? Получалось, что во второй половине александровского царствования, после наполеоновских войн, русское дворянство оказалось в некоей растерянности, не понимало, что происходит, но чувствовало, что ответственность утекает сквозь его пальцы.

Это был один из самых опасных моментов в русской истории – время первого социального эксперимента, который пережила наша страна. Александр Павлович действительно был привержен реформам и хотел освобождения крестьян. Однако был убежден, что ему не на кого опереться в этом трудном деле. Дворян как возможную опору он не рассматривал. Вспомним его знаменитые слова: “Некем взять”, – сказанные генералу И.В. Васильчикову в ответ на адрес, подписанный более чем сотней лучших фамилий, с просьбой освободить хлебопашцев Петербургской губернии. Таким образом, император выразил недоверие своему ответственному классу. Он боялся дворянской инициативы, возможно, памятуя об участии Павла I. Словом, государя не устраивал тот ответственный класс, который существовал в России. Реформ с его помощью было не осуществить, ибо они затрагивали экономические основы жизни дворянского сословия.

Но как обойтись без самого образованного класса, который пронизывал собой армию и государственный аппарат, занимая все командные должности? Требовался новый ответственный слой, не связанный с дворянством и не имевший его привилегий. Сам собой он не зарождался. Решено было выращивать его искусственно, как гомункулуса в пробирке. С 1816 года начинают постепенно создаваться военные поселения. По официальной версии – для того чтобы армия поглощала меньше денег и как бы сама себя содержала, занимаясь хлебопашеством. На деле поселения потребовали колоссальных затрат. Мало кто знает, что они представляли собой не просто армейский механизм, сращенный с хозяйственным. Дети в поселениях получали очень приличное образование. Поселенные полки стали кузницей офицерских кадров, которые государь

стремился переводить в армию и гвардию, заменяя ими романтически настроенных дворянских разгильдяев, склонных к военным заговорам.

Иными словами, в поселениях формировался новый слой офицерства и администрации, на который император намеревался опереться. Эти люди были хорошо вымуштрованы и не задавали лишних вопросов. Как и большинство социальных экспериментов, эксперимент с поселениями остался незавершенным. Реальность оказалась грубее и страшнее, чем представлял император. Жить в аракчеевском раю было выше человеческих сил, по числу самоубийств поселения лидировали на фоне остальной страны. Да и положиться на кантонистов (так стали называть поселенцев) не было никакой возможности – доведенные до отчаяния, склонные к бунтам и проявлениям жестокости, плохо накормленные, но с оружием в руках они, вместо нового фундамента государственной ответственности, представляли собой постоянную угрозу порядку в стране.

Позднее Николай I, хоть и не отказался от поселений, простодушно считая, что они экономят средства на армию, но значительно смягчил режим жизни в них. И уж конечно, ни о каком ответственном гомункулусе не помышлял.

Новый император попытался худо-бедно наладить взаимоотношения с дворянством, что, надо сказать, после восстания 14 декабря 1825 года сделать было непросто. Произошел раскол внутри самого ответственного класса. Значительная его часть была напугана возможностью революционных потрясений и не приветствовала любые реформы. Другая, значительно меньшая по составу, но и более активная, уже сформулировала потребность получить некий представительский орган и “коренной закон”, то есть конституцию с набором зафиксированных в ней прав.

Мы привыкли воспринимать николаевскую эпоху как время упущенных возможностей. Это не вполне справедливо. Только сейчас постепенно происходит осознание исследователями сделанного за время этого царствования. За смутами начала правления последовали более четверти века стабильного развития без крупных потрясений. Такая передышка была необходима стране, хозяйство которой с конца XVIII века ра-

ботало на мобилизацию. То наполеоновские войны; то необходимость поддержания равновесия сил в Европе и как следствие – увеличение армии; то собственные эксперименты вроде поселений... К концу первой четверти XIX века Россия фактически была разорена.

Первые семь лет нового царствования тоже не внушали радужных надежд на стабильность. Русско-турецкая война 1828–1829 годов была хоть и победоносной, но тяжелой. В 1830 году происходит восстание в Польше. Холерные эпидемии, захватившие всю Восточную Европу, и в России откликнулись массовыми холерными бунтами, в ходе которых на местах убивали представителей администрации и врачей. Мятежи, спровоцированные той же эпидемией, происходили и в военных поселениях, хотя причины недовольства были куда глубже. Только к 1832–1833 годам ситуация начала понемногу выправляться.

В конце 30-х годов под руководством министра финансов Е.Ф. Канкрин проходит финансовая реформа – самая успешная в истории России. Рубль на два десятилетия становится одной из наиболее стабильных валют. Оживляется экономика, что можно заметить хотя бы по расширению государственного и частного строительства. Возобновляются многие промыслы (в предшествующий период промысловые села центрального региона дошли почти до полного разорения). Увеличивается число общероссийских ярмарок, растет их товарооборот. Но главный процесс идет в сфере помещичьего и крестьянского хозяйства.

“И ВОЛКИ СЫТЫ, И ОВЦЫ ЦЕЛЫ”? (попытка сохранить ответственный класс, лишив его имущества)

Неверно представлять себе отмену крепостного права как одномоментный акт, осуществленный в 1861 году. В реальности это был длительный и поэтапный процесс. В 1826 году вышел указ, запрещающий использовать для наказания крестьян “железные вещи”, то есть цепи, колодки, ро-

гатки и т. д. В 1827 году была прекращена практика приписки крестьян к заводам. Через год было существенно ограничено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь. В 1833 году хозяевам законодательно запретили продавать крестьян в розницу, то есть без семей, а также дарить или отдавать за долги.

Император считал невозможным освобождение крестьян без земли, ибо это только порождало нищету. С середины 30-х годов XIX века начинается выкуп частновладельческих крестьян с землей на средства казны и перевод их в ка-

тегорию государственных. Благодаря этому численность крепостных удалось снизить с половины до трети от всего числа крестьян в стране.

Принимая делегацию смоленских дворян, государь прямо сказал им: “Я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством – с другой”.

О том, что император сознавал трудность и длительность работы по освобождению крестьян, свидетельствуют его слова в разговоре с ближайшим сподвижником в крестьянском вопросе П.Д. Киселевым: “В 1834 году... Николай Павлович при вечернем разговоре изволил мне сказать, что, занимаясь подготовлением труднейших дел, которые могут пасть на наследника, он признает необходимым преобразование крепостного права, которое в настоящем его положении более оставаться не может... «Помогай мне в деле, которое я почитаю должным передать сыну с возможным облегчением при исполнении»”.

В 1835 году император создал тайный комитет по крестьянскому вопросу, наметивший общий порядок отмены крепостного права. Тогда же V Отделение императорской канцелярии во главе с П.Д. Киселевым занялось реформой, призванной решить проблему возросшего числа государственных крестьян. В 1837 году казенные хлебопашцы получили личную свободу (их уже нельзя было ни продать для казенных нужд,

Мы привыкли воспринимать николаевскую эпоху как время упущенных возможностей. Это не вполне справедливо. Только сейчас происходит осознание сделанного за время этого царствования

ни пожаловать в качестве награды), существенно расширилась система их самоуправления, снизились налоги, в селах создавались школы и медицинские учреждения. Последние требовали денег, так же как содержание выборных и вводимое кредитование, чем крестьяне оказались недовольны. Это привело к волнениям начала 40-х годов. Однако правительство продолжило намеченный курс. В 1847–1848 годах крепостным разрешили участвовать в сделках по продаже и покупке недвижимости как юридическим лицам (ранее они приобретали земли или предприятия на имя помещика). При банкротстве имения они получали свободу.

В 1845–1846 годах система наказаний крестьян переходит в ведение правительства, что существенно снизило личный произвол барина по отношению к холопу.

Мы так подробно остановились на мероприятиях второй четверти XIX века именно потому, что старая советская историография рассказывала о них мало и неохотно, в настоящий момент эта тенденция только-только начинает переламываться.

Но коль скоро мы говорим об ответственном классе, то сосредоточимся на том, что в это время происходило с дворянством. А здесь наблюдалось любопытнейшее явление – основная национальная элита менялась на запасную. Благородное сословие Российской империи включало в себя представителей разных национальных групп, таким образом возникали и формировались как бы запасные команды, которые могли и, вероятно, хотели заменить игроков главного состава.

Так, в России с начала XVIII века запасной элитой стали немцы. Во-первых, они не были связаны ни с какой национальной территорией в составе империи, как, скажем, поляки или грузины. Во-вторых, отличались высоким уровнем образования, исполнительностью и склонностью к службе как таковой. В-третьих, немцы быстро русели. Вопреки негативному стереотипу советских времен, они не представляли собой замкнутый круг, некое иностранное лобби, они служили вместе с русскими дворянами на тех же условиях и не испытывали карьерных ущемлений. Но в тот момент, когда в армии и государственном аппарате освободи-

лись определенные ниши, немцы их заняли. Именно такая ситуация сложилась после декабристского восстания. Часть горячих голов поехали в Сибирь, часть – на Кавказ, а еще больше народу, не принимавшего ни в чем участия, оказалось выбитым из колеи, деморализованным случившимся. Русский ответственный класс некоторое время пребывал в шоке. И ляжку государственного управления потянули немцы. Надо отдать им должное, они не старались вытеснить или уничтожить автохтонную элиту и тем самым закрепиться в положении единоличных господ.

Постепенно русское дворянство пришло в себя и вернуло утраченные позиции. Но срок его жизни как ответственного класса был уже недолог – до начала Великих реформ Александра II. Да и внутреннее состояние этого слоя серьезно изменилось. Само общество в силу образования и революционных идей, приходящих из Европы (революции 1830 и 1848 гг.), уже не удовлетворяется простым диалогом с государем. Понятие “образованный слой” больше не является синонимом одного дворянства. Появляется “крапивное семя”, знаменитый разночинец, который тоже жаждет реализации, в том числе и политической, но ни о какой наследственной ответственности слыхом не слыхал. Идея создания новых печатных органов, все более и более оппозиционных, витает в воздухе. Потребность в немедленном, возможно, насильственном изменении самого строя жизни будоражит умы.

В таких условиях традиционное дворянство постепенно деморализуется. С одной стороны, в силу полученного образования и приобретенных взглядов оно не может не желать перемен. С другой – понимает, что эти перемены станут для него роковыми, ибо подорвут основы жизни. Подобное двойственное мироощущение передается в тысячах писем, дневников и мемуаров тогдашних представителей благородного сословия. Морально дворянство приходит к своему краху еще раньше, чем его настигнет крах политический.

Здесь уместно будет вспомнить знаменитое право не служить. Далеко не сразу после его получения в 1761 г. дворяне ринулись в отставку и принялись вкушать радости частной жизни в поместьях. Еще лет 70–80 лет служба не теряла

своего престижа и мыслилась как единственная достойная стезя для большинства дворянских отпрысков. Но сама возможность отказаться от ответственности появилась. И с каждым годом ширилось число людей, ею воспользовавшихся. В первой четверти XIX в. нет-нет да и мелькали люди, вовсе нигде никогда не служившие. Вроде Чацкого. Тогда они были диковинками, опасными оригиналами. А к 50-м гг. стали обыденным явлением. И вот тут грянула крестьянская реформа. Что до известной степени было закономерно, ведь правом владеть землями, населенными людьми, дворянство наделялось именно за службу. Нет службы, нет и крепостных.

1861 год – это рубеж, когда у благородного сословия забрали то, что прежде было дано за службу. С этого момента дворянин не просто стал по-настоящему свободен – от забот и от ответственности – он как бы вовсе перестал существовать. В социальном смысле слова. Многие современники воспринимали Великую реформу как великое надувательство. И как великое зло. Даже радость от освобождения крестьянства не затмевала собой страшного разорения страны. Вспомним Некрасова: “Порвалась цепь великая, Порвалась-раскочилась: Одним концом по барину, Другим по мужику!”

Отношение власти ко всему происходящему было достаточно циничным.

Когда брату Александра II Константину Николаевичу кто-то заикнулся: “А как же дворянство?” – он с досадой крикнул: “Плевать на дворянство!” Но плевать было и на крестьянство. Оказалось, что в 60-х гг. XIX в. правительству вдруг не нужен ни прежний ответственный класс, ни те, за кого этот класс отвечал.

В массе дворянство почувствовало себя брошенным. Перед ним больше никто не нес ответственности, и оно не желало этой ответственности нести. Государству остро требовался новый ответственный слой на замену. Какое-то время либеральное чиновничество, которое поддерживало реформы 60-х годов, играло роль такого слоя. Но в сущности новый класс не успел сформироваться.

Он мог начать постепенно складываться, включая в себя образованных людей разного социального происхождения. Однако его формирование было серьезно задержано тогдашней системой образования и либерального мышления в целом. За предшествующие царствования сложилось представление о том, что просвещенный, интеллигентный человек должен всегда противостоять власти. Не отвечать с ней вместе за что-то, а противиться всякому ее действию.

Такое мировоззрение возникло не случайно, и винить в конфликте государства и общества только одну из сторон наивно. Едва-едва намечавшийся диалог многократно нарушался с обеих полюсов. Основная масса населения – неграмотная и темная – вовсе не была готова к широким политическим правам. Боясь вызвать социальные потрясения, власть отказывалась от реализации “конституционных мечтаний”. Между тем образованная часть общества уже обладала развитыми политическими нуждами. Выборы, представительство, парламент, свобода высказывать свое мнение в прессе стали насущными потребностями у всего оппозиционного спектра – от крайне левых до умеренных либералов. Об их удовлетворении, казалось, вовсе не заботились сверху.

Вспоминается одна из карикатур 1905 г. Бомбист бежит за каретой, угрожая некому высокопоставленному лицу, и кричит: “Дай, дай, реформу! А то я брошу бомбу!” Рядом другая картинка. Тот же бомбист, тот же министр и профессор-либерал, который кричит: “Дай, дай реформу! А то он бросит бомбу!” Беда предреволюционной России состояла в том, что все образованное

общество стало синонимом оппозиции. Многие жаждали реформ любой ценой. В том числе ценой бомб и социальных потрясений. Государству не на кого становилось опереться.

Преодоление создавшейся конфронтации создало бы новый ответственный класс. Но этого не произошло до самой революции. Понадобились колоссальные потрясения для того, чтобы образованные слои общества начали задумываться о степени своей ответственности за произнесенное слово. А ведь именно слово на протяжении долгого времени было их единственным оружием и достоянием.

ДВА МЛАДЕНЦА В ОДНОЙ КОЛЫБЕЛИ (конец империи и судьба ответственного класса)

В конце XIX – начале XX века перед русским обществом встала острейшая проблема поиска нового ответственного класса. Как мы уже сказали, после реформы 1861 года дворянство утратило не только представление о легитимности государственной власти, которая его фактически обобрала, но и потеряло желание хоть за что-то в стране отвечать. Во многом трагедия революции 1917 года заключается в отсутствии настоящего ответственных слоев общества, которые могли бы обуздать нараставший хаос. Старый ответственный класс уже перестал существовать, а новый еще не оформился – ведь на формирование подобной социальной группы нужны десятилетия, порой столетия. Их у тогдашней России не было. Как нет и у нынешней.

Могла произойти сознательная мобилизация здоровых сил общества. Но она не произошла по множеству причин, рассмотрение которых – совсем другая тема.

Гражданскую войну можно в значительной степени интерпретировать как борьбу внутри формирующегося ответственного класса за пути развития, за формы, при помощи которых реализовывалась искомая “ответственность”. Только в советских учебниках дворянство, буржуазия и помещики воюют против рабочих и крестьян – на деле схватка шла внутри расколовшихся социальных слоев. Ответственная часть крестьянства, казачества, офицерства сражалась на стороне белых. Однако им находилась не менее ответвен-

ная альтернатива на стороне красных. Было и красное казачество, конные армии состояли из казачьих корпусов, огромное количество офицеров служили военспецами в Красной армии...

К несчастью, в этот исторический момент нарождающийся ответственный класс не вырабатал *собственной* идеологии. И та, и другая стороны стояли за модернизацию страны. Вопрос состоял только в том, каким образом и на базе чего. Старые монархические идеи не вызывали симпатии у образованной части общества, либеральные рассматривались как обман широких слоев. За социалистические идеи ухватились, потому что они уже были достаточно популярны в Европе и России – “раскручены”, как бы мы сейчас сказали, – и на первый взгляд, отвечали интересам большинства. Это обстоятельство подтолкнуло наверх большевиков.

Когда же большевики укрепились у власти, им пришлось решать задачу уничтожения нарождавшегося ответственного класса. Его осколки достались “новому миру” от “старого режима”. Какое-то время они могли пребывать в деморализации, но постепенно пришли бы в себя и предъявили права на “ответственность” (читай на руководство). Такое развитие событий могло вызвать новую гражданскую войну. Отсюда массовые репрессии бывшего офицерства в 20–30-е годы, борьба со старой бюрократией и чиновниками, процессы против “спецов”. Порой кажется, что травля этих вполне полезных новой власти людей необъяснима с рациональной точки зрения. Однако их уничтожали за тот гипотетический авторитет, который они могли приобрести в обществе. Кстати, реализация ответственности этих слоев могла быть осуществлена через профессиональные союзы – отсюда и разгром последних.

Наконец, борьба с крестьянством. Фактически крестьянство выиграло в гражданской войне, получив безвозмездно землю, отнятую у помещиков. Этот класс укрепил свои экономические позиции, за чем должно было последовать укрепление политическое. В недрах крестьянства также мог быть выпестован новый ответственный класс, вернее, его значительная часть. Которая, соединив усилия с профессиональными

союзами в городе, стала бы реальной альтернативой власти большевиков.

Не случайно в течение 20-х годов так часто возникала идея крестьянской партии. Она оказалась весьма популярной и внутри страны, и среди эмигрантов. Большевики чувствовали возможность подобного развития событий (они всегда были сильны инстинктивным ощущением опасности). Поэтому среди многих причин, которые привели к коллективизации, была и необходимость выкорчевать слабые ростки оппозиционной “ответственности” крестьянства.

Придя в советы, представители нового слоя могли совершенно изменить их лицо. Заметим, что “советская” идеология первоначально отличалась от “большевистской”. Поэтому перед большевиками всегда стояла проблема жесткого контроля над советами как органами управления. Их сильно напугала ситуация 1921 года, когда был выброшен лозунг “За советы без коммунистов”. Ведь советы в идеале – это система непосредственного представительства всех слоев общества. Создание подобного органа казалось вполне адекватным ответом на вызов времени, еще одним путем модернизации России.

Чтобы удержать нити управления, большевикам пришлось в зародыше уничтожить “советскую власть” как форму представительства разных общественных слоев. Вывеска сохранилась, но произошла подмена понятий. Большевикам удалось не только сохранить контроль над страной, они сумели предложить свой путь создания ответственного класса. Это была реализованная идея расширенной большевистской партии, которая включила бы в себя “лучших представителей” трудовых слоев населения. Подчеркнем, что возникший таким путем ответственный слой был создан искусственно, в виде социального эксперимента. На свет появился очередной гомункулус. Только в отличие от александровских военных поселенцев ему предстояла более яркая историческая судьба. Что ж, с каждым веком доктор Фауст оттачивает свое мастерство...

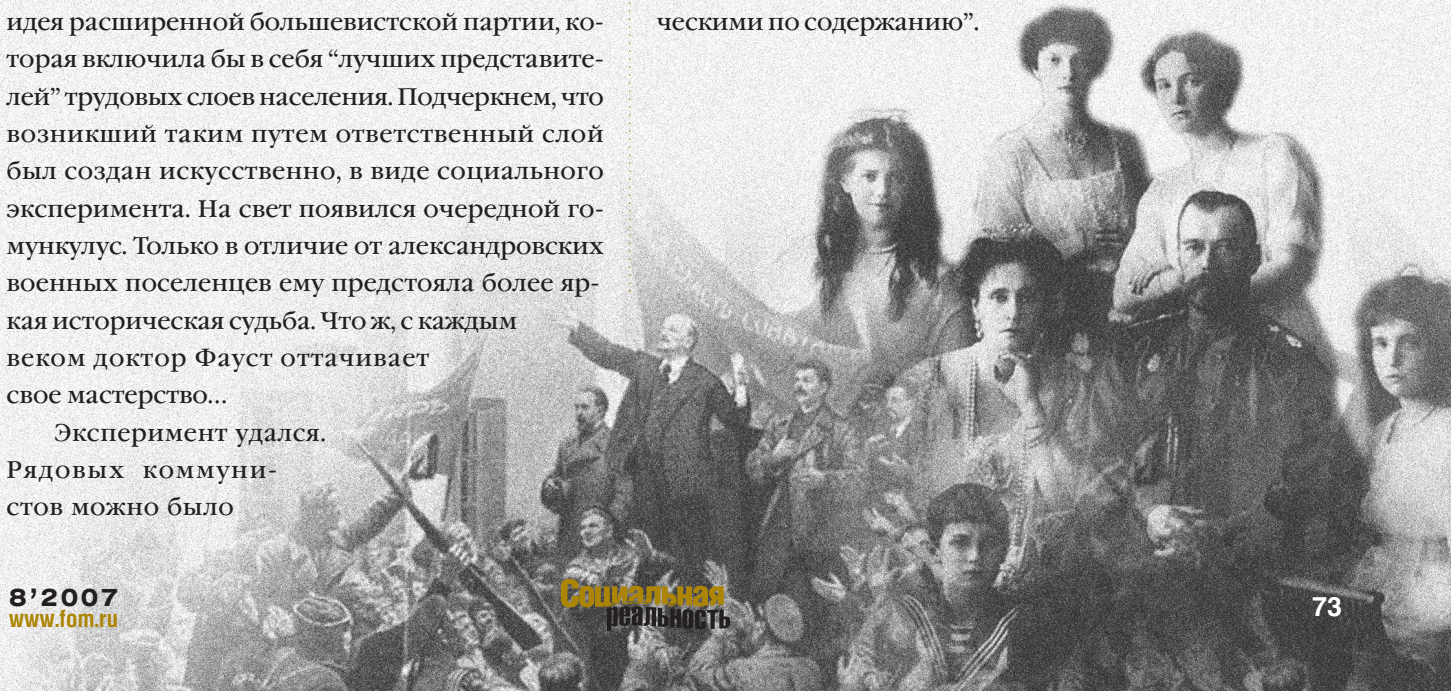
Эксперимент удался.
Рядовых коммунистов можно было

посылать на коллективизацию, на прокладку дорог через непроходимые места, на стройки века, в бой. И везде они принимали на себя основную тяжесть ответственности за происходящее.

Тем не менее, созданный таким образом ответственный класс оставался во многом чуждой основной массе населения, которую обирали, заставляли работать за гроши и легко расходовали в войнах.

Хуже того, он оказался чужд традиционной для русской культуры схеме развития ответственности: возникновение личной преданности государю, затем преданности России, персонафицируемой носителем верховной власти, потом осознание страны как общего дела всех ее жителей. Этой дорогой ответственный класс в нашем государстве прошел два раза. Что же мешало созданной большевиками новой элите пройти его в третий раз? Вроде бы культ личности сильно смахивал на первую ступень приведенной “лестницы”.

Однако на второй и третьей ступеньках предстояло споткнуться. Дело в том, что коммунистическая идея и идея мировой революции как ее составная часть никак не предполагает перехода от преданности вождю к преданности стране. Советский патриотизм поддерживался властью постольку, поскольку он был “советским” и аккумулировал в себе коммунистические принципы. Целостность земли, любовь к своему народу тут лишние. Даже произведения искусства должны были быть “национальными по форме, социалистическими по содержанию”.

Одна из трагедий Советского Союза состояла в попытке совместить две несовместимые схемы: преданность идее (в данном случае коммунистической) и преданность земле. В Германии, например, эти схемы легко совместились в рамках небольшого компактного национального государства. И сама нацистская идея оказалась приемлемой для большинства немецкого народа. В СССР же идея преданности чему-либо постоянно двоилась, и народ постепенно переставал понимать, за что следует отвечать: за состояние своей страны или за распространение «социалистического опыта» по всему миру. Тем более что опыт этот не вдохновлял нас самих.

Даже партийный слой переставал понимать, чему должен служить. Возникла эрозия преданности, партия начинала превращаться не в ответственный слой, а в замкнутую привилегированную касту. Социальная мобильность, вместо того чтобы расти, постепенно падала, социальные лифты останавливались. Уменьшение же социальной мобильности – признак кризиса в обществе.

Советское общество было гораздо сложнее, чем его принято представлять. В своем развитии оно пробежало целый ряд предшествующих фазисов русской цивилизации. В период 70–80-х годов XX века у нас существовал один реальный ответственный класс, который вырос, хоть и несколько видоизменившись, из коммунистического «ордена меченосцев» сталинских времен. Параллельно с ним стала возвращаться тенденция к созданию большого ответственного класса. И, возможно, существовали зародыши альтернативного, будущего ответственного класса, которые стремились к созданию и реализации проекта грядущего развития России.

Ведь в своем нормальном состоянии ответственный класс работает и на сохранение статус-кво, и на реформы. Это только на первый взгляд кажется парадоксом. Обладая набором социальных гарантий и достойным имущественным обеспечением, ответственный слой заинтересован в поддержании спокойного (без внутренних смут и потрясений) развития страны. Чувствуя угрозу своему благополучию в деструктивных ситуациях, которые могут складываться как в экономике, так и в политике, наиболее дальновид-

ные представители элиты подталкивают общество к реформам. Заметим, что речь идет именно о реформах, т.е. об эволюционном пути развития. А не о социальных взрывах, когда происходит разрушение прежде накопленных богатств и разорение массы населения. В этом смысле реформы служат купрочению сложившегося статус-кво.

В СССР существовали отдельные группы в образованных слоях, которые понимали необходимость трансформации общества. Классом они, конечно, не являлись – скорее, это были мозговые центры. В открытом для социальных дискуссий обществе эти диссидентские идеи могли оказаться востребованы, инкорпорированы и направлены в безопасное русло. Так бывает: в Соединенных Штатах, скажем, есть механизмы, при помощи которых разрушительные, но перспективные идеи изучаются в разных стратегических центрах и институтах, разрушительное отбрасывается, а полезное вводится в практику.

Что касается Советского Союза, то из-за замкнутости отдельных его социальных групп, с одной стороны, и из-за отсутствия свободного обмена идеями – с другой, не происходило взаимодействия правящей элиты ни с формирующимся снизу новым ответственным слоем, ни с оппозиционной интеллигенцией как его наиболее заметной частью. Проще говоря, высшая коммунистическая каста не желала распределять ответственность и связанные с ней блага. Ей не хотелось превращаться пусть в верхнюю, но все же часть большого ответственного класса. Советский Союз погубило отсутствие социальной динамики.

Что же происходит в нашем обществе сегодня? Существует ли сейчас группа (или группы), которая с полным основанием могла бы считаться ответственным классом? Насколько она совпадает с властной элитой или с имеющейся или потенциальной оппозицией власти? Существуют ли сейчас «отдельные мозговые центры», как в СССР? Все эти вопросы имеют прямой практический смысл.

Если ответственный класс есть, то хорошо бы понимать, каков он и за что отвечает. Если же его нет... то хорошо бы, по крайней мере, понимать, из кого он может быть создан – после неизбежного для такой ситуации кризиса. ■

Б. Фирсов

Возвращаясь на круги своя

О В.Э. Шляпентохе, его эпохе и его новой книге

Редакция уважаемого мною журнала попросила меня представить читателям недавно вышедшую книгу профессора Университета штата Мичиган (Ист Лэнсинг, США) Владимира Эммануиловича Шляпентоха “Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал”. (М.: Центр социального прогнозирования, 2006. 666 с.)

Я согласился сделать это, памятуя о том, что 14 лет назад я представлял аудитории Санкт-Петербургского журнала “Звезда” (1993, № 2) его же книгу “Открывая Америку”, выпущенную в 1990 году американским издательством “Эрмитаж”. Мое эссе в “Звезде” называлось “Наши потери – их приобретения”. Тогда казалось, а сегодня стало совершенно очевидным, что писать о возвращении имени В. Шляпентоха в прижизненную память моих российских современников и не касаться всех сложных переплетений его профессионального и жизненного пути нельзя. Потому беру на себя смелость воспроизвести мое эссе, вернуться к тем событиям, в связи с которыми испытываю постоянную душевную боль по причине того, что социологическое сообщество тогда, в конце 1970-х, не смогло защитить гражданские права своего коллеги, и он вынужденно, против воли и желания, навсегда покинул Россию.

Итак...

Жизнь и судьба – с этих слов хочется начать разговор о В.Э. Шляпентохе. Первая может сложиться на редкость несчастливо, загнав челове-

ка в глубокую колею безысходности. Но иной раз выручает судьба, своенравная и неподвластная желаниям людей. Горький привкус жизненных неудач она по своему усмотрению заменяет ощущением полноценности бытия. Нечто подобное произошло с Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом. Казалось, ничто не предвещало несчастья и крушения надежд. Уроженец Киева, он уцелел в годы войны, получил хорошее образование, увлекся эконометрией, в самом начале 60-х годов, совсем молодым, защитил докторскую диссертацию в Московском институте мировой экономики и международных отношений и стал известен в профессиональных кругах. Ему предложили работу в сибирском академгородке, где в период короткой хрущевской “оттепели” особенно остро ощущался многообещающий ветер перемен. Поверив в их возможность, В. Шляпентох решил целиком посвятить себя изучению нашего общества. Истоки такого решения понять нетрудно. Курс, предложенный Н. Хрущевым, казалось, подразумевал, что с общественных наук будут сняты цепи сталинских догм и можно будет изучать реальные проблемы страны и народа. Либерализация общественной жизни естественно вытекала из новых социальных условий. Какое-то время в нее свято верили, не предполагая, что уже в разгар “оттепели” начнется строгое дозирование позволенного властями разномыслия, а затем наступит беспросветная пора запрета на наметившийся было плюрализм.

Человек, от природы наделенный талантом наблюдателя и аналитика, В. Шляпентох органично и стремительно вписался в новую для постсталинского общества науку – социологию. Его имя и результаты его социологических трудов быстро стали известны в нашей стране.

Прежде всего – речь о его вкладе в развитие эмпирических исследований. Это сейчас они кажутся неотъемлемым элементом повседневности, но тогда, в начале 60-х, сам факт интервьюирования или анкетного опроса знаменовал собой своеобразный прорыв: жители страны смогли говорить, стала возможна прямая коммуникация с населением и, как следствие, стала слабеть власть лживых государственных каналов “правды”. Одновременно с этим прорывом ликвидировалась монополия власти на право знать и определять по своему разумению потребности и интересы людей.

Добавлю, что для открытия первых социологических истин об обществе требовался определенный тип ментальности, – потому и сохраняют свою ценность пионерские “штудии” Владимира Шляпентоха. В их числе (я называю лишь главные): первые всесоюзные исследования – опросы читателей “Известий”, “Правды”, “Труда” и “Литературной газеты” (1966–1970); исследование мнений и отношения населения страны к средствам массовой информации (1971); программа повторного изучения читателей “Правды” (1976); работа по расчетам первой общенациональной выборки взрослого населения страны, без которой не обходится ни одно цивилизованное государство, если оно желает иметь надежную и обоснованную картину реакций своих сограждан на разные стороны социальной жизни (1977).

Богатство сведений, которыми располагал В. Шляпентох как социолог, помогло ему создать серию книг, которые и по сей день служат интересам и целям социологической деятельности:

“Социология для всех. Некоторые проблемы, результаты, методы” (М.: Советская Россия, 1970); “Проблемы достоверности в социологических исследованиях” (М.: Статистика, 1973); “Как сегодня изучают завтра. Современные методы социального прогнозирования” (М.: Советская Россия, 1975); “Проблемы репрезентативности социологической информации. Случайная и неслучайная выборка в социологии” (М.: Статистика, 1976). В них он выступает, с одной стороны, как исследователь-методолог, тонкий знаток рецептов и “кухни” социологической

профессии, а с другой – как убедительно звучащий, обладающий завораживающим умением рассказывать и объяснять популяризатор своей науки. На память приходит еще один важный факт. Едва ли не четверть века ушла на разрешение “постоянной прописки” для социологии на “служебной площадке” советской высшей школы. Но когда усилиями академика С.Т. Беляева в Новосибирском государственном университете фактически нелегально открыли кафедру социологических исследований, В. Шляпентох в числе первых “подпольных” преподавателей читал там блестящие лекции по проблемам советской и западной социологии, по количественным методам.

Пик развития горемычной науки пришелся на 1965–1972 годы. Энтузиазм первого поколения социологов тогда не ослабевал. Развитие новой дисциплины шло динамично, несмотря на то что существовала она под вымышленным именем. Не хотелось бы углубляться в историю, скажу кратко: даже в период, когда казалось вполне очевидным, что солнце социологии встает над страной, само понятие “социология” по инерции сталинской эпохи привычно и устойчиво связывалось идеологами с понятием “буржуазная наука”. Не буржуазным разрешалось считать лишь изучение различных общественных явлений с помощью количественных мето-

*Курс,
предложенный
Н. Хрущевым, казалось,
подразумевал, что с обществен-
ных наук будут сняты цепи сталинских
догм и можно будет изучать реальные пробле-
мы страны и народа. Либерализация об-
щественной жизни естественно
вытекала из новых соци-
альных условий*

дов – причем лишь тех, которые получили сертификат социальной благонадежности. В эту своеобразную резервацию и поместили науку социологию под псевдонимом “конкретные социальные исследования”. Плохо? Да, плохо, но выбирать не приходилось. Академик А.М. Румянцев взял на себя риск, связанный с организацией нового института, воспользовавшись зеленым огнем светофора, и в 1968 году на Писцовой улице в Москве, в тесном полуподвальном помещении с гордой вывеской “Институт конкретных социальных исследований АН СССР” появились первые профессиональные социологи, до этого рассыпанные по разным приютам пробуждавшейся социологической мысли. К ним вскоре присоединился и В. Шляпентох, по вызову академика А.М. Румянцева сменивший Новосибирск на Москву. Вместе со своими коллегами он исследовал, изучал, писал статьи и отчеты, производил речи, возбуждая общественный интерес к новой науке, содействуя росту ее авторитета и престижа. Впоследствии этот период горения и благородных мечтаний сам В. Шляпентох в одной из своих книг, написанных уже за рубежом, назовет “золотым веком советской социологии”. Но как краток был сей век!

В 70-е жизнь В. Шляпентоха стала меняться вполне определенным и довольно предсказуемым образом. Первый сигнал о том, что существуют какие-то сомнения в его “советскости”, был подан в 1970 году, накануне очередного международного социологического конгресса в Варне. К большой советской делегации тогда решили добавить многочисленный отряд научных туристов из всех городов страны, где действовали социологические центры. Основная идея поездки была простой – помочь увидеть и понять мировую социологию как движение, как единый процесс и как профессиональное сообщество. Рейтинг В. Шляпентоха в глазах его коллег был высок, к тому же пришло и приглашение из-за рубежа. Но это не повлияло на решение кураторов – работников отдела науки ЦК КПСС – вычеркнуть В. Шляпентоха из списков. Произошло это буквально накануне отъезда в Болгарию. Он остался в Москве, и с тех пор выезд ему был закрыт.

Но В. Шляпентох не сдавался, уходил с головой в работу, публиковал книги – это еще больше подчеркивало абсурдность поражения в выездных правах, но пути к восстановлению этих прав не было. Более того, то тут, то там начали звучать реплики, что В. Шляпентох все время что-то критикует, пытается заглядывать туда, куда заглядывать вовсе не следует. С этого момента его идеи встречались в штыки, несмотря на их разумность и актуальность. Так, например, он опубликовал на страницах “Литературной газеты” обзор писем читателей, которые в большинстве своем высказывались за организацию службы брачных знакомств. В ответ на это “Правда” напечатала реплику “Электронная сваха”, где автор обзора обвинялся в некритическом отношении к западным веяниям. Разве можно допустить, чтобы и у нас люди в брачных объявлениях “торговали” своими достоинствами? Советская семья складывается по другим – альтруистическим и возвышенным – нравственным правилам.

Вместе с группой своих коллег по Институту социологических исследований В. Шляпентох разработал всесоюзную выборку, пользуясь исключительно аппаратом статистики и математики. И вновь неудача. После того как из института “ушли” академика А.М. Румянцева и начался разгон “старой гвардии” социологов-профессионалов, под сомнение была поставлена сама идея всесоюзных опросов. Их цели и функции показались кому-то неясными, чтобы не сказать подозрительными.

Коридор, по которому мог ходить исследователь, становился все более узким. В 1976 году редакция “Правды” выразила желание провести повторный опрос своих читателей. Но к этому времени социологов уже четко поделили на два лагеря: на тех, кому можно, и тех, кому нельзя доверять работу по заказам партийных органов. В. Шляпентох в роли открывателя социологических истин не устраивал кураторов социологии из отдела науки ЦК КПСС – Николая Варфоломеевича Пилипенко и Григория Григорьевича Квасова. Допускаю, что они не вели личной борьбы с В. Шляпентохом. Их цели были более высокими: нужна сервильная социология, не способная возвысить свой голос до протеста против

вопиющих несообразностей жизни. В. Шляпентох не из тех, кто мог согласиться на примитивную дрессуру социологической мысли. К тому же он беспартийный. Можно ли доверять такому человеку? И вот, когда редколлегия “Правды” обсуждала итоги повторного обследования своей аудитории (проведенного на основе программы и методик В. Шляпентоха), автора программы, доктора наук, ученого, имеющего всесоюзное имя, не только не пригласили на заседание, где эти итоги докладывались правдистам, но и запретили показывать ему текст отчета.

1976 и 1977 годы – самые тяжелые. Невозможность профессиональной реализации угнетала. Где гарантии, что в подобном тупике рано или поздно не окажутся дочь и сын?.. Не станем утомлять читателя подробным описанием сомнений и раздумий, естественных для человека, оказавшегося в такой ситуации. Утверждаю, что В. Шляпентох вынужденно избрал известный путь: заявление об отъезде в Израиль, далее Рим и переезд в США, где в считанные годы он приобретает статус полноправного социального исследователя, пожизненное профессорское место, уважение коллег, внимание властей и, наконец, условия для реализации своих разнообразных и богатых потенциалов.

Владимир Шляпентох по-прежнему остается связанным с землей своих родителей и своих друзей, которую не по своей воле оставил. Его отъезд в США в 1979 году – утрата для советской науки. Теперь он американец, и слова американца о нем я хотел бы привести. Представляя американцам книгу В. Шляпентоха о советской социологии, проф. М. Розенберг писал: “Мы счастливы, что этот знающий и талантливый ученый влился в ряды социологов Запада. В данном конкретном случае, как и во множестве других случаев с советскими деятелями науки, культуры, искусства, приставшими к американским берегам, их потери стали *нашим* приобретением”.

Приведу и слова Ф. Шереги, аспиранта В. Шляпентоха в советские годы, а ныне директора Центра социального прогнозирования, который выпустил в свет новую книгу Владимира Эммануиловича, преподнеся бесценный дар сообществу российских социологов и студентам, вступающим на социологическую тропу: “Сложившаяся в конце 1970-х годов поистине хамская среда вокруг ученого, всеми своими помыслами, талантом и усилиями стремившегося внести максимальный вклад в развитие советской прикладной социологии, явилась главной причиной, побудившей его уехать из страны. И это при том, что к самой социально ориентированной государственной системе В. Шляпентох оставался искренне лоялен”.

Вот что я писал в достопамятном 1993-м.

А теперь несколько слов о новой книге, которая, я верю, скоро станет настольным пособием для всех, кто стремится к высокой культуре социологической деятельности. Она включает четыре монографии, изданные В. Шляпентохом 30 лет тому назад в СССР. Небольшое редактирование этих книг, произведенное издательством Центра социального прогнозирования, позволило рассматривать все четыре тома “Библиотеки прикладной социологии” в определенном организационном единстве. Само содержание книг сохранило свою непреходящую ценность и оказалось неподвластным времени. Читатель XXI века извлечет из них те же элементы, важные для “внутреннего совершенства социологического поиска истины” (Б. Докторов), что и социологи-первопроходцы второй половины XX века.

Долгожительству идей В. Шляпентоха можно только позавидовать. Потому я предлагаю своим коллегам всех возрастов и поколений приобрести его “четыре книжки”. Оно будет надежным компасом в научной деятельности каждого из них!

Человек, от природы наделенный талантом наблюдателя и аналитика, В. Шляпентох органично и стремительно вписался в новую для постсталинского общества науку – социологию. Его имя и результаты его социологических трудов быстро стали известны в нашей стране

Дети и подростки – пользователи Интернета

Путешествия детей по Интернету – одна из постоянных причин беспокойства для родителей. С одной стороны, Интернет предоставляет множество возможностей для самообразования и саморазвития, с другой – не меньшее разнообразие соблазнов, неподобающих (по мнению взрослых) развлечений, непристойных (по их же мнению) сайтов и неуместной информации. В одном из опросов ФОМа как раз и выяснялись степень доступности интернета для детей и то, как они ими используются.

По понятной причине вопросы задавались только тем респондентам, у которых есть дети, внуки или близкие родственники в возрасте 7–17 лет, живущие с ними вместе. Таковых оказалось 28% по выборке (далее данные приводятся в процентах именно от этой группы). Тех, кто отвечал на соответствующие вопросы, мы будем для краткости называть родителями – хотя степень родства может быть и иной. Если в семье оказывалось несколько детей подходящего возраста, разговор велся только об одном из них – о том, чей день рождения ближе всего.

О том, что их ребенок пользуется Интернетом, сообщил каждый пятый из отобранных респондентов (21% от группы родителей). Как и следовало ожидать, эта доля существ-

венно зависит от места жительства опрашиваемых: в Москве она составляет 59%, в мегаполисах и крупных городах – 28–29%, а в малых городах и на селе – только 10–16%. Кроме того, значимым фактором – что тоже вполне ожидаемо – оказался возраст школьников: среди родителей младшеклассников (дети в возрасте до 10 лет) только 7% сказали, что их ребенок пользуется Интернетом, среди тех, чьи дети учатся в средних классах (10–14 лет), – уже 17%, а среди родителей старшеклассников (подростки в возрасте от 15 лет) – 40%.

Чаще всего опрошенные родители говорят, что ребенок пользуется Интернетом дома (13%), очень немногие называют школу и вообще средние учебные заведения (5%). Другие варианты доступа к Интернету (интернет-кафе, сотовая связь, друзья и знакомые и т. д.) упоминали единицы из числа опрошенных. Впрочем, возможно, что взрослые просто лучше знают о том, что происходит у них на глазах.

Со слов родителей, в структуре занятий детей при использовании Интернетом примерно в равной мере присутствуют и те, что связаны с учебно-образовательными целями, и те, что связаны с развлечением. О первых говорилось лишь немногим чаще, чем о вторых. Так, в предложенной для ответа карточке со списком возможных целей “хождения в Интернет” 12% опрошенных отметили позицию “для подготовки к урокам, выполнения самостоятельных

работ (сочинений, рефератов и т. д.)”; 9% – “в целях развлечения (игры, фильмы, музыка)”; 7% – “для самообразования, общего развития”; 3% – “для общения”; 2% – “для подготовки к поступлению в вуз”; еще столько же – “для чтения художественной литературы”. Характерно, что практически никто из опрашиваемых не затруднился с ответом на этот вопрос или не сказал, что не знает, как его ребенок использует Интернет.

Что касается частоты обращения к Интернету, то, по словам 5% опрошенных родителей, их ребенок пользуется им каждый день, 9% дали ответ “раз или несколько раз в неделю”, 5% – “несколько раз в месяц и реже”. При этом примерно у половины родителей (10%) то количество времени, которое их дети отводят Интернету, не вызывает возражений. Остальные примерно в равной пропорции полагают, что этому занятию следовало бы уделять поменьше или, напротив, побольше времени.

Е. Вовк

Общероссийский опрос населения от 16–17 декабря 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

WAGTIFPROJECTVAR

С. Садмен, Н. Брэдберн, Н. Шварц

КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТА НА ВОПРОС*

Вопрос-ответная коммуникация рассматривается в нескольких концептуальных моделях. Первоначально они представляли собой прямое продолжение общей модели обработки информации, созданной в когнитивной психологии [Bodenhausen, Wyer. 1987; Hastie. 1987]. Однако по мере расширения сотрудничества между когнитивными и социальными психологами, а также социальными исследователями¹ стало ясно, что парадигма обработки информации охватывает лишь некоторые аспекты опроса.

Модель обработки информации описывает только индивидуальные мыслительные процессы. Исследователи неоднократно отмечали, что подход к индивидам как к изолированным информационным “процессорам” приводит к игнорированию социального контекста, в котором формируются суждения [Forgas. 1981; Schwarz. 1994; Schwarz, Strack. 1991]. Интервью лучше рассматривать как диалог, в котором респондент размышляет над ответом в специфическом социальном и коммуникативном контексте. Следовательно, для концептуализации процесса ответа в интервью нужно учитывать не только когни-

тивные, но и коммуникативные аспекты. Следует также уделять особое внимание взаимодействию социальной коммуникации и индивидуальных мыслительных процессов [Clark, Schober. 1992; Schwarz. 1994; Strack, Schwarz. 1992].

Вначале мы перечисляем задачи, стоящие перед респондентами. Затем более детально обсуждаем каждую задачу, а также когнитивные и коммуникативные процессы, активизируемые для их решения. Тем самым задаются концептуальные рамки для более детального анализа в последующих главах. Каждая из них затрагивает различные аспекты обсуждаемых нами процессов.

Обзор задач, стоящих перед респондентами

С точки зрения когнитивного подхода, чтобы дать ответ, респондент должен решить несколько задач. Все исследователи соглашаются с их содержанием, однако называют их по-разному [Feldman. 1992; Feldman, Lynch. 1988; Schwarz. 1990a; Schwarz, Bless. 1992a; Strack. 1992, 1994; Strack, Martin. 1987; Tourangeau. 1984, 1987, 1992; Tourangeau, Rasinski. 1988]. Мы будем рассматри-

* Глава 3 из книги: Садмен С. Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы. Применение когнитивного анализа в массовых обследованиях / Пер. с англ. Д.М. Рогозина, М.В. Рассохиной. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2003.

¹ Авторы используют термин “survey researchers”, точный перевод которого: “исследователи, занимающиеся массовыми опросами”. В методической литературе на русском языке в данном случае говорят просто о социологах. Однако в силу постоянно развивающейся специализации в социальных науках такой перевод некорректен. Поэтому, выбирая между компактностью термина и его эквивалентностью английскому аналогу, мы решили остановиться на термине социальные исследователи. – *Прим. перев.*

Рис. 1. Модель обработки информации в ситуации опроса

вать эти задачи в порядке следования друг за другом. На самом деле респонденты могут возвращаться к предшествующей задаче, пропускать решение какой-либо из них и переходить к следующей.

Первая задача респондента – интерпретация вопроса. Если респондентам задают вопрос об установках, они могут вспомнить сформированное ранее мнение или тут же “создать” новое. Для этого необходимо найти в памяти подходящую информацию, которая включается в мысленный образ объекта оценки. Во многих случаях респондентам нужно определить некоторые стандарты, необходимые для оценивания. После того как сформировано “личное мнение”, респонденты должны рассказать о нем исследователю. Им может потребоваться отформатировать ответ, с тем чтобы он совпадал с одной из альтернатив, предложенных в вопросе. Кроме того, у респондентов может возникнуть желание скорректировать свои ответы так, чтобы они были социально одобряемыми и соответствовали текущей ситуации.

Сходные рассуждения относятся и к вопросам о поведении. Вначале респонденты должны понять вопрос и представить типы поведения,

о которых им нужно рассказать. Затем – вспомнить или реконструировать примеры такого поведения. Если в вопросе устанавливаются временные рамки, нужно решить, попадает ли в них пример. Если исследователя интересует “типичное” поведение, респондентам необходимо определить, репрезентируют ли примеры, которые они вспомнили, определенный тип поведения или отклонения от него. Если респондентам не приходят на память отдельные примеры или заинтересованность в ответе невысока, они могут обратиться к общим представлениям. Наконец, респонденты должны артикулировать свои ответы. При этом может возникнуть потребность согласо-

вать ответы с предложенной шкалой. Они могут также попытаться подогнать свои ответы под социально одобряемые стандарты.

Таким образом, интерпретация вопроса, поиск информации, формирование мнения или вспоминание соответствующего вопросу поведения, форматирование и редактирование ответа – основные психологические компоненты процесса, который начинается с восприятия вопроса и заканчивается артикуляцией ответа. На рис. 1, который мы заимствовали у Ф. Стрэка и Л. Мартина, схематически показаны эти шаги.

Хотя этот процесс в своей последовательности заканчивается артикуляцией ответа, его отдельные компоненты сами по себе могут менять когнитивные представления респондентов о проблеме и влиять на их последующее поведение. Д. Фельдман и Д. Линч определяют такую возможность как самовоспроизводящуюся валидность (self-generate validity). Это значит, что процесс измерения иногда может породить что-то незапланированное, что нужно определить. Мы относимся к такому результату как к последнему шагу процесса задавания вопроса.

Понимание вопроса

Основная проблема восприятия вопроса состоит в том, понимают ли респондент и исследователь вопрос одинаково. Думает ли респондент о том же объекте установки или поведения, который имел в виду исследователь? Видит ли респондент в объекте те же свойства? Оценивает ли он объект установки по общей с исследователем шкале?

С психологической точки зрения в основе понимания вопроса лежат два взаимозависимых процесса [Clark, Schober. 1992; Strack. 1992; Strack, Schwarz. 1992]. Один – семантическое понимание высказывания. Например, если в вопросе содержатся неоднозначные или незнакомые слова, респонденту необходимо устранить возникшую неопределенность. Но простого понимания слов недостаточно. Например, если респондентов спрашивают: “Что вы сегодня делали?”, они, скорее всего, поймут значения слов. Однако им нужно разъяснить, о каких делах хочет узнать исследователь. Должны ли они рассказывать о том, что принимали душ? Иначе говоря, для адекватного восприятия вопроса необходимо не только его буквальное понимание, но и понимание того, зачем он задается. Делая предположения о цели вопроса или о его прагматическом значении, респондент следует неявным правилам общения в повседневной жизни. Ниже мы более подробно рассмотрим процессы, составляющие основу понимания вопроса.

Понимание буквального значения

Понимание языка начинается с процесса восприятия, трансформирующего звуки речи или символы текста в слова. Затем ряды слов “группируются” в значимые единицы² и лексические значения выявленных слов ищутся в семантиче-

ской памяти [Anderson. 1980; Glass, Holyoak, Santa. 1979]. Успешность каждого шага в значительной степени зависит от контекста, влияние которого в обыденных ситуациях, как правило, не осознается.

На уровне восприятия письменных текстов распознавание слов относительно независимо от контекста. Однако в устной речи распознать слова гораздо труднее. Многочисленные исследования показывают, что восприятие слов на слух значительно облегчается, если известен контекст, в котором они произносятся [Lieberman. 1963; Marslen-Wilson. 1984]. Более того, в зависимости от синтаксического строения предложения одинаковые сочетания букв или звуков могут приобретать разное значение. Поэтому правильное понимание слова возможно лишь после того, как предложение разбивается на значимые синтаксические единицы. Рассмотрим предложение “*The man pushed through the door fell*”³ [Smyth, Morris, Levy, Ellis. 1987]. Дочитав предложение до конца, большинство читателей будут вынуждены пересмотреть свою первоначальную интерпретацию. Д. Андерсон замечает, что слушатели “выбирают только одну интерпретацию (свою лучшую догадку) в качестве модели и придерживаются ее до конца предложения. Если лучшая догадка оказывается ошибочной, возникает непонимание. Они должны вернуться назад и попробовать интерпретировать иначе” [Anderson. 1980. P. 413].

Большинство проблем с пониманием слов возникают из-за их лексической или структурной неопределенности. В предложении “*John went to the bank*” слово “*bank*” лексически неопределенно, поскольку может обозначать как финансовый институт, так и берег реки⁴. А предложение “*Flying planes can be dangerous*” – неопределенно в структурном отношении, так как

² Значимые единицы – это лексические маркеры, которые должны трактоваться всеми участниками коммуникации одинаково. Они обозначают некоторые совокупности знаков и, следовательно, создают возможность обмена смыслами. Поэтому кажущийся синонимичным перевод – “смысловые единицы” – ошибочен. В этом случае следует говорить об индивидуальном придании смысла, что не соответствует общему контексту изложения. – *Прим. перев.*

³ Предложение “*The man pushed through the door fell*” в зависимости от грамматического определения “*pushed*” в качестве глагола или деепричастия будет восприниматься по-разному. – *Прим. перев.*

⁴ В первом случае предложение переводится как “Джон пришел в банк”, во втором – как “Джон пришел на берег реки”. – *Прим. перев.*

“flying” может интерпретироваться как глагол или как прилагательное⁵.

Если структурной неопределенности можно избежать, тщательно составляя вопросы, лексическая неопределенность присуща языку и отражает многозначность слов. В большинстве случаев лексическая неопределенность устраняется в контексте. Если контекст допускает несколько значений, то интерпретатор обычно выбирает первое пришедшее на ум и придерживается его до тех пор, пока не обнаружит ошибку.

Какое из значений слова придет в голову, зависит от вопросника и респондента. Предшествующие вопросы могут подготовить восприятие понятия, подталкивая респондента к выбору значения, подразумеваемого исследователем. Например, Д. Лакнер и М. Карретт [Lackner, Carrett. 1972] просили проинтерпретировать предложение “The spy put out the torch as our signal to attack”, в котором “put out” может означать “выключил” или “показал”⁶. Испытуемые чаще выбирали первое значение, когда ему предшествовало понятие “угасание”, и второе значение, когда ему предшествовало понятие “появление”. При этом

они не осознавали влияния понятий, употребленных ранее, что говорит об автоматической и бессознательной природе семантических эффектов предшества. Однако на этапе восприятия не все эффекты порядка вопросов отражаются в процессах подобной автоматической расшифровки. Влияние предшествующих вопросов может также сказываться в осознанных попытках догадаться о смысле последующих вопросов.

Независимо от контекста вопроса респонденты могут понимать его смысл по-разному, в зависимости от значения, которым они чаще

всего пользуются в повседневности. Забавный случай описывает Д. Биллет [цит. по: Bradburn. 1992. Р. 317]. Некоторые респонденты на вопрос “Сколько у вас детей?” называли цифры от 20 до 30. В ходе дополнительных расспросов выяснилось, что все они – учителя. Респонденты решили, что вопрос касается учеников, а не их собственных детей, поскольку ученики вспоминались в первую очередь.

Проблема разнообразия лексических значений одного и того же вопроса усугубляется существованием значений, обусловленных идиосинкразическими, региональными и культурными различиями. Более того, многие понятия, используемые в исследованиях общественно-научного мнения, не имеют четко определенного лексического значения, и если респондент просит уточнить смысл, то обычно интервьюер предлагает ему сделать это самостоятельно. В результате остается неясным, что имел в виду респондент, отвечая на вопрос. Исследование Д. Фи [Fee. 1979] прекрасно иллюстрирует такую неопределенность. Анализируя значения распространенных политических понятий, Д. Фи обнаружил по крайней мере де-

зять разных значений выражения “энергетический кризис”. Аналогичным образом выражение “влиятельное правительство” (big government) приводит как минимум к четырем разным толкованиям. Одно имеет отношение к благосостоянию и растратам, другое – к большому бизнесу и правительству для богатых, следующее – к федеральному контролю и ущемлению прав отдельных штатов, и последнее – к бюрократии и отсутствию демократических процессов. Стоит ли говорить, что практически невозможно проинтерпретировать ответы на вопрос о “влиятельном

Если структурной неопределенности можно избежать, тщательно составляя вопросы, лексическая неопределенность присуща языку и отражает многозначность слов. В большинстве случаев лексическая неопределенность устраняется в контексте

⁵ В первом случае предложение переводится как “Летать самолетами может быть опасно”, во втором – как “Летающие самолеты могут быть опасны”. – Прим. перев.

⁶ Соответственно перевести предложение можно двояко: “Шпион выключил фонарь как сигнал к атаке” или “Шпион показал фонарь как сигнал к атаке”. – Прим. перев.

правительстве”, не зная, что имел в виду респондент! Наконец, смысл понятия может изменяться со временем, что порождает дополнительные проблемы при анализе трендов.

Эти проблемы множатся, когда мы хотим сопоставить данные исследований, проведенных в разных странах. При разработке сравнительных обследований исследователи обычно пытаются составить аналогичные вопросы на разных языках, осуществляя для этого прямой и обратный перевод [Raarek, Rao. 1980]. Несмотря на то что одинаковые понятия в разных странах имеют разные значения, вопросы должны пониматься одинаково.

Подведем итог. Для понимания буквального значения высказывания необходимо идентифицировать слова, вызвать в памяти лексическую информацию о них и сконструировать значение высказывания, учитывая при этом контекст. Но для адекватного ответа такого понимания буквального смысла вопроса зачастую недостаточно. Равноправному участнику коммуникации – респонденту – необходимо понять, с какой целью задается вопрос, чтобы предоставить информацию, которая действительно нужна исследователю.

Цели вопроса: логика общения

Чтобы понять, как респонденты догадываются о цели вопроса, нужно рассмотреть правила, или допущения, которыми они руководствуются в обыденных разговорах. Скрытые допущения систематизированы представителем философии языка П. Грайсом [Grice. 1975]. Впоследствии о них не раз упоминали исследователи опросных методов [Levinson. 1983; Sperber, Wilson. 1986; Clark, Schober. 1992; Schwarz. 1994; Schwarz, Hippler. 1991; Strack. 1994; Strack, Schwarz. 1992].

Анализ П. Грайса показывает, что развитие разговора происходит в соответствии с принципом “кооперации”, который можно представить в форме четырех максим. *Максима качества* предписывает не говорить о том, что считается ошибочным или неадекватным данной ситуации. *Максима связи* требует формулировать суждения, имеющие отношение к целям те-

кущего разговора. *Максима количества* предписывает не перегружать разговор избыточной информацией. *Максима хороших манер* санкционирует понятность, а не туманность, двусмысленность или многословность разговора. Следовательно, по Грайсу, от говорящего ожидают правдивости, адекватности, информативности и понятности.

В результате “получаемая в общении информация гарантированно релевантна” [Sperber, Wilson. 1986. P. vi], и слушающий интерпретирует высказывания собеседника, “предполагая, что последний придерживается указанных максим” [H. Clark, E. Clark. 1977. P. 122]. Скрытые допущения имеют важное значение для массовых опросов <...>.

Рассмотрим исключительную ситуацию. Попытка говорящего быть правдивым, адекватным, информативным и понятным подразумевает, что ему не будут задавать бессмысленные вопросы. Однако если в интервью будут заданы туманные [Schuman, Presser. 1981] или совершенно надуманные [Bishop, Oldendick, Tuchfarber. 1986] вопросы, респондент вряд ли решит, что исследователь нарушает принципы ведения разговора. Он будет считать, что вопросы имеют смысл, и попытается сделать все возможное, чтобы его понять: обратится к контексту вопроса и предлагаемым вариантам ответа. Такую стратегию определяют максимы общения.

Даже если понимание буквального смысла вопроса не вызывает проблем, респондент должен будет понять, в какой именно информации заинтересован исследователь. Ведь говорящий должен дать слушателю необходимую ему информацию, а не повторять известные вещи [Haviland, Clark. 1974]. Соответственно, чтобы определить подразумеваемый смысл вопроса и адекватный ответ, респондент должен сделать ряд предположений, в том числе об информации, которой слушатель уже обладает, и о той, которая будет для него новой. Чтобы сделать эти выводы, респонденту недостаточно обращения лишь к формулировке вопроса. Ему также нужно принять во внимание возможные варианты ответа, контекст вопроса и свои предыдущие ответы.

Варианты ответа

Предположим, респонденту задают открытый вопрос: “Что вы сегодня делали?” Чтобы дать ясный ответ, он должен понять, какого рода деятельность интересует исследователя. Пытаясь быть информативным, респондент исключит действия, которые известны (“я принимал участие в интервью”) или могут быть известны (“я принимал душ”) интервьюеру. Если респондент получит список вариантов ответа, в который будут включены участие в интервью и принятие душа, он подтвердит эти действия. Но предъявление списка может привести к тому, что большинство респондентов не будут говорить о действиях, не представленных в нем [Schuman, Presser. 1981; Schwarz, Hippler. 1991]. Оба эффекта формы вопроса свидетельствуют, что варианты ответа могут прояснить смысл вопроса, например, путем уточнения типов действий, интересующих исследователя. Хотя это кажется очевидным, многие трудноуловимые воздействия обычно упускаются из виду.

Предположим, респондентов спрашивают, как часто за последнее время они “действительно раздражались”. Респондент опять же должен понять, какой смысл исследователь вкладывает в слова “действительно раздражались”. Идет ли речь о сильном или слабом раздражении? Чтобы определить подразумеваемый смысл фразы, респондент может обратиться к вариантам закрытия вопроса. Если в вариантах ответа представлены “низкочастотные” категории, такие, как “менее одного раза в год”, “более одного раза в месяц”, респондент может заключить, что имеются в виду редкие случаи и, следовательно, вопрос не относится к слабым раздражениям, случающимся гораздо чаще. Н. Шварц, Ф. Стрэк, Г. Мюллер и Б. Шассен [Schwarz, Strack, Muller, Chassein. 1988] установили, что респонденты, которым закрытый вопрос, касающийся различных неприятностей, задавался по низкочастотной шкале, воспринимали неприятности, о которых требовалось рассказать, как значительные. Напротив, если предлагалась высокочастотная шкала, респонденты думали, что речь идет о мелких неприятностях. Следовательно, интерпретация вопроса зависит от предлагаемых вариантов ответа.

Н. Шварц, Б. Кнауер, Г. Хипшлер, Э. Ноэль-Нойман, Ф. Кларк [Schwarz, Knauper, Hippler, Noelle-Neumann, Clark. 1991] обнаружили аналогичную закономерность. Респонденты могут использовать числовые значения ранговой шкалы для интерпретации значений шкальных меток. В ходе репрезентативного обследования взрослого населения Германии задавался вопрос: “Насколько успешны вы были в жизни?” Вопрос сопровождался 11-балльной шкалой, варьировавшейся от “крайне неуспешен” до “чрезвычайно успешен”. В одном случае шкала начиналась с нуля и заканчивалась 10, в другом – начиналась с –5 и заканчивалась +5. В результате была обнаружена значимая связь между выбранными значениями и предложенной шкалой. 34% респондентов выбрали значение от 0 до 5 на шкале [0; 10] и только 13% – эквивалентные значения от –5 до 0 на шкале [–5; +5]. Дополнительные эксперименты показали, что на результат повлияла разная интерпретация термина “полностью неуспешен”. Когда этот термин сопоставлялся со значением “ноль”, респонденты интерпретировали его как отсутствие успеха. Когда же он сопоставлялся со значением минус пять, а в середине шкалы был ноль, респонденты интерпретировали его как наличие неудачи.

Разные интерпретации одинаковых понятий, зависящие от чисел, проявились и в заключениях экспертов относительно ответов по ранговой шкале.

Например, в одном эксперименте гипотетический студент рассказывал о своих успехах в учебе. Используя аналогичные 11-балльные шкалы, он называл значение –4 по одной шкале и 2 – по другой. Эксперты, которых просили оценить, как часто студент проваливал экзамены, в два раза чаще предполагали неудачу, обнаруживая –4, чем 2, хотя с формальной точки зрения оба значения одинаковы.

Продолжая работу в данном направлении, Ч. Грейсон, Н. Шварц и Г. Хипшлер [Grayson, Schwarz, Hippler. 1995] задавали вопросы о поведении по шкале, содержащей значения от “редко” до “часто”. В зависимости от условий эксперимента слову “редко” соответствовали цифры

0 или 1. Как и ожидалось, если слову “редко” соответствовала цифра 0, респонденты чаще выбирали другие значения шкалы, поскольку в этом случае “редко” интерпретировалось как “никогда”.

Респонденты используют варианты ответов для интерпретации смысла вопроса. Они исходят из скрытого предположения, что любые аспекты текущего разговора значимы для его целей. В интервью в качестве таких аспектов, очевидно, выступают и внешние характеристики дизайна вопросника, например числовые значения ранговой шкалы. Следовательно, одинаково сформулированные вопросы будут интерпретироваться в зависимости от сопровождающих их вариантов ответа [Schwarz, Hippler. 1991].

Контекст вопроса

Интерпретация предполагаемого смысла вопроса зависит и от контекста, в котором он предъявлен. Контекст вопроса проявляется сильнее в случае неоднозначной формулировки. Ранее отмечалось, что теоретически контекстуальные эффекты могут свидетельствовать как о семантическом разнообразии словоформ, так и о сознательном поиске смысла в процессе разговора.

Например, Ф. Стрэк, Н. Шварц, М. Ванке [Strack, Schwarz, Wanke. 1991] просили немецких студентов выразить отношение к неоднозначно сформулированному предложению – введению “образовательных взносов”. Для одних студентов данный вопрос предварялся сообщением о плате за обучение в США, для других – о финансовой поддержке шведских студентов правительством Швеции. Как и ожидалось, респонденты чаще одобряли введение образовательных взносов, если предыдущий вопрос касался денег, получаемых студентами, а не денег, которые они должны были заплатить. (Следует отметить, что в Германии высшее образование бесплатное.) Ре-

зультаты эксперимента свидетельствуют либо о том, что предыдущие вопросы автоматически влияют на интерпретацию неоднозначных понятий, либо о том, что респонденты осознанно ищут контекст, помогающий восстановить смысл вопроса. Хотя мы не можем разграничить эти процессы, исходя из описания в работе Ф. Стрэка, Н. Шварца и М. Ванке, другие эксперименты показывают, что возникновению аналогичных эффектов при анкетировании могут способствовать не только предыдущие, но и последующие вопросы [Schwarz, Strack, Hippler, Bishop. 1991]. Из этого следует, что респонденты сознательно ищут контекст неясного для них вопроса. Чтобы понять его, они могут снова вернуться к вопросу, ответ на который вначале казался вполне обдуманым. Как часто во время заполнения анкеты происходит такой возврат, неизвестно. Мы предполагаем, что это происходит чаще тогда, когда респонденту попадает непонятный вопрос, а следующие за ним могут прояснить его значение.

Контекст может оказывать влияние на интерпретацию вопроса, даже если последний лексически однозначен. Приведем два примера. Н. Шварц, Ф. Стрэк и Г. Май спрашивали респондентов об их удовлетворенности жизнью, что не вызывало каких-либо проблем в восприятии вопроса [Schwarz, Strack, Mai. 1991]. В одном случае перед этим был поставлен вопрос об удовлетворенности браком, и оба предварялись введением: “Нам хотелось бы спросить вас о двух аспектах вашей жизни, которые обычно связывают с благополучием”. В этом случае респонденты интерпретировали вопрос об удовлетворенности жизнью, как если бы он был сформулирован следующим образом: “Оставляя в стороне все, что вы уже рассказали нам, насколько вы удовлетворены другими аспектами вашей жизни?” Такое смещение в понимании вопроса свидетельствует о влиянии

Если контекст допускает несколько значений, то интерпретатор обычно выбирает первое пришедшее на ум и придерживается, пока не обнаружит ошибку. Независимо от контекста вопроса респонденты могут понимать его смысл по-разному – в зависимости от значения, которым они чаще всего пользуются в повседневности

Контекст может оказывать влияние на интерпретацию вопроса, даже если последний лексически однозначен. Приведем два примера. Н. Шварц, Ф. Стрэк и Г. Май спрашивали респондентов об их удовлетворенности жизнью, что не вызывало каких-либо проблем в восприятии вопроса [Schwarz, Strack, Mai. 1991]. В одном случае перед этим был поставлен вопрос об удовлетворенности браком, и оба предварялись введением: “Нам хотелось бы спросить вас о двух аспектах вашей жизни, которые обычно связывают с благополучием”. В этом случае респонденты интерпретировали вопрос об удовлетворенности жизнью, как если бы он был сформулирован следующим образом: “Оставляя в стороне все, что вы уже рассказали нам, насколько вы удовлетворены другими аспектами вашей жизни?” Такое смещение в понимании вопроса свидетельствует о влиянии

“соглашения об известном и новом” [Naviland, Clark. 1974], которое “предписывает” сообщать новую для интервьюера информацию, а не повторять уже сказанное. Респонденты сознательно исключают оценку своего брака из ответа на вопрос об общей удовлетворенности жизнью, поскольку они уже сказали об этом ранее. <...> Г. Бачмен и К. Алксер [Bachman, Alcser. 1993] спрашивали респондентов об удовлетворенности “системой здравоохранения США” и выбранными ими программами медицинского страхования. Большинство респондентов, имевших медицинскую страховку, говорили об удовлетворенности своими программами страхования независимо от порядка предъявления вопросов: 77,8% были полностью или частично удовлетворены, когда вопрос задавался первым, и 76,4% – когда вопрос задавался вторым. А вот ответы на вопрос об удовлетворенности системой здравоохранения США зависели от расположения вопросов. Когда вопрос о системе здравоохранения задавался первым, 39,6% респондентов говорили о полной или частичной удовлетворенности и только 26,4% отвечали так же, когда вопрос задавался вторым. Рассказав о собственных программах медицинского страхования, которыми в большинстве своем были удовлетворены, респонденты отсекали данную информацию при ответе на вопрос о здравоохранении. Они переформулировали для себя вопрос о системе здравоохранения следующим образом: “Исключая ваши программы медицинского страхования, насколько в целом вы удовлетворены системой здравоохранения США?”, что и привело к снижению оценки уровня удовлетворенности.

Приведенные выше примеры показывают, что понимание вопроса определяется не только его формулировкой. Осмысливая вопрос, респонденты извлекают информацию из контекста. Делая прагматические выводы, они придерживаются правил ведения разговоров в обыденной жизни. Следовательно, в моделях, описывающих процессы понимания вопросов, должны приниматься во внимание не только семантические, но и прагматические аспекты [Clark, Schober. 1992; Schwarz. 1994; Strack. 1994; Strack, Schwarz. 1992].

Вспоминание или формирование суждений

Как только респондент определяет, что хочет услышать исследователь, ему нужно вспомнить подходящую информацию. Иногда респондент имеет наготове пригодные для ответа суждения, сформированные ранее. Но в большинстве случаев он не может найти в памяти подходящий ответ и вынужден формулировать суждения по ходу дела.

Вспоминание суждений

Способность респондента восстанавливать в памяти определенное суждение зависит от того, каким образом оно было сформировано впервые и насколько доступным оно оказалось в момент опроса. Когда речь идет об установках, ключевое значение имеют важность обсуждаемого вопроса и личный опыт, связанный с объектом установки. Неудивительно, что спонтанные ответы чаще всего даются на более важные для респондента вопросы. Кроме того, некоторые ежедневные действия (например, принятие решения о приобретении товаров) требуют оценки различных объектов. И если решение было принято недавно, оценки еще могут храниться в памяти. Доступность сформированных ранее оценочных суждений повышается, если респондент не раз сталкивался с объектом установки. (Обзор исследований по доступности воспоминаний о сформированных ранее установках представлен в работе Р. Фазио [Fazio. 1989]; использование полученных выводов в ситуации массовых опросов можно найти у Д. Бассили [Bassili. 1995]). Наконец, если предыдущий и текущий вопросы связаны друг с другом, то сформированное ранее суждение будет оставаться доступным в памяти, ограничивая активизацию новой информации.

Доступ к подходящему ответу о поведении будет тем выше, чем значимее эти события для респондента и чем реже они имеют место в его жизни [Bradburn, Rips, Shevell, 1987; Schwarz, 1990a; Strube, 1987]. Если события происходят часто, то прямой доступ к готовому суждению возможен лишь тогда, когда поведение имеет ре-

гулярный характер. В этом случае респондент может оценить норму регулярности, например “раз в неделю” [Menon., 1994].

Формирование суждений

Обычно респондентам нужно сформировать суждение в ходе ответа. В вопросах об установках это обусловлено сложностью обсуждаемых тем при требуемой простоте анкетных вопросов [Schuman, Kalton. 1985]. Поэтому, даже если респондент вспомнит то или иное мнение, оно может не вполне соответствовать вопросу. У респондентов в большинстве случаев также нет готовых ответов на вопросы о поведении. Даже вспомнив нужные события, они должны определить, произошли ли они в данный период, и т. д. В результате большинство ответов, которые мы фиксируем в ходе опросов общественного мнения, отражают суждения, сформированные в конкретном контексте конкретного интервью. Поэтому на формирование суждений сильное влияние оказывает доступная в момент опроса информация, зависящая частично от предыдущих вопросов.

Зависимость человеческих суждений от контекста обусловлена тем, что люди обычно скупы на рассуждения, они – “когнитивные скупцы” (cognitive misers) и следуют стратегии “удовлетворения”, а не “оптимизации”. (Г. Саймон описал данные стратегии [Simon. 1957], а Д. Кросник применил их в опросах [Krosnick. 1991]). Когда человека просят высказать суждение, он должен в первую очередь сформировать мысленный образ того, о чем задан вопрос. Для этого он не будет искать в памяти всю потенциально подходящую информацию. Напротив, респондент прекратит поиск, как только обнаружит достаточное для формирования суждения количество информации [Bodenhausen, Wyer. 1987]. Расширенный поиск возможен только в случае высокой мотивации индивида [Schwarz, Clore; in press], что совершенно нети-

пично для массовых опросов. Кроме того, поиск в памяти обычно завершается преждевременно в силу ограниченности времени, отпущенного на него в интервью [Groves, Kahn. 1979]. Поэтому суждения респондентов чаще всего основаны на информации, которая вспоминается наиболее легко. Насколько легко та или иная информация придет человеку в голову, зависит от трех факторов: новизны, частоты ее использования и степени, в которой она связана с другими данными, хранящимися в памяти [Bodenhausen, Wyer. 1987; Higgins. 1989; Schwarz, Sudman. 1995; Wyer, Srull. 1989].

Информация, которая использовалась для ответа на предшествующий вопрос, будет в первую очередь востребована для ответа на текущий вопрос из той же области. Благодаря предшествующему вопросу информация делается на определенное время доступной и становится основной для последующих суждений. Благодаря этому свойству предшествующие вопросы порождают множество контекстуальных эффектов. <...> Кроме новизны, на доступность информации влияет частота ее использования. Например, респондент, который обеспокоен угрозой безработицы, будет часто думать об этом, делая информацию о безработице “постоянно доступной”.

Наконец, та или иная информация тем доступнее, чем более она интегрирована в общую структуру представлений индивида. Большинство когнитивных психологов изображают память в качестве широкой сети, в которой отдельные части информации являются ее узлами [Anderson, 1980; Hastie, 1987]. Поиск информации заключается в прохождении отрезков, соединяющих эти узлы. Следовательно, чем больше таких отрезков ведет к одному узлу, тем больше шансов его достичь. Если респондент обеспокоен безработицей, он может размышлять о том, как она отразится на разных аспектах его жизни, создавая в памяти дополнительные

Если предыдущий и текущий вопросы связаны друг с другом, то сформированное ранее суждение будет оставаться доступным в памяти, ограничивая активизацию новой информации

“отрезки”. В результате мысли о безработице могут прийти в голову, как только будет затронут один из таких аспектов⁷.

Доступность информации определяет, *какие* данные будут использованы для формирования суждения. А что именно будет делать респондент с тем, что приходит в голову, зависит от типа применяемых процедур. Процедуры вынесения суждения о мнении и поведении различаются между собой, о чем мы будем говорить в последующих главах. Сейчас лишь заметим, что ответы основаны на информации, которая наиболее доступна в момент формирования суждений. Респонденты используют эту информацию для формирования мысленного образа объекта установки или соответствующего факта поведения и отвечают, отталкиваясь от данного образа. Часть информации, воссоздающей образ, всегда наготове в памяти и вспоминается мгновенно. Такая постоянно доступная информация обеспечивает стабильность ответов в разное время и в различных контекстах. Другая часть информации лишь временно доступна, как, например, информация, вспомнившаяся при ответе на предшествующий вопрос. Использование такой информации приводит к непостоянству ответов во времени и возникновению контекстуальных эффектов.<...>

Форматирование ответа

Интервьюер обычно не позволяет респонденту описывать суждения собственными словами и предлагает выбрать одну из предложенных альтернатив. Чтобы сделать выбор, респонденту требуется соотнести собственный ответ с одним из имеющихся вариантов. Поэтому выбор исследователем тех или иных вариантов ответа может существенно повлиять на результаты исследования [Schwarz, Hippler. 1991].

Теоретически влияние вариантов ответа выходит за рамки стадии форматирования ответа и распространяется на всю последовательность

шагов ответа на вопрос. В качестве примера рассмотрим перечень дискретных мнений или действий, из которых респондент должен выбрать наиболее подходящее. Если мнению респондента не соответствует ни один из предложенных вариантов ответа, он вряд ли даст свой, даже если в списке предусмотрена категория “другое” [Schuman, Presser. 1981]. Этот экспериментально подтвержденный вывод может свидетельствовать о проблемах, возникших на стадии форматирования ответа, или о различиях в предположениях респондентов о подразумеваемом смысле вопроса. Аналогичным образом предлагаемые в вопросах о поведении частотные варианты ответа (например “раз в неделю”) могут влиять не только на форматирование ответа, но и на восприятие вопроса [Schwarz, Strack, Muller, Chassein. 1988] и выбор способа формирования суждения [Schwarz, Hippler, Deutsch, Strack. 1985].

Похоже, влияние шкалы, отчетливо проявляющееся на стадии форматирования, дает о себе знать и в случае ранговых шкал. Это описано в теории перспектив (*perspective theory*) Т. Острома и Г. Апшоу [Ostrom, Upshaw. 1968] и теории ранговой частоты (*range-frequency theory*) А. Пардуччи [Parducci. 1983; Parducci, Perrett. 1971]. Как показывают многочисленные эксперименты, при фиксации крайних значений ранговой шкалы респонденты подвергаются влиянию наиболее сильных стимулов, содержащихся в вербальном материале. В результате предлагаемым респондентам стимулам будут присваиваться меньшие значения на шкале в контексте более сильных стимулов и большие значения в контексте менее сильных стимулов. В модели А. Пардуччи такое влияние определяется как “ранговый эффект”. Кроме того, если количество стимулов, которые необходимо проранжировать, велико, респонденты пытаются использовать каждый пункт шкалы с равной частотой. Поэтому приписываемые ранги зависят от распределения частот предъявленных стимулов, что получило название “эффект

⁷ Эффект “постоянной доступности” может проявляться настолько сильно, что любые вопросы будут приводить к рассуждениям на беспокоящую респондента тему. – *Прим. перев.*

та частоты”. Д. Даамен и С. де Байе [Daamen, de Vie. 1992] предприняли попытку описать логику этих процессов и привели несколько примеров, иллюстрирующих их влияние на результаты опросов. <...>

Редактирование ответа

Стремление к самопрезентации или социальному одобрению может вызвать у респондента желание отредактировать ответ, прежде чем сообщить его интервьюеру. Влияние таких соображений в личном интервью проявляется сильнее, чем при заполнении анкеты [Smith. 1979] (Обзор литературы по этому вопросу можно найти в работе Т. Демэйо [DeMaio. 1984]).

Важно подчеркнуть, что эффекты ответа, отражающие влияние социальной желательности, ограничены лишь сенситив-

ными вопросами. Кроме того, факторы, обуславливающие социально желательный ответ, ситуативны. Например, несколько исследователей [Smith. 1979] обнаружили, что в личном интервью респонденты указывают на более высокий уровень счастья и удовлетво-

ренности, чем при анкетировании. В иных условиях Ф. Стрэк, Н. Шварц, Б. Шассен, Д. Керн и Д. Вагнер [Strack, Schwarz, Chassein, Kern, Wagner. 1990] зафиксировали противоположный эффект. Респонденты явно преуменьшали уровень счастья, если их спрашивал об этом интервьюер с физическими недостатками, поскольку в этом случае им было неудобно подчеркивать такое состояние. И наоборот, если инвалид присутствовал во время самостоятельного заполнения анкеты, респонденты чаще говорили о собственном счастье, поскольку этот человек становился для них неявным стандартом, по отношению к которому они оценивали собственную жизнь. Как показывает данный пример, исследуя проблему социальной желательности, следует уделять пристальное внимание ситуации опроса, определяющей, что желательно, а что нет.

Самовоспроизводящаяся валидность: влияние участников опроса

Хотя последовательность шагов при ответе на вопрос заканчивается артикуляцией ответа, полезно обсудить влияние способов измерения на промежуточные установки, намерения и поступки респондента. Д. Фельдман и Д. Линч [Feldman, Lynch. 1988; Feldman. 1992] провели детальный анализ основных способов, к которому мы будем апеллировать при обсуждении контекстуальных эффектов, возникающих в измерении установок. В принципе, необходимость ответа на вопрос о намерениях вести себя тем или иным образом приводит к большей доступности воспоминаний о самих намерениях и, следовательно, вероятности того, что они придут в голову в ситуации, когда нужно будет действовать.

С. Шерман и его коллеги [Sherman, 1980; Sherman et al. 1983] обнаружили, что само предположение о будущем поведении может приводить к изменению поведения в соответствии с предсказанным. В одном из экспериментов студентов просили предположить, будут ли они в течение

трех часов участвовать в качестве волонтеров в сборе денег на нужды общества по борьбе с раком. Готовность участвовать в экспериментальной группе была выше по сравнению с фактическим участием в контрольной группе, членом которой просто просили быть волонтерами в течение трех часов. Но данное смещение “самоустранялось”, т. е. испытуемые, которые делали предположения об участии, обычно следовали им, что привело к более высокому уровню участия в акции в группе. Аналогичным образом В. Грегори, Р. Сиалдини и К. Карпентер [Gregory, Cialdini, Carpenter. 1982] обнаружили, что покупатели, которых просили представить себя в роли зрителей кабельного телевидения, впоследствии чаще подписывались на данную услугу. Более того, А. Гринволд, Ч. Карно, Р. Бич и Б. Янг [Greenwald, Carnot, Beach, Young. 1987] показали, что вопросы о намерении голосовать

В личном интервью респонденты указывают на более высокий уровень счастья и удовлетворенности, чем при анкетировании

увеличивают фактическое участие на выборах среди тех, кому эти вопросы задавались.

На сегодняшний день наиболее впечатляющий случай влияния опроса на фактическое поведение его участников зафиксирован В. Морвицем, Е. Джонсоном и Д. Шмиттляйном [Morwitz, Johnson, Schmittlein. 1993]. Анализируя данные потребительской панели, состоящей из более чем четырех тысяч домохозяйств, авторы обнаружили, что вопросы о планах покупки автомобиля или персонального компьютера увеличили вероятность фактической покупки. Среди тех, кому в предыдущей волне опроса не задавался вопрос о намерениях, только 2,4% купили автомобиль в течение последующих шести месяцев; в то же время среди тех, кому такой вопрос был задан, доля покупателей составила 3,3%. Иными словами, из-за вопроса “Когда кто-либо из вашей семьи купит новый автомобиль?” количество покупок выросло на 37% по отношению к базовому уровню – 2,4% покупателей. Точно так же среди тех, кому не задавали вопрос о намерениях, только 3,8% купили персональный компьютер, в то время как среди тех, кому он был задан, доля покупателей составила 4,5%. Вопрос “Планируете ли вы или кто-то из вашей семьи приобрести (другой) персональный компьютер для домашнего пользования?” привел к росту покупок на 18%. Таким образом, “доля домашних хозяйств, в которых был приобретен продукт, возрастала в том случае, если измерялись намерения респондентов” [Morwitz, Johnson, Schmittlein. 1993. P. 52]. Дополнительный анализ показал, что опрос в наибольшей степени повлиял на те домохозяйства, в которых ранее не было указанных товаров.

Наконец, повторяющееся измерение намерений в нескольких волнах опроса привело к их поляризации: они усиливались у тех, кто с самого начала говорил о большом желании приобрести товар, и значительно уменьшались у тех, кто проявлял слабое желание. Это показывает, что повторение вопросов

о намерениях купить товар приводит к более частому их осуществлению в домохозяйствах, с самого начала проявлявших сильное стремление к этому, но снижает уровень покупок среди респондентов, не проявлявших к ним стремления. Таким образом, размышления о возможной покупке в ходе опроса увеличивают вероятность ее фактического осуществления.

Исследования показывают, что ответы могут влиять не только на последующие ответы, но и на фактическое поведение респондентов. Если подобные поведенческие эффекты случаются, они приводят к тому, что Д. Фельдман и Д. Линч [Feldman, Lynch. 1988] назвали “самовоспроизводящейся валидностью”.

Заключение

Мы рассмотрели задачи, стоящие перед респондентом при ответе на вопрос. Для простоты изложения мы расположили их в определенном порядке. На наш взгляд, этот порядок отражает действительную последовательность, которой в большинстве случаев придерживается респондент. Однако вполне возможно, что респондент произвольно изменяет порядок решения тех или иных задач. Например, он может заметить, что первоначальная интерпретация

вопроса не соответствует той, что подразумевалась исследователем: формулируя ответ, он не сможет выбрать ни одну из предлагаемых альтернатив. Сталкиваясь с развернутыми вариантами ответа, респондент может решить, что исследователя интересует более подробное изложение событий, а тогда попытки описать дополнительные факты потребуют дополнитель-

ных усилий по их восстановлению в памяти. Последовательное рассмотрение когнитивных задач наиболее вероятно, но не всегда имеет место в реальности. Тем не менее последовательное упорядочивание мыслительных задач необходимо для целей нашего анализа.

Под влиянием представлений о социальной желательности или ситуационных факторов респондент может посчитать нужным отредактировать свой ответ, прежде чем сообщить его интервьюеру

Обобщим сказанное. Сначала респондент должен проинтерпретировать вопрос, чтобы понять его смысл. Если это вопрос о мнениях, респондент может вспомнить уже сформированное мнение или создать его заново. Для этого ему необходимо найти в памяти информацию, пригодную для формирования мысленного образа объекта, который нужно оценить. В большинстве случаев респондент должен также найти или сконструировать некоторые стандарты, относительно которых будет проводиться оценка. Как только респондент сформировал “личное” суждение, он должен сообщить его интервьюеру. Для этого требуется отформатировать суждение так, чтобы оно соответство-

вало одной из предлагаемых альтернатив. Под влиянием представлений о социальной желательности или ситуационных факторов респондент может посчитать нужным отредактировать свой ответ, прежде чем сообщать его интервьюеру.

Аналогичные рассуждения применимы и к вопросам о поведении. Вначале респонденту нужно понять, о каком типе поведения идет речь в вопросе. Затем он должен вспомнить или реконструировать подходящие примеры такого поведения. Если в вопросе установлены временные рамки, респондент должен решить, относится данное событие к соответствующему периоду или нет. Если вопрос касается “типичного” поведения, респондент должен определить, являются ли вспомнившиеся события примерами обычного поведения или отклонениями от него. Если респондент не может или не хочет реконструировать конкретные примеры поведения, он может опираться на общие представления или другую запомнившуюся информацию, имеющую отношение к задаче оценки событий. Наконец, респондент должен рассказать исследователю о своей оценке. Ему может потребоваться расположить свой ответ на предлагаемой шкале или отредактировать его в соответствии с социальными нормами.

Чтобы понять, как респондент догадывается о подразумеваемом смысле вопроса, нужно рассмотреть и когнитивные, и коммуникативные процессы. Коммуникативные процессы свидетельствуют о том, что, участвуя в опросах, респонденты следуют правилам

повседневного разговора. Эти скрытые правила систематизированы Полом Грайсом [Grice. 1975]. Придерживаясь данных правил, респонденты принимают во внимание контекст вопроса и предлагаемые варианты ответа, чтобы определить смысл вопроса. Кроме того, содержание предшествующих вопросов увеличивает когнитивную доступность информации, заложенной в ответе на них. Поэтому скорее всего именно она позже придет в голову респонденту и повлияет на выбор ответа в последующем вопросе

респонденту и повлияет на выбор ответа в последующем вопросе.

Наконец, одни ответы не только влияют на другие, но и воздействуют на последующее поведение респондента. ■

Содержание предшествующих вопросов увеличивает когнитивную доступность информации, заложенной в ответе на них, поэтому скорее всего именно она позже придет в голову респонденту и повлияет на выбор ответа в последующем вопросе

Литература

- Anderson J.R.* Cognitive psychology and its implications. New York: W.N. Freeman, 1980.
- Answering questions: Methodology for determining cognitive and communicative processes in survey research / Ed. by N. Schwarz, S. Sudman. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1995.
- Bachman G., Alcsér K.* Limitation of conventional polling methods in studying attitudes about health care in America: An example of question sequence effects / Unpublished manuscript. Michigan: University of Michigan, 1993.
- Bassili J.N.* The how and why of response latency measurement in telephone surveys // Answering questions: Methodology for determining cognitive and communicative processes in survey research / Ed. by N. Schwarz, S. Sudman. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1995. P. 319-346.
- Bishop G.F., Oldendick R.W., Tuchfarber R.J.* Opinions on fictitious issues: The pressure to answer survey

- questions // *Public opinion quarterly*. 1986. Vol. 50. P. 240-250.
- Bodenhausen G.V., Wyer R.S.* Social cognition and social reality: Information acquisition and use in the laboratory and the real world // *Social information processing and survey methodology* / Ed. by H.J. Hippler, N. Schwarz, S. Sudman. New York: Springer, 1987. P. 6-41.
- Bodenhausen G.V., Wyer R.S.* Social cognition and social reality: Information acquisition and use in the laboratory and the real world // *Social information processing and survey methodology* / Ed. by H.J. Hippler, N. Schwarz, S. Sudman. New York: Springer, 1987. P. 6-41.
- Bradburn N.M.* What have we learned? // *Context effects in social and psychological research* / Ed. by N. Schwarz, S. Sudman. New York: Springer-Verlag, 1992.
- Bradburn N.M., Rips L.J., Shevell S.K.* Answering autobiographical questions: The impact of memory and inference on surveys // *Science*. 1987. Vol. 236. P. 157-161.
- Clark H.H., Clark E.V.* *Psychology and language*. Orlando, FL: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1977.
- Clark H.H., Schober M.F.* Asking questions and influencing answers // *Questions about questions: Inquiries into the cognitive bases of surveys* / Ed. by J.M. Tanur. New York: Russell Sage Foundation, 1992. P. 15-48.
- Daamen D.D.L., de Bie S.E.* Serial context effects in survey items // *Context effects in social and psychological research* / Ed. by N. Schwarz, S. Sudman. New York: Springer-Verlag, 1992. P. 97-114.
- DeMaio T.J.* Social desirability and survey measurement: A review // *Surveying subjective phenomena: Vol. 2* / Ed. by C.F. Turner, E. Martin. New York: Russell Sage Foundation, 1984. P. 257-281.
- Fazio R.H.* A practical guide to the use of response latency in social psychological research // *Research methods in personality and social psychology: Vol. 11* / Ed. by C. Hendrick, M.S. Clark. Newbury Park, CA: Sage Publication, 1990.
- Fee J.* Symbols and attitudes. Unpublished doctoral dissertation. University of Chicago, 1979.
- Feldman J.M.* Constructive processes on survey research: Exploration on self-generated validity // *Context effects in social and psychological research* / Ed. by N. Schwarz, S. Sudman. New York: Springer-Verlag, 1992. P. 49-61.
- Feldman J.M., Lynch J.G.* Self-generated validity and other effects of measuring belief, attitude, intention and behavior // *Journal of applied psychology*. 1988. Vol. 73. P. 421-435.
- Forgas J.P.* What is social about social cognition? // *Social cognition: Perspectives on everyday understanding* / Ed. by J.P. Forgas. New York: Academic Press, 1981. P. 1-26.
- Glass A.L., Holyoak K.J., Santa J.L.* *Cognition*. New York: Random House, 1979.
- Grayson C.E., Schwarz N., Hippler H.J.* The numeric values of rating scales may affect scale meaning / Paper presented at the meeting of the Midwestern Psychological Association. Chicago, IL, 1995.
- Greenwald A.C., Carnot C.G., Beach R., Young B.* Increased voting behavior by asking people if they expect to vote // *Journal of applied social psychology*. 1987. Vol. 72. P. 315-318.
- Gregory W.L., Cialdini R.B., Carpenter K.M.* Self-relevant scenarios as mediators of likelihood estimates and compliance: Does emagining make it so? // *Journal of personality and social psychology*. 1982. Vol. 43. P. 89-99.
- Grice H.P.* Logic and conversation // *Syntax and semantics: 3. Speech acts* / Ed. by P. Cole, J.L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. P. 41-58.
- Grice H.P.* Logic and conversation // *Syntax and semantics: 3. Speech acts* / Ed. by P. Cole, J.L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. P. 41-58.
- Groves R.M., Kahn R.L.* *Surveys by telephone: A national comparison with personal interviews*. New York: Academic Press, 1979.
- Hastie R.* Information processing theory for the survey researcher // *Social information processing and survey methodology* / Ed. by H.J. Hippler, N. Schwarz, S. Sudman. New York: Springer-Verlag, 1987. P. 42-70.
- Hastie R.* Information processing theory for the survey researcher // *Social information processing and survey methodology* / Ed. by H.J. Hippler, N. Schwarz, S. Sudman. New York: Springer-Verlag, 1987. P. 42-70.

- Haviland S.E., Clark H.H.* What's new? Acquiring new information as a process of comprehension // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1974. Vol. 13. P. 512-521.
- Higgins E.T.* Knowledge accessibility and activation: subjectivity and suffering from unconscious sources // Unintended thought / Ed. by J.S. Uleman, J.A. Bargh. New York: Guilford Press, 1989. P. 75-123.
- Krosnick J.A.* Response strategies for coping with the cognitive demands of attitude measures in surveys // Applied cognitive psychology. 1991. No. 5. P. 213-236.
- Lackner J.R., Carrett M.F.* Resolving ambiguity: Effects of biasing context in the unattended ear // Cognition. 1972. No. 1. P. 359-372.
- Levinson S.C.* Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Lieberman P.* Some effects of semantic and grammatical context on the production and perception of speech // Language and speech. 1963. No. 6. P. 172-187.
- Marslen-Wilson W.D.* Function and process in spoken word recognition // Attention and performance: Vol. 10 / Ed. by H. Bouma, D.G. Bouwhuis. London: Erlbaum, 1984.
- Menon G.* Judgments of behavioral frequencies: An information processing perspective. Unpublished doctoral dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign, 1991.
- Morwitz V., Johnson E., Schmittlein D.* Does measuring intent change behavior? // Journal of consumer research. 1993. Vol. 20. P. 46-61.
- Ostrom T.M., Upshaw H.S.* Psychological perspective and attitude change // Psychological foundation of attitudes / Ed. by A.C. Greenwald, T.C. Brock, T.M. Ostrom. New York: Academic Press, 1968.
- Paarek U., Rao T.V.* Cross-cultural surveying and interviewing // Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 6 / Ed. by H. Triandis, J.G. Draguns. Boston: Allyn & Bacon, 1980. P. 127-180.
- Parducci A.* Category rating and the relational character of judgment // Modern issues in perception / Ed. by H.G. Geissler, H.F.J. Bulfart, E.L.H. Leeuwenberg, V. Sarris. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1983. P. 262-282.
- Parducci A., Perrett L.F.* Category rating scales: Effects of relative spacing and frequency of stimulus values // Journal of experimental psychology monograph. 1971. Vol. 89. P. 427-452.
- Schuman H., Kalton G.* Survey methods // Handbook of social psychology: Vol. 1 / Ed. by G. Lindzey, E. Aronson. New York: Random House, 1985.
- Schuman H., Presser S.* Questions and answers in attitude surveys. New York: Academic Press, 1981.
- Schwarz N.* Assessing frequency reports of mundane behaviors: Contributions of cognitive psychology to questionnaire construction // Research methods in personality and social psychology / Ed. by C. Hendrick, M.S. Clark. Newbury Park, CA: Sage Publication, 1990. P. 98-119.
- Schwarz N.* Feeling as information: Informational and motivational functions of affective states // Handbook of motivation and cognition: Foundations of social behavior. Vol. 2 // Ed. by E.T. Higgins, R. Sorrentino. New York: Guilford Press, 1990. P. 527-561.
- Schwarz N.* Judgment in a social context: Baises, shortcomings, and the logic of conversation // Advances in experimental social psychology: Vol. 26. San Diego, CA: Academic Press, 1994. P. 123-162.
- Schwarz N., Bless H.* Constructing reality and its alternatives: Assimilation and contrast effects in social judgment // The construction of social judgment / Ed. by L.L. Martin, A. Tesser. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1992. P. 217-245.
- Schwarz N., Bless H.* Scandals and the public's trust in politicians: Assimilation and contrast effects // Personality and social psychology bulletin. 1992. Vol. 18. P. 574-579.
- Schwarz N., Clore G.L.* Feelings and phenomenal experiences // Social psychology: A handbook of basic principles / Ed. by E.T. Higgins, A. Kruglanski (in press). New York: Guilford.
- Schwarz N., Hippler H.J.* Response alternatives: The impact of their choice and ordering // Measurement error in surveys // Ed. by P. Biemer, R. Groves, N. Mathiowetz, S. Sudman. Chichester: Wiley, 1991. P. 41-56.
- Schwarz N., Hippler H.J., Deutsch B., Strack F.* Response categories: Effects on behavioral reports and comparative judgments // Public opinion quarterly. 1985. Vol. 48. P. 388-395.

- Schwarz N., Knauper B., Hippler H.J., Noelle-Neumann E., Clark F.* Rating scales: Numeric values may change the meaning of scale labels // *Public opinion quarterly*. 1991. Vol. 55. P. 618-630.
- Schwarz N., Strack F.* Context effects in attitudes surveys: Applying cognitive theory to social research // *European review of social psychology*. Vol. 2 / Ed. by W. Stroebe, M. Hewstone. Chichester: Wiley, 1991. P. 31-50.
- Schwarz N., Strack F.* Evaluating one's life: A judgment model of subjective well-being // *Subjective well-being* / Ed. by F. Strack, M. Argyle, N. Schwarz. London: Pergamon, 1991.
- Schwarz N., Strack F.* Social cognition and communication: Human judgment in its social context // *Social cognition (Special issue)*. 1991. Vol. 9. No. 1.
- Schwarz N., Strack F., Hippler H.J., Bishop G.* The impact of administration mode on response effects in survey measurement // *Applied cognitive psychology*. 1991. No. 5. P. 193-212.
- Schwarz N., Strack F., Mai H.P.* Assimilation and contrast effects in part-whole question sequences: A conversational logic analysis // *Public opinion quarterly*. 1991. Vol. 55. P. 3-23.
- Schwarz N., Strack F., Muller G., Chassein B.* The range of response alternatives may determine the meaning of the questions: Further evidence on informative functions of response alternatives // *Social cognition*. 1988. No. 6. P. 107-117.
- Sherman S.J.* On the self-erasing nature of errors of prediction // *Journal of personality and social psychology*. 1980. Vol. 39. P. 211-221.
- Sherman S.J., Zebner K.S., Johnson J., Hirt E.R.* Social explanation: The role of timing, set, and recall on subjective likelihood estimates // *Journal of personality and social psychology*. 1983. Vol. 44. P. 1127-1143.
- Simon H.A.* Models of man. New York: Wiley, 1957.
- Smith T.W.* Happiness // *Social psychology quarterly*. 1979. Vol. 42. P. 18-30.
- Smyth M.M., Morris P.E., Levy P., Ellis A.W.* Cognition in action. London: Erlbaum, 1987.
- Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and cognition. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
- Strack F.* Order effects in survey research: Activative and informative functions of preceding questions // *Context effects in social and psychological research* / Ed. by N. Schwarz, S. Sudman. New York: Springer-Verlag, 1992. P. 23-34.
- Strack F.* Zur psychologie der standardisierten Befragung. Heidelberg: Springer-Verlag, 1994.
- Strack F., Martin L.L.* Thinking, judging, and communicating: A process account of context effects in attitude surveys // *Social information processing and survey methodology* / Ed. by H.J. Hippler, N. Schwarz, S. Sudman. New York: Springer-Verlag, 1987. P. 123-148.
- Strack F., Schwarz N.* Implicit cooperation: The case of standardized questioning // *Social cognition and language* / Ed. by G. Semin, F. Fiedler. Newbury Park, CA: Sage, 1992.
- Strack F., Schwarz N., Chassein B., Kern D., Wagner D.* The salience of comparison standards and the activation of social norms: Consequences for judgments of happiness and their communication // *British journal of social psychology*. 1990. Vol. 29. P. 303-314.
- Strack F., Schwarz N., Wanke M.* Semantic and pragmatic aspects of context effects in social and psychological research // *Social cognition*. 1991. No. 9. P. 111-125.
- Tourangeau R., Rasinski K.A.* Cognitive processes underlying contexts in attitude measurement // *Psychological Bulletin*. 1988. Vol. 103. P. 299-314.
- Tourangeau R.* Attitude as memory structure: Belief sampling and context effects // *Context effects in social and psychological research* / Ed. by N. Schwarz, S. Sudman. New York: Springer-Verlag, 1992. P. 35-47.
- Tourangeau R.* Attitude measurement: A cognitive perspective // *Social information processing and survey methodology* / Ed. by H.J. Hippler, N. Schwarz, S. Sudman. New York: Springer-Verlag, 1987. P. 149-162.
- Tourangeau R.* Cognitive sciences and survey methods // *Cognitive aspects of survey methodology: Building a bridge between disciplines* / Ed. by T.B. Jabine, M.L. Straf, J.M. Tanur, R. Tourangeau. Washington, DC: National Academy of Science Press, 1984.
- Wyer R.S., Srull T.K.* Memory and cognition in its social context. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989.

Сеймур Садмен (1929–2000) – профессор, специалист по методам массовых обследований и когнитивной психологии, удостоенный премии Уолтера Г. Стеллнера в области маркетинга; профессор делового администрирования и социологии, заместитель директора и профессор Лаборатории исследований общественного мнения Университета штата Иллинойс, Урбана-Шампань. Сеймур Садмен – автор, соавтор и редактор шестнадцати книг, из них четыре написаны вместе с Норбертом Шварцем. Их последняя книга “Ответы на вопросы” [Answering questions, 1995]. Садмен написал более двухсот статей, был членом редакционных коллегий ряда научных журналов.

Норман Брэдберн – профессор факультета психологии и Высшей школы исследований государственной политики Центра Харриса, занимал посты вице-президента по исследованиям и директора Национального центра исследований общественного мнения, проректора Чикагского университета, лауреат премии Тиффани и Маргарет Блейк. Специалист по методологии массовых обследований, Норман Брэдберн возглавляет два комитета в Национальной академии наук США: Комитет национальной статистики и Панель оценки альтернативных методов переписи населения в переписях 2000 года и далее. В 1988–1992 годах он возглавлял научный совет Национальной академии наук США по международным сравнительным исследованиям образования. Норман Брэдберн был президентом Американской ассоциации исследователей общественного мнения, является членом Американской статистической ассоциации. Его многочисленные публикации посвящены когнитивным проблемам массовых опросов. Совместно с Сеймуром Садменом он написал четыре книги по методологии массовых опросов, в том числе “Как правильно задавать вопросы” [Sudman, Bradburn, 1982] и “Предвыборные опросы и опросы общественного мнения” [Bradburn, Sudman, 1988].

Норберт Шварц – профессор психологии Мичиганского университета в Энн-Арборе; ведущий научный сотрудник Центра исследований групповой динамики и Центра исследований общественного мнения Мичиганского института социальных исследований; профессор совместной программы в области методов массовых опросов Университета штата Мэриленд, Колледж-Парк. До работы в Мичиганском университете Норберт Шварц был директором программы ZUMA в Мангейме, Германия. Он получил степень доктора социологии (Университет Мангейма, Германия) и психологии (Университет Гейдельберга, Германия). В фокусе его исследовательских интересов – процессы рассуждения и формирования повседневных представлений. В числе его книг: “Ответы на вопросы” [Answering questions, 1995], “Контекстуальные эффекты в социальных и психологических исследованиях” [Context effects, 1992], “Автобиографическая память и достоверность ретроспективных ответов” [Autobiographical memory, 1994] (сборники составлены совместно с Сеймуром Садменом). Норберт Шварц является членом редакционных коллегий ведущих журналов по психологии и социальным наукам.

Авторы номера...

Елена Вовк
Старший специалист
Фонда
“Общественное
мнение”

Глеб Елисеев
Кандидат исторических
наук. Литературный
критик. Сотрудник
издательства “Титул”

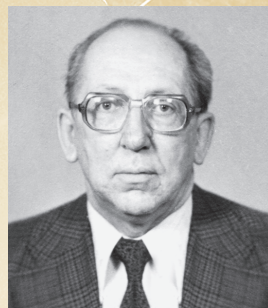
Ольга Елисеева
Кандидат
исторических наук.
Член Союза писателей
России. Старший
ответственный
редактор издательства
“Мир энциклопедий
Аванта”

Светлана Климова
Кандидат
философских наук.
Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Ведущий
научный сотрудник
Института социологии
РАН

Ирина Шмерлина
Кандидат
философских наук.
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии
РАН

Борис Фирсов
Доктор философских
наук. Главный научный
сотрудник и почетный
ректор Европейского
университета
в Санкт-Петербурге

Социальная реальность

Подписка – 2008

Каталог “Пресса России”,
раздел “Социология”, стр. 444, индекс 86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Подписка через агентство “Книга-сервис”.
Тел. секретариата: 680-9088.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Каталог “Подписка за рабочим столом”.
Агентство “Книга-сервис” и “Агентство
по распространению зарубежных изданий”
 (“АРЗИ”), стр. 50, индекс А86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 215 руб.

Каталог “Республика Казахстан.
Российская пресса”. Каталог ОАО “Казпочта”
и ОАО “АРЗИ”), стр. 26, индекс 86301.

Каталог “Библиотечный каталог”
агентство “Книга-сервис” и “АРЗИ”,
стр. 33, индекс К86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Книжная серия

Фонда “Общественное мнение”

Монографии

Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. 2002.

Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. 2002.

Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. 2002.

Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика.

Под ред. В. А. Колосова. 2003.

Блехер Л. И., Любарский Г. Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. 2003.

Галицкий Е. Б. Методы маркетинговых исследований. 2006.

Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. 2005.

Переводы

Уолтон Д. Аргументы ad hominem. *Пер. с англ.* 2002.

Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований. *Пер. с англ.* 2005.

Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. *Пер. с англ.* 2003.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. *Пер. с англ.* 2003.

Гофман И. Анализ фреймов: организация повседневного опыта. *Пер. с англ.* 2004.

Липшман У. Общественное мнение. *Пер. с англ.* 2004.

Цаллер Д. Происхождение и природа общественного мнения. *Пер. с англ.* 2004.

Хроники социологических наблюдений

Поговорим о гражданском обществе. 2001.

Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. 2001.

Десять лет социологических наблюдений. 2003.

Социологические наблюдения (2002–2004). 2005.

Контакт:

Тел. (495) 745-8765

E-mail: izdat@fom.ru

Басманова Светлана Борисовна, Семенова Елена Николаевна
119421, Москва, ул. Обручева, д. 26, корпус 2